КЪ ТЕОРІИ

ИНДО-ЕВРОПЕЙСКАГО ВОКАЛИЗМА

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Алексѣя Путяты.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

ПРОВ. 1958

812
37

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій, слѣдившій за послѣдними шагами языковѣдѣнія, не могъ не придти къ убѣжденію, что наука эта переживаетъ въ настоящее время важный критическій моментъ. Происходятъ разсчеты со старымъ, все болѣе и болѣе меркнутъ доселѣ неопровержимыми казавшіяся истины, въ то время какъ одинъ за другимъ обтесываются камни для новой, болѣе прочной системы.

Мы не ошибемся сказавъ, что истинная жизнь науки проявляется не столько въ ея матеріальныхъ завоеваніяхъ, сколько въ томъ внутреннемъ процессѣ, который вѣчно кипитъ въ ея сокровеннѣйшихъ нѣдрахъ. Профанъ и дилеттантъ восторженно прославляютъ науку, съумѣвшую прочесть загадочныя клинообразныя надписи древней Персіи и Вавилона, въ значеніи которыхъ, какъ надписей, еще столь недавно даже умные люди сомнѣвались; теоретикъ не восторгается этимъ блестящимъ но случайнымъ открытіемъ, къ которому привела счастливая звѣзда Гротефенда; за то онъ преклоняетъ главу предъ тѣмъ почтеннымъ умственныхъ пространствомъ, которое въ своемъ бѣгѣ оставила за собою наука отъ юной подвижности первыхъ систематизаторовъ до трезвой физики Сиверса, до здраваго скептицизма Лескина.

Кризисъ сравнительнаго языковѣдѣнія болѣе глубокъ чѣмъ многіе думаютъ. Мы твердо убѣждены, что этой наукѣ суждено уже въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться совершенно иною чѣмъ какою она была до послѣдняго времени, и претвореніе ея будетъ тѣмъ болѣе полно и совершенно, что въ немъ не отразится субъективный геній какого нибудь отдѣльнаго человѣка. Отдѣльный человѣкъ создастъ лишь школу, а школы часто лишь немногимъ переживаютъ своихъ основателей. Современный же кризисъ языковѣдѣнія носится въ воздухѣ. Его ощущаютъ всѣ, и хотя Миклошичъ въ самую послѣднюю минуту торжественно провозглашаетъ все тотъ же старый принципъ на которомъ стояли Гриммъ и его современники *), то это, надѣемся мы, лишь одиночный голосъ; напротивъ, все то, что съ бо́льшимъ критицизмомъ и съ лучшей вѣрой въ силы науки старается трезво смотрѣть на факты и трезво мыслить о фактахъ—начинаетъ чувствовать все сильнѣй и сильнѣй несостоятельность этихъ отжившихъ свой вѣкъ законоположеній, и ищетъ реформы, хотябы еще и робкой ощупью нетвердой руки.

Изъ чисто формальныхъ сопоставленій Боппа въ его Vergleichendes Accentuationssystem, результатомъ которыхъ оказывается, что всякій языкъ могъ бы довольствоваться однимъ острымъ удареніемъ **)—постепенно выростаютъ хотя еще и отрывочныя теоріи о различныхъ родахъ музыкальныхъ и тоническихъ удареній въ древ-

*) „*A*, *i*, *u*—три основныхъ столпа вокализма арійскихъ языковъ. Этому учитъ языковѣдѣніе въ согласіи съ физіологіей. Всѣ прочія гласныя произошли изъ этихъ трехъ“ (Vergl. Gramm. 2-е изд. Вѣна 1879. Томъ первый—Ученіе о звукахъ стр. 1.).

**) См. между прочимъ Ср. грамм. I³ стр. 194.

нѣйшія эпохи арійскихъ языковъ, и можетъ быть въ основномъ ихъ прототипѣ. Ударенія приводятся въ связь съ подъемами, и сами подъемы разсматриваются уже не какъ вторичный словообразовательный процессъ, а какъ первичный матеріалъ арійскаго звуковаго запаса: вотъ въ главномъ чертахъ господствующее направленіе въ пересоздаваемой теоріи вокализма. Но есть и другіе пункты, на которыхъ охотно изощряется современный лингвистъ. Съ легкой руки Асколи, открывшаго два *к* въ индо-европейскомъ языкѣ, исканіе другихъ подобныхъ дублетовъ стало любимой задачей многихъ изслѣдователей; чтобы оставить въ сторонѣ всѣ прочія подобныя попытки, укажемъ наприм. на Бругмана *), признающаго три различныхъ *а* въ нераздѣленной арійской рѣчи, и на сочиненіе Фердинанда де-Соссюра **) который посвятилъ ихъ всестороннему изученію очень подробное изслѣдованіе въ 300 страницъ, причемъ по его теоріямъ этихъ *а* оказывается уже не три, а четыре ***).

Какъ далеки эти взгляды отъ стройныхъ системъ Боппа и Шлейхера, всѣ старанія которыхъ были направлены на то, чтобъ доказать простоту и цѣльность языка нашихъ предковъ—арійцевъ!

Но этими изслѣдованіями достигается весьма многое. Индо-европейскій языкъ перестаетъ представляться намъ окруженнымъ тѣмъ недосягаемымъ ореоломъ „созна-

---

*) Curtius'a Studien IX, 361 слл. и KZ. XXIV, 2.

**) Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes par Ferdinand de Saussure. Leipsick, 1879.

***) Стр. 52, 116—123, и особенно § 11, стр. 134—184.

тельной чистоты и твердости звуковъ", въ который такъ любили облекать его въ ту эпоху, когда рядомъ съ громкими открытіями Боппа и Гримма звучали поэтическія ноты философіи Шеллинга; когда такъ охотно искали въ доисторическомъ прошедшемъ образовъ идеальной чистоты и какого-то цѣльнаго, какъ бы трансцендентальнаго единства.

Но миновало время очарованія, наступилъ періодъ критики и холодной логики. Почему долженъ первобытный языкъ арійскаго племени стоять такъ неизмѣримо выше своихъ современныхъ потомковъ? Мы ежедневно произносимъ множество различныхъ, разнохарактерныхъ, спутанныхъ звуковъ: мы подвергаемъ звуки постояннымъ видоизмѣненіямъ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ ихъ сочетаній. Какое право имѣемъ мы предполагать, что звуки первобытнаго Арійца были тверды и чисты, не сгибались подъ гнетомъ вседневнаго обихода, не видоизмѣнялись подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ сосѣдствъ? Шлейхеръ училъ, что звуковыхъ законовъ, которыми такъ изобилуютъ всѣ живые языки — въ языкѣ индо-европейскомъ не было вовсе. Почему? Развѣ на этомъ языкѣ говорили не такіе же люди какъ тѣ которые говорятъ на языкахъ современныхъ? А вмѣстѣ съ тѣмъ, къ какому заключенію приводитъ насъ наблюденіе живыхъ языковъ? Къ совершенно обратному: чѣмъ новѣе языкъ, чѣмъ развитѣе субъекты на немъ говорящіе — тѣмъ менѣе появляется въ немъ звуковыхъ законовъ, тѣмъ доступнѣе ему всякія удобныя и неудобныя звукосочетанія. На оборотъ, чѣмъ ближе къ природѣ говорящій субъектъ, тѣмъ труднѣе даются ему всякіе аноморганическіе зву-

ковые комплексы. Что такое санскритскія правила samdhi? Для нѣкоторыхъ, напр. для г. Штейнталя *), они являются тонко разработанными правилами благозвучія; мы считаемъ на оборотъ, что въ нихъ выразилась дѣтская незрѣлость языка, что эти правила—лишь узаконенная безпомощность, физическая несостоятельность говорящаго при быстрыхъ переходахъ отъ одной артикуляціи къ другой; несостоятельность, съ особенною рѣзкостью проявившаяся въ народныхъ индійскихъ діалектахъ, въ разныхъ типахъ пракрита и пâли.

Современное языковѣдѣніе все болѣе и болѣе показываетъ намъ индо-европейскій языкъ языкомъ живымъ, на которомъ говорили дѣйствительные люди, а не тѣмъ безтѣлеснымъ говоромъ съ кристально-свѣтлыми звуками, который только осквернили бы люди, употребляя его въ своихъ вседневныхъ, будничныхъ нуждахъ, говорить же на коемъ достойны были бы развѣ только боги, вродѣ Индры, Вáруны, Митры...

Такова разница между старымъ и новымъ языковѣдѣніемъ: первое, въ геніальномъ прозрѣніи, начертило безцвѣтный чертежъ; второе освѣщаетъ этотъ чертежъ красками жизни и реальнаго бытія.

Доселѣ—практическое возсозданіе пра-языка. Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло съ теоретическими методами нашей науки, съ тѣми внутренними

---

*) См. его Charakteristik der hauptsächlisten Typen des Sprachbaues, стр. 321: „народы бываютъ часто ловки на языкъ (zungengewandt): они контрагируютъ, ассимилируютъ звуки, они развиваютъ тонкости благозвучія и создаютъ такіе звуковые комплексы, которые, если ихъ разсматривать съ внѣшней стороны, чрезвычайно красиво (?!) составлены: не достаетъ только внутренняго смысла“.

пріёмами, достоинствомъ которыхъ вѣрнѣе всего измѣрять достоинство и самой дисциплины.

Въ этомъ отношеніи, должно признаться, позволительно ждать еще многаго. Невольное закабаленіе буквѣ, этотъ вѣчный бичъ всѣхъ словесныхъ наукъ, къ сожалѣнію, и по сію пору даетъ себя чувствовать въ языковѣдѣніи. Не смотря на то, что мы пережили уже физіологическія работы Брюкке, мы, въ сущности, еще не далеко ушли отъ воззрѣнія Потта, подъ вліяніемъ коего онъ въ 1833 году защищалъ *букву* отъ тѣхъ которые обзывали ее *мертвой* и даже *мертвящей*, говоря, что языкъ вливаетъ въ нее жизнь, какъ скульпторъ вселяетъ духъ въ безформенный дотолѣ обломокъ мраморной скалы *). Блестящая фраза, но горе тому кто повѣритъ ей. Буква *мертвитъ*, ибо она никогда не въ силахъ выразить живаго звука; буквъ мало, а звуковъ въ языкѣ безконечное множество; буквы всѣхъ алфавитовъ одинаковы, а звуки каждаго языка носятъ на себѣ печать неизгладимой индивидуальности. И наконецъ: звукъ измѣняется, претворяется, живетъ, тогда какъ буква остается все та же, и часто, какъ напр. во множествѣ французскихъ словъ, не выражаетъ болѣе ровно никакого звука.

Въ самомъ дѣлѣ: какими средствами въ отдаленномъ будущемъ лингвистъ, собирая памятники современнаго намъ французскаго языка, догадается, что *вода* на этомъ нарѣчіи называлась не *эау*, а *о*, т. е. такимъ звукомъ, буквы котораго вовсе нѣтъ въ написанномъ словѣ?—

*) Etymologische Forschungen, 1-ое изд. I томъ, стр. XII, XIII.

Такими же средствами конiектуральнаго метода, какими мы, читая на могилѣ Луція Корнелія Сципіона слова:

HONC- OINO- PLOIRYME- COSENTIONT- R
DVONORO- OPTVMO- FVISE- VIRO

догадываемся, что въ словѣ *cosentiont* первое *o* ни коимъ образомъ не могло звучать чисто, а звучало съ носовымъ призвукомъ (o^{n}), иначе было бы необъяснимо вторичное появленіе носовой во всей послѣдующей исторіи латинскаго и романскихъ языковъ, носовой, занесенной въ этотъ предлогъ еще изъ эпохи нераздѣльной греко-италійской рѣчи. Тоже самое можно замѣтить и относительно вин. падежей *oino, optumo, viro* и род. мн. *duonoro*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прямыхъ указаній буква намъ никакихъ не даетъ. И такихъ случаевъ не одинъ, а множество.

Мы склонны забывать, что во всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ по мертвымъ языкамъ мы имѣемъ дѣло не съ самимъ матеріаломъ, не даже съ естественными его петрифактами, какъ зоологъ или ботаникъ, а лишь со смутными *изображеніями*, оставленными намъ подъ часъ весьма неискусной рукой.

При такомъ положеніи дѣла важно было бы отыскать такую точку зрѣнія, стоя на которой мы оказались бы выше всѣхъ тѣхъ случайныхъ неровностей, которыя представляетъ намъ данный лингвистическій матеріалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одна физіологія звука, въ ея широкомъ примѣненіи къ языковѣдѣнію, можетъ поставить насъ на такую точку.

Кромѣ того, мы должны непремѣнно очистить въ своемъ сознаніи всѣ тѣ основныя понятія, съ которы-

ми мы ежедневно сталкиваемся въ нашихъ научныхъ операціяхъ. Многія изъ этихъ понятій вѣками затемнѣны: наша непремѣнная забота должна состоять въ ихъ возможно полномъ и всестороннемъ осмысленіи. Часто бываетъ, что какой нибудь законъ, какая нибудь апріорно вѣрная мысль не оправдывается фактически лишь до тѣхъ поръ, пока посредствомъ уясненія цѣли и содержанія нашей задачи мы не приготовимъ почвы для производства нашего опыта, а тогда, лишь только сдѣлана будетъ эта необходимая предварительная работа, весь матеріалъ какъ нельзя лучше укладывается и сглаживается во всѣхъ своихъ частяхъ, какъ сглаживается все то, что̀ естественно и что̀ естественнымъ взглядомъ изучается.

Но, по необъяснимой случайности, мы этой естественности часто достигаемъ лишь тогда, - когда испробуемъ безплодно всѣ возможныя искусственныя мѣры.

Предлагаемый трудъ есть попытка прямымъ взглядомъ отнестись къ нѣкоторымъ изъ главнѣйшихъ понятій, находящихъ себѣ приложеніе въ научной разработкѣ даннаго лингвистическаго матеріала. Повторяемъ, мы считаемъ это дѣломъ первой важности. Безъ полнаго уясненія этихъ основныхъ понятій мы никогда не въ состояніи будемъ построить дѣйствительно научную теорію фонетики.

ГЛАВА I.

Теорія подъемовъ.

Общая характерискика лингвистическихъ теорій Шлейхера.

Compendium Шлейхера справедливо считается настольною книгой каждаго современнаго лингвиста. Въ литературѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, столь разнообразной по теоретическому содержанію и столь обширной по богатству практическаго матеріала—книга эта составляетъ истинную драгоцѣнность. Она, если можно такъ выразиться, есть единственный *учебникъ* этой науки, по которому можно, съ нѣкоторой послѣдовательностью и системой, овладѣть такъ щедро разработанными въ послѣднее время лингвистическими свѣдѣніями. Что касается полноты захваченной Шлейхеромъ области — то она не оставляетъ ничего желать большаго. Но нельзя не признать, что сама избранная имъ *система*, или главная теоретическая нить его сочиненія далеко не удовлетворяетъ всѣмъ пребованіямъ научности. Чтобы оставить въ сторонѣ многія мелкія несовершенства, о которыхъ мы должны были бы говорить лишь въ томъ случаѣ если бы намѣревались писать спеціальную критику этого сочиненія, ограничимся указаніемъ на два главныя.

I. Шлейхеръ—сознательно или безсознательно—но вполнѣ игнорируетъ физіологическій элементъ въ языковѣдѣніи *).

*) По крайней мѣрѣ въ Компендіумѣ, за весьма впрочемъ немногими

Въ его оправданіе можно сказать, что въ тѣ времена вообще еще мало занимались физіологіей звука, лишь въ самое послѣднее время получающей достойное ея мѣсто въ ряду лингвистическихъ наукъ. И тѣмъ не менѣе одно изъ главнѣйшихъ сочиненій по этой наукѣ, именно книга Брюкке, была пять лѣтъ издана ранѣе, чѣмъ появился Компендіумъ; не говоримъ уже о такихъ старыхъ, но все таки достойныхъ вниманія изслѣдованіяхъ, какъ Кемпелена, Эллиса, Раумера, Лепсіуса и другихъ. Игнорированіе этого важнаго элемента Бопомъ извиняется характеромъ времени и тѣмъ что Вопп первый пролагалъ дорогу. Но отъ Шлейхера мы вправѣ были бы ожидать болѣе всесторонняго взгляда на дѣло.

II. Всѣ теоретическія построенія Шлейхера отличаются крайнимъ ригоризмомъ. Есть науки точныя — математика, астрономія, физика — есть науки *неточныя* (мы боимся, что впервые употребляемъ этотъ страшно звучащій терминъ)— и къ нимъ принадлежатъ прежде всего всѣ науки, относящіяся до міра органическаго, которыя не могутъ быть сведены къ началамъ, математически строгимъ и яснымъ.

Изъ числа такихъ ригоризмовъ Шлейхера болѣе всѣхъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее замѣчаніе его **): «Такимъ образомъ индо-европейскій языкъ первоначально имѣлъ 6 мгновенныхъ звуковъ, именно 3 нѣмыхъ и 3 звучныхъ, 6 согласныхъ длительныхъ (3 спиранта и 3 т. н. плавныхъ) и 6 гласныхъ. Въ позднѣйшемъ состояніи языка, незадолго до его перваго распаденія, было 9 мгновенныхъ звуковъ и 9 гласныхъ. Не слѣдуетъ пропустить безъ вниманія эту симметрію числовыхъ отношеній въ количествѣ звуковъ.

Доказывать, что ни с какой симметріи не можетъ быть рѣчи когда дѣло идетъ о свободныхъ звукахъ живаго существа тѣмъ болѣе въ столь отдаленную и неизвѣстную намъ доис-

---

исключеніями: наприм. стр. 11, § 1, прим. 2, прим. 3, и др. Въ прочихъ сочиненіяхъ своихъ онъ нерѣдко касается этихъ вопросовъ.

**) Comp.[4] стр. 11.

сторическую эпоху—значило бы только тратить время. Равнымъ образомъ всякій согласится съ нами, что такимъ съ вѣтру взятымъ идеямъ не мѣсто на страницахъ серьезнаго научнаго труда, каковъ Компендіумъ. Если-же бы оказалось, что Шлейхеру уже слишкомъ жалко было бы пожертвовать такими въ глаза бросающимися соотношеніями, то ужь лучше было бы помѣстить ихъ гдѣ нибудь подъ строкою, въ какомъ нибудь примѣчаніи или во введеніи, а ужь никакъ не въ самомъ текстѣ.

Шлейхеръ вездѣ искалъ «симметріи». Въ этомъ главный недостатокъ всѣхъ его лингвистическихъ теоремъ.

Изложеніе теоріи подъемовъ.

Самый выдающійся пунктъ всѣхъ теорій высказанныхъ Шлейхеромъ по вокализму есть теорія о двухъ подъемахъ гласныхъ (Vocalsteigerungen). Правда, не Шлейхеръ былъ ея основателемъ. Но онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой занимался ея систематической обработкой, и въ его книгѣ мы находимъ эту теорію полнѣе и всесторонѣе проведенною, чѣмъ во многихъ другихъ сочиненіяхъ по сравнительному языковѣдѣнію. Приглашая спеціалистовъ пропустить при чтеніи эти строки, мы считаемъ не лишнимъ повторить здѣсь вкратцѣ его главныя положенія. Основываясь на трудахъ Боппа и Якова Гримма (особенно защищавшаго эту мысль) Шлейхеръ признаетъ за основныя (или первоначальныя) слѣдующія три краткія гласныя: ă, ĭ, ŭ. Эти три основныя гласныя характеризуютъ собою три главныя категоріи въ вокализмѣ, которыя принято называть *рядами*.

Изъ вышеупомянутыхъ трехъ основныхъ вокаловъ, посредствомъ ихъ различныхъ группировокъ самихъ съ собою, произошли всѣ прочія гласныя. Такъ:

изъ a+a вышло aa=ā
» a+i » ai=ē
» a+u » au=ō.

Когда же на мѣсто перваго элемента въ слагаемыхъ группахъ поставлено будетъ не ă, но ā, тогда получится:

ā + a = ā
ā + i = āi
ā + u = āu.

Первая форма сочетаній (краткое *a* на первомъ мѣстѣ) названа была по иниціативѣ индійскихъ грамматиковъ, *guṇa* (качество, сила, свойство) а вторая форма (долгое *ā* на первомъ мѣстѣ) названа была *vṛiddhi* (ростъ, увеличеніе). Принять эти индійскіе термины было тѣмъ болѣе естественно, что изо всѣхъ индоевропейскихъ языковъ, болѣе всѣхъ языкъ Индусовъ (и отчасти языкъ Древнебактрійцевъ) давалъ точное приложеніе этимъ правиламъ. Санскритъ показываетъ намъ воочію, какъ изъ *a* и *i* фактически выходитъ *e* (напр. *nara*+*indra* даетъ *narendra*—властвующій надъ людьми) а изъ *a*+*u* выходитъ *o* (напр. *puruša*+*uttama*=*purušottama*—прекраснѣйшій человѣкъ). Равнымъ образомъ всѣ прочія изъ приведенныхъ нами сложеній вполнѣ и безъ исключенія оправдываются языкомъ браминовъ. Но эти механическія сліянія не суть еще то, что въ сущности называется guṇa и vriddhi. Мы ихъ привели лишь какъ наглядные примѣры. Настоящая область, въ которой находятъ свое приложеніе guṇa и vriddhi—это корни и основы. По ученію ортодоксальной школы лингвистовъ (sit venia verbo) корень имѣетъ всегда слабѣйшую гласную (напр. *vid*), которая, съ измѣненіемъ значенія или безъ него, можетъ усиливаться или подниматься посредствомъ подставленія къ ней *a* или *ā*. Такъ напр. изъ корня *budh* посредствомъ гуны образуется глаголъ *bôdhati*, онъ бодрствуетъ и сущ. *bôdha* бодрствованіе; посредствомъ вридди прил. *bāudha* (ПС: имѣющій отношеніе къ *budha*—Меркурію). Точно такъ же: корень *div-*, сущ. *dêva*, прил. *dāiva* и т. д. Такимъ образомъ оказывается: 1) что изъ пяти основныхъ звуковъ вокализма (a, e, i, o, u) *e* и *o* всегда долгіе; 2) что эти послѣднія (*e* и *o*), а также дифтонги *āi*, *āu* равно какъ и долгое *ā* образуются изъ краткихъ гласныхъ, посредствомъ при-

ставленія передъ ними: въ однихъ случаяхъ ă, въ другихъ ā *). По Шлейхеру, въ періодъ общаго индо-европейскаго языка, дифтонги *ai* и *au* еще не стягивались въ *e* и *o*. Это стяженіе началось лишь съ раздѣленіемъ пра-языка на группы.

Распространенность теоріи подъемовъ. Ея прочіе защитники.

Не послѣдній интересъ имѣетъ то обстоятельство, что вышеизложенная теорія быстрѣе другихъ распространилась во всѣхъ кругахъ изслѣдователей языка и не теряетъ до послѣдняго времени многочисленныхъ и достойныхъ защитниковъ.

Мы упомянули уже выше, что кромѣ Боппа **), Яковъ Гриммъ былъ ея особенно ревностнымъ сторонникомъ. Въ своей Нѣмецкой грамматикѣ, этомъ капитальномъ и полезномъ трудѣ, онъ посвящаетъ ей нѣсколько съ очевиднымъ сознаніемъ истины написанныхъ страницъ (I², 32-я и дал.).

Тѣ же разсужденія онъ повторяетъ и въ своей Исторіи нѣмецаго языка (I, стр. 274), гдѣ между прочимъ говоритъ: «знаменательно то свидѣтельство, которое даютъ намъ санскритскій и готскій языки, т.-е. что первоначально было только три краткихъ гласныхъ: A, I, U» ***).

Перебирая позднѣйшихъ изслѣдователей языка, мы укажемъ на Корссена †) который пишетъ:

---

*) Такъ мы толкуемъ для краткости. Собственно, по таблицѣ Шлейхера, выходитъ, что въ обоихъ случаяхъ приставляется только ă. Вотъ его схема:

	Основн. гласн.	1-й подъемъ.	2-й подъемъ.
рядъ – A	*a*	a + a = aa	a + aa = āa
рядъ – I	*i*	a + i = ai	a + ai = āi
рядъ —U	*u*	a + u = au	a + au = āu

(см. стр. 11, § 2). Тоже Beitr. I, 328—333.

**) Сравн. грамм. ² § 26 слл. (стр. 45); Критич. грамм. §§ 33—34 d). Вокализмъ стр. 6 слл.

***) „Es ist ein gewaltiger satz, den uns sanscrit und gothische sprache zur schau tragen, dass es unsprünglich nur drei kurze vocale giebt: A, I, U.“

†) Ueber Aussprache, Vocalismus und Betonung der Lat. Sprache. I², 348, 349.

«Дифтонги или двоегласныя образуются въ индо-европейскихъ языкахъ преимущественно посредствомъ *подъема гласныхъ*. Въ санскритѣ простыя гласныя *a*, *i*, *u*, поднимаются посредствомъ приставки (Vorschiebung) краткаго *a*-звука до *ē* и *ō*; посредствомъ приставки долгаго *ā*—до *āi* и *āu*, причемъ оказываются не двѣ новыя гласныя одна при другой, но появляются: однозвучная переходная гласная между *ă* и *i* (или *u*) и двоезвучная переходная гласная между *ā* и *i* (или *u*). При тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ *i* и *u* испытываютъ этотъ подъемъ, когда того требуетъ строеніе и форма слова, въ санскритѣ, чрезъ простое удлиненіе, краткое *ă* поднимается до долгаго *ā*».

Лео Мейеръ, въ своей Сравнительной грамматикѣ латинскаго и греческаго языковъ, тоже нисколько не сомнѣвается въ теоріи образованія дифтонговъ изъ первоначальныхъ краткостей посредствомъ подъема, и говоритъ *):

«Рядомъ съ удвоеніемъ или простымъ растяженіемъ гласныхъ...всѣ средиземные (mittelländischen) языки, одни болѣе другіе менѣе ясно, показываютъ еще другое усиленіе простыхъ основныхъ гласныхъ, первоначальная природа котораго стала достаточно ясна и понятна лишь послѣ знакомства съ древне-индійскимъ языкомъ. Это усиленіе состоитъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ приставленіи *a* передъ звуками *i* и *u*, изъ чего образуются двоезвучія *ai* и *au*. Ими, вмѣстѣ съ тѣмъ, замыкается кругъ одинаково древняго вокализма всѣхъ средиземныхъ языковъ, который такимъ образомъ охватываетъ собою три древнія основныя гласныя *a*, *i*, *u*, растяженныя гласныя: *ā*, *ī*, *ū*, и двоегласныя *ai* и *au*».

Курціусъ, въ своемъ капитальномъ трудѣ (Grundzüge der griechischen Etymologie) не вдается, правда, въ подробныя

---

*) I, 143. Ср. тоже Or. u. Occ. I, стр. 98. Тотъ же Лео Мейеръ высказалъ однако и обратную мысль (и какъ кажется первый) именно, что дифтонги *ai*, *au* древнѣе монофтонговъ *i* и *u*. (Ср. грамм. I, 343).

толкованія подъемовъ гласныхъ, но очевидно раздѣляетъ всю изложенную теорію. Онъ, правда, не охотно употребляетъ терминъ Steigerung, но его ‹Zulaut› означаетъ то же самое *).

Даже въ самое послѣднее время возможность подъема признается Гюбшманомъ (KZ. XXIV, 336, § 15; стр. 337).

Мы могли бы привесть много другихъ цитатъ подобнаго рода, словомъ указать на цѣлую плеяду занимавшихся этими вопросами ученыхъ, которые высказывали подобныя же теоріи, въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ **). Но достаточно приведеннаго. За немногими счастливыми исключеніями (Іоганнесъ Шмидтъ, Кунъ, Шереръ и др.) большинство традиціональныхъ лингвистовъ съ особенною охотой останавливаются на изложенной нами теоріи, какъ на такой, которая преимущественно предъ всѣми другими отдѣлами сравнительной грамматики заслуживаетъ, по ихъ мнѣнію, названія ‹научной теоремы›.

Фикково объясненіе подъемовъ.

Своеобразною методой пользуется Фикъ для объясненія подъемовъ въ корняхъ. Въ третьемъ изданіи его Сравнительнаго словаря, въ началѣ четвертаго тома, помѣщена длинная и подробная статья, носящая названіе Wurzeln und Wurzeldeterminative. Это цѣлая монографія о корняхъ, матеріалъ которой особенно доступенъ Фикку послѣ его прилежныхъ работъ по систематизаціи корневой экономіи индоевропейскихъ языковъ.

---

*) Et.‘ стр. 37, 46, особенно 52.

**) См. еще Бетлинга, О языкѣ Якутовъ (Ueber die Sprache der Jakuten) стр. 7 (§ 28): „während in den indo-germanischen Sprachen alle Vocale auf drei Grundlaute a, i, u zuruckgeführt werden können“ . . . Ср. тоже Потта Et. Forsch. I¹, 1: „Aus historischen und physisch-philosophischen gründen scheint mit grosser wahrscheinlichkeit hervorzugehen, dass die Sprache nur drei einfache vocalische grundlaute, nämlich ă, ĭ, ŭ besitze, alle übrigen hingegen auf jene als Modificationen derselben zurückzufuhren seien“.

Если мы и не согласны въ принципѣ съ его толкованіемъ занимающаго насъ явленія, однако мы благодарны ему уже за то, что онъ пытался объяснить вышеупомянутое загадочное *a* въ гунѣ и вридди.

Онъ говоритъ *): «корневыя гласныя подлежатъ двумъ родамъ усиленій: удвоенію и подъему (Zulaut) посредствомъ подставленія *a* (vorgeschlagenes *a*). Удвояться могутъ всѣ гласныя, и тогда, изъ *a, i, u,* черезъ *aa, ii, uu,* происходятъ удлиненныя гласныя *â, î, û*; напротивъ того, подъемъ (гуна) ограничивается одними *i* и *u*, и тогда происходитъ изъ *a+i ai*, изъ *a+u au*. Начало этого общаго усиленія гласныхъ идетъ отъ того времени, когда гласная *a* еще одна царствовала; тогда, конечно, могъ быть только одинъ родъ усиленія гласныхъ, а именно усиленіе *a* черезъ подставленіе *a*, слѣд. *aa*. Когда же начали развиваться *i* и *u*, продолжало еще звучать и это приставное *a* (blieb im Vorschlag noch dies *a* bestehen), и такимъ образомъ *i* и *u* были подняты до *a—i*, *a—u* (wurden zu *a—i*, *a—u* erhoben). Въ послѣдствіи, подобно *a+a* образовалось *i+i=î*, и *u+u=û*. Однако этотъ послѣдній подъемъ въ *î* и *û* лишь въ весьма ограниченномъ числѣ случаевъ замѣчается въ индоевропейскомъ языкѣ; *î* и *û*, какъ мы увидимъ ниже, вовсе не могутъ быть допущены въ глагольныхъ основахъ, и то лишь въ охотно растягивающихъ арійскихъ языкахъ, часто даже въ одномъ только санскритѣ.»

Не рѣшаясь подробно разбирать это замѣчательное по своей туманности мѣсто, приведемъ нѣсколько другихъ строкъ изъ той же монографіи Фикка. Всего восемь страницъ отдѣляютъ это мѣсто отъ приведеннаго. Оно гласитъ:

«О гунированныхъ гласныхъ въ коренныхъ слогахъ мы можемъ выразиться очень кратко: *ai* или *au* вовсе не встрѣчаются въ корняхъ; *au*, въ формѣ *av*, и изъ него ослабленное *iv=yu* встрѣчается лишь въ такихъ случаяхъ, которые весьма легко могутъ быть приведены къ первоначальной формѣ

*) На стр. 32.

съ *u*». И затѣмъ начинается краткая полемика противъ индійскихъ грамматиковъ,которые—«ohne allen grund»—принимаютъ такіе корни какъ *ay* (вм. *i*, идти) какъ *may* (вм. *mi*, мѣнять) и т д. Какъ мы увидимъ ниже, добрые Индійцы, совершенно впрочемъ невинно, оказались въ этихъ случаяхъ болѣе основательными чѣмъ ихъ европейскіе критики. Но возвратимся къ Фикку. Сопоставленіе этихъ двухъ мѣстъ невольно указываетъ на значительную туманность въ понятіяхъ, къ сожалѣнію иногда замѣтую въ первыхъ головахъ нашей науки. Намъ кажется, что самъ г. Фикъ затруднился бы отвѣтить на слѣдующій, весьма простой вопросъ: можно ли говорить объ индо-европейскомъ языкѣ, или о какихъ нибудь его звуковыхъ законахъ, прежде эпохи образованія индо-европейскихъ корней? - Безъ сомнѣнія, отвѣтъ былъ бы отрицательный, ибо языкъ по меньшей мѣрѣ появляется только тогда, когда образовалось хотя нѣсколько корней. И самъ Фикъ раздѣляетъ это воззрѣніе, когда говоритъ на стр. 119: «такъ какъ вездѣ мы получали тотъ результатъ, что время созданія корней предшествуетъ времени образованія *i* и *u*, то....» и т. д. Но тогда вотъ что выходитъ. Если *корни* старше или, въ крайнемъ случаѣ, одновременны *языку*, то какимъ образомъ объяснить, что въ этихъ корняхъ мы должны искать первоначальныхъ чистыхъ *i*, *u*, (слѣдоват. безъ всякой примѣси *a*), когда *a* не только образовалась раньше, но еще на первыхъ стадіяхъ жизни индо-европейской рѣчи, органически сопутствовало всякому *i* и *u*, даже, можетъ быть, дало имъ начало? Или, читая черезъ восемь страницъ фразу о необходимости гласныхъ *i*, *u*, въ первоначальной (ursprüngliche) формѣ корней, мы должны забыть фразу, столь ярко оттѣненную г. Фикомъ, а именно эти выразительныя слова: «когда начали образоваться *i* и *u*, то въ при́звукѣ (im Vorschlag) продолжало звучать это *a* и такимъ-то способомъ *i* и *u* поднимались (wurden erhoben) до *a—i* и *a—u*»? Но много страницъ далѣе Фикъ повидимому припоминаетъ эту фразу, хотя опять-таки не вполнѣ, и говоритъ: такъ какъ время созданія корней предшествовало времени образованія *i* и *u*,

то выставленные нами въ первой группѣ (перечня корней) корни *i* и *u* не могутъ быть терпимы въ этомъ видѣ; ихъ истинная форма есть *ya* и *va*, изъ которой *i* и *u* суть только продуктъ сокращенія» *)

Непонятная непослѣдовательность, объяснимая только тѣмъ, что люди подобные Фикку, увлекаясь въ необозримый лабиринтъ частностей, незамѣтно теряютъ ту общую нить и связь, которая должна быть душою и сердцемъ всякаго теоретическаго изложенія.

Мы не хотимъ оставить этого вопроса, не сдѣлавъ еще слѣдующаго замѣчанія. По Фикку, было время, когда на всѣхъ поляхъ вокализма царствовало одно *a*, и лишь впослѣдствіи стали появляться *i* и *u*. Мысль неправдоподобная, но, по крайней мѣрѣ, не болѣе бездоказательная, чѣмъ обратное положеніе. Когда же онъ говоритъ далѣе, что даже при зачаточномъ появленіи *i* и *u*, старое *a* все еще звучало въ видѣ призвука, то какимъ образомъ, оставаясь на почвѣ здравой логики, можно говорить что *i* и *u* *поднимались* до *ai* и *au*? Если внѣ этого подъема онѣ первоначально не имѣли иного существованія, то гораздо правильнѣе было бы сказать, что это подъятое состояніе было ихъ естественной формой жизни, и что они, напротивъ, все болѣе и болѣе *опускались*, достигая, въ предѣлѣ, своего чистаго вида. Такимъ образомъ оказывается, что если выводить логическое слѣдствіе изъ предложеннаго Фиккомъ толкованія подъема, мы невольно придемъ къ заключеніямъ совершенно обратнымъ тѣмъ, къ коимъ приходитъ самъ Фиккъ. Другими словами, Фиккъ, вопреки собственному желанію и не замѣчая того, стоитъ на дорогѣ, діаметрально противуположной всей его теоріи о чистотѣ и краткости коренныхъ гласныхъ, и нужно было слишкомъ быть поглощеннымъ изученіемъ част-

---

*) Стр. 119, 120. Итакъ, снова всплываетъ теорія объ *a*-образномъ призвукѣ при *i* и *u*. Но, по непостижимой прихотливости, этотъ призвукъ (Vorschlag) попадаетъ уже не передъ *i* и *u*, какъ прежде, а *послѣ* нихъ! Какъ истолковать это обстоятельство, ужь не знаемъ.

ностей и мелочей, чтобъ не замѣтить этого курьезнаго обстоятельства *).

Но возвращаемся къ разбору теоріи подъемовъ въ томъ преимущественно видѣ, въ какомъ мы находимъ ее у Шлейхера.

Теорія подъемовъ—есть заносъ съ Востока.

Въ древности жаловались на Востокъ, какъ на то мѣсто, откуда исходило дурное, растлѣвающее вліяніе, подкопавшее наконецъ суровое и мощное зданіе классической культуры и гражданственности.

Но, повидимому, вредное вліяніе Востока не ограничилось одной древностью. Въ наше время занесена съ востока теорія, которая, составляя вполнѣ естественный продуктъ восточнаго мышленія, и будучи вполнѣ согласна съ явленіями восточныхъ языковъ—въ частности санскрита, на западѣ смутила не одного дотолѣ здраваго изслѣдователя и привела къ заключеніямъ, неправильность которыхъ въ настоящее время становится все болѣе и болѣе очевидною.

Вся теорія о подъемѣ гласныхъ, объ этихъ пресловутыхъ гуна и вридди—не что иное какъ дитя досужихъ индійскихъ грамматиковъ, мудрецовъ-фантазеровъ, склонныхъ въ девяти случаяхъ изъ десяти, при своихъ логическихъ умоотправленіяхъ, принимать конецъ за начало.

Панини, знаменитый грамматикъ Индіи и его собратъ Яска оставили намъ наиболѣе точныя опредѣленія гуны и вридди, первый въ своей грамматикѣ I, 1, 2, 3 и т. д. (по изданію Бётлинга) а второй въ Nirukta, 10, 17.

Было время, когда извѣстный Шлегель писалъ свое сочиненіе «О языкѣ и мудрости Индійцевъ». Что языкъ Индійцевъ интересенъ, и что мудрость ихъ велика (въ индійскомъ смыслѣ этого слова...) съ этимъ мы первые готовы согласиться. Но чтобъ ихъ мудрость и языкъ могли пролить

*) Тотъ же Фикъ помѣстилъ въ Bezzenberger's Beiträge IV, стр. 167 сл. интересную статью, въ которой держится уже совершенно новыхъ мнѣній.

такой свѣтъ на пониманіе всѣхъ остальныхъ языковъ нашей семьи—это подвержено еще большому сомнѣнію; и если одна извѣстная книжная фирма избрала девизомъ для своихъ изданій по востоковѣдѣнію фразу: ex oriente lux, то не мѣшало бы ей напечатать и нѣсколько книгъ съ девизомъ: μηδὲν ἄγαν *).

Почему теорія эта такъ быстро привилась на западѣ?

Есть однако причины, по которымъ теорія о подъемѣ гласныхъ получила столь широкое распространеніе въ средѣ западныхъ ученыхъ. Этихъ причинъ двѣ: фактическая и случайная. Начнемъ со второй.

Освободившись отъ тѣсныхъ оковъ схолярной филологіи, Боппъ и его современники (особенно настойчивъ былъ въ этомъ случаѣ Гриммъ) старались дать своему дѣтищу сколь возможно болѣе прочную, научную обосновку. На мѣсто переполненной субъективизмами филологіи основатели новой дисциплины старались поставить нѣчто дотолѣ невиданное, нѣчто научно твердое и интересное. Волшебный востокъ, въ ту пору полузакрытый еще завѣсой недосягаемой дали, оказался особенно пригоднымъ. «Языкъ и мудрость индійцевъ» явились на сцену, въ своемъ характерномъ, причудливо-заманчивомъ костюмѣ; люди науки со всѣмъ жаромъ увлеченія бросились на эту новую, дотолѣ малоизвѣстную золотую руду, въ то время какъ профаны были рады свѣжей пищѣ для своего воображенія, и не безъ удовольствія произносили красивыя имена браминовъ, факировъ и раджей.

Другая причина была, какъ мы сказали, фактическая, существенная. Дѣло въ томъ, что физіологія звука не прямо противится объясненію *e* какъ происшедшаго изъ *a*+*i*, и толкованію *o* какъ продукта сложенія *a*+*u*. Если губы сложить такъ, какъ то требуется для произнесенія *i*. а языку

*) Курціусъ (Et ⁴ стр. 52) тоже смѣется надъ той поспѣшностью, съ которой постарались распространить термины *Guṇa*, *guniren*, лишь единственно увлекшись ихъ таинственнымъ происхожденіемъ (mysteriose Herkunft).

дать положеніе необходимое для *а*, то выйдетъ—такъ толкуютъ обыкновенно—звукъ *е*. Далѣе, если губамъ дать положенія для *и*, а языку положенія для *а*, то выйдетъ, учатъ насъ, *о* *). До нѣкоторой степени это вѣрно. Звуки, въ обоихъ случаяхъ происходящіе, дѣйствительно довольно близко подходятъ къ нашимъ обыкновеннымъ *е* и *о*. Но только *подходятъ*. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ свидѣтельство уха такъ и самоощущеніе въ голосовыхъ органахъ покажутъ, что это не тѣ обыкновенные, чистые звуки, которые соотвѣтствуютъ буквамъ *е* и *о*. Мускулы при этихъ опытахъ неестественно напряжены, самъ звукъ болѣе глухой и похожій на ä (ослабленное а) и на англійское w, съ направленіемъ къ u. Лишь тогда мы получимъ наши обыкновенныя *е* и *о*, когда ослабимъ ненормальное напряженіе мускулъ. А такъ какъ всѣ мускульныя движенія нашего тѣла тогда лишь совершаются легко и незамѣтно, когда само тѣло къ нимъ въ силу частаго упражненія привыкло, то изъ самого ощущенія неестественности во рту при вышеописанномъ способѣ добыванія *е* и *о* мы должны заключать, что мускулы къ этому способу *не привыкли*, т.-е. что это не суть наши обычныя, вседневныя *е* и *о*. Наконецъ, изложенная нами теорія о подъемѣ гласныхъ давала возможность первосоздателямъ лингвистической науки ввести въ послѣднюю столь пріятный элементъ формулъ и математическихъ знаковъ. Ничуть не унижая великихъ заслугъ этихъ людей, мы все-таки льстимъ себѣ достаточнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, чтобъ живо представить себѣ то удовольствіе, съ которымъ великій систематикъ Гриммъ и его современники, занимаясь наукой слова, впервые писали такія красивыя формулы какъ:

$$a + i = e,$$
$$a + u = o,$$

*) Для облегченія, предлагаемъ читателю слѣдующимъ образомъ произвесть этотъ опытъ. Пусть онъ приготовится произнесть *і*, но затѣмъ, не измѣняя положенія губъ, попробуетъ сказать *а*. То же самое правило приложимо и для втораго случая. Замѣтимъ, что опытъ съ полученіемъ *о* лучше удается чѣмъ съ *е*.

или, какъ то дѣлаетъ Шлейхеръ (Comp.⁴, стр. 3):

$$R \text{ или } R + r$$

формула словъ для языковъ изолирующихъ;

$$R\,s$$

формула словъ для языковъ аглутинирующихъ;

$$R^x\ S^x$$

формула словъ для языковъ флектирующихъ.

Удовольствіе должно было быть не малое. Вѣдь приводитъ же Курціусъ цѣлое математическое вычисленіе, въ составѣ котораго входятъ уравненія и геометрическія пропорціи— только чтобъ доказать, что греч. $Z = d + j$! *).

Вотъ его выкладки:

$$\begin{array}{rl} & \zeta = dz = dj. \\ \text{Поэтому:} & \zeta : j = dj. j. \\ \text{Но:} & dj = d + j. \\ \text{Слѣд.} & \zeta = d + j. \end{array}$$

Грамматическіе недостатки теоріи подъемовъ.

Мы не можемъ оспаривать, что при изученіи каждаго изъ индо-европейскихъ языковъ, чуть ли не первымъ изо всѣхъ бросается въ глаза то явленіе, что въ однихъ дериватахъ одного и тогоже корня гласная показывается слабѣе (короче, тоньше), въ другихъ она пріобрѣтаетъ бо́льшую силу, компактность, и даже часто фунгируетъ какъ правильный дифтонгъ. Не можетъ, напр., быть никакого сомнѣнія, что:

imas (идемъ)	и	emi (иду)
divya (божественный)	›	daiva (судьба)
ἔλιπον	›	λείπω
φυγή	›	φεύγω
fero	›	fors (то что приносится судьбою)
precari	›	procus

*) Et.⁴ стр. 608.

теку и токъ
зерно › зѐрна

и т. д.,

лишь вѣтви одного и того же ствола. Въ этихъ примѣрахъ родство очевидно. Въ другихъ оно болѣе запутано посторонними звуко-измѣненіями, и потому потребно бываетъ иногда нѣкоторая догадливость чтобъ его обнаружить.

Уже на приведенныхъ словахъ замѣтно двѣ главныхъ категоріи подъема: въ однихъ словахъ болѣе слабому монофтонгу соотвѣтствуетъ болѣе сильный монофтонгъ, въ другихъ на мѣстѣ монофтонга появляется дифтонгъ. Шлейхеръ не дѣлаетъ различія между этими двумя категоріями.

Такія явленія какъ:

φορέω при φέρω
σκοπέω › σκέπτομαι
κλοπή › κλέπτω
moneo › mens
nocco › nex
torreo › terra
ношѫ › несѫ
возъ › кезѫ

и т. д.

онъ не колеблется принимать за настоящій подъемъ *). Правда, у него это выходитъ гладко. Почему?—Потому что напр. *o* въ греческомъ онъ признаетъ за правильную замѣну подъятой гласной $\bar{a}$, хотя и онъ видитъ себя вынужденнымъ составить для подъемовъ *α* уже спеціально греческое правило **): «Правило для перваго подъема: поднимается ε корня въ *o*, *α* въ $\bar{a}$, т. е. η». Шлейхеръ не договариваетъ, но спросить можно: во что же поднимается, по его мнѣнію, то

*) См. напр. Comp.[4] § 31 (стр. 55) § 34 (стр. 61) § 48 (стр. 84, 85) § 80 (стр. 120) и др.

**) § 34.

a, которое (по § 31) появляется въ греческомъ языкѣ уже въ своей основной формѣ въ видѣ *o*? Или ему отказано въ чести подъема? Самъ Шлейхеръ замѣчаетъ непослѣдовательность, и говоритъ (§ 33): *o=a*, напр. ποδός др. инд. и осн. форма padás..., гдѣ во всякомъ случаѣ греческое чутье (*Sprachgefühl*) могло видѣть въ *o* и подъемъ *ε* въ πεδ- (*auch* als steigerung von *ε* in πεδ angesehen *werden mag*). Гдѣ начинаютъ говорить о *возможностяхъ*, тамъ уже нѣтъ строгой *необходимости*, и гдѣ являются разсужденія о разныхъ Sprachgefühl'яхъ, тамъ нѣтъ научной доказательности. Но очевидно, что такой подъемъ ă (ĕ) въ ŏ не имѣетъ ничего общаго съ теоретическимъ подъемомъ гласныхъ посредствомъ приставнаго a, и что онъ противорѣчитъ ученію о сохраненіи долготы. ā соотвѣтствуетъ въ греч. ω; если же наше *o* мы будемъ толковать какъ сокращеніе изъ ω, то этимъ самымъ мы прибѣгнемъ къ очень наивной уловкѣ. Подобная же неправильность оказывается и въ латинскомъ языкѣ, и въ славянскомъ, словомъ во всѣхъ тѣхъ для которыхъ справедлива формула: арійское (индо-эранское) *a=a*, *e*, *o*.

Такимъ образомъ выходитъ, что здѣсь Шлейхеръ смѣшиваетъ два совершенно различныхъ явленія: одно, преимущественно арійское (подъемъ въ обычномъ смыслѣ) и другое, преимущественно-европейское (множественность *a*-звука) не встрѣчающееся въ арійской вѣтви нашей семьи (развѣ только спорадически, напр. санскр. *dehi* отъ корня *dā* и немн. друг. Словомъ, при такомъ пониманіи дѣла, мы сбиваемся съ пути, и должны отыскивать новую дорогу.

Логическіе недостатки теоріи подъемовъ.

Оставляя поле практическихъ частностей, и разбирая общую теорію традиціональныхъ лингвистовъ, припомнимъ, что они, всѣ безъ исключенія, объясняютъ подъемы гласныхъ посредствомъ прибавки приставнаго *a*. Но дѣло въ томъ, что когда въ санскритѣ изъ nara + indra выходитъ narendra и изъ puruśa + uttama выходитъ puruśottama, то мы видимъ фактически это *a* и эти *i*, *u*; ничего новаго не появляется,

Академия Наук СССР

лишь старое, претворяясь, достигаетъ новой [illegible] шенно не то дѣло, когда намъ говорятъ, [illegible] посредствомъ подъема образуется *veda*. Къ [illegible] толкуютъ намъ, *приставляется a*, и комплек[illegible] вѣстнымъ правиламъ, даетъ *e*. На бумагѣ не трудно конечно его представить; но намъ не мѣшаетъ помнить, что veda изъ vid должно было образоваться много, много столѣтій ранѣе чѣмъ появилась не говоримъ бумага, а первый стиль которымъ люди стали высѣкать на камнѣ словесные знаки своего языка. Это *a* должно было появиться въ самой рѣчи, должно было (сознательно или безсознательно) быть привнесено самимъ говорящимъ въ его языкъ, дотолѣ де знавшій одни ă, ĭ, ŭ. Спрашивается: откуда привнесено? Зачѣмъ? и почему привнесено было *a* а не какой-либо иной звукъ?

И наконецъ: изъ числа защитниковъ теоріи подъема, ни одинъ не даетъ себѣ труда разъяснить: какимъ образомъ, безнаказанно для пониманія, могло совершиться такое прибавленіе *a* къ звукамъ, дотолѣ его совершенно не имѣвшимъ? Они говорятъ: «къ *ĭ* и *ŭ* приставляется *a*». Но тогда слова заключавшія въ себѣ эти *i* и *u* продолжаютъ ли они быть понятны слушающему, и не испугается ли самъ говорящій своей дерзости при такой радикальной перемѣнѣ вокализма? Возьмемъ, ради курьоза, русскую фразу, въ которой не встрѣчается иныхъ гласныхъ кромѣ этихъ первобытныхъ *a*, *i*, *u* и попробуемъ приставить къ нашимъ звукамъ по *a*. При всемъ знаніи отечественной рѣчи, мы не скоро догадаемся, что строка: *я вайжау трай таучай* значитъ: *я вижу три тучи*, и если догадаемся, то только потому, что сдѣлаемъ мысленно операцію, обратную той которая исказила нашу русскую фразу.

Въ другихъ случаяхъ искаженныя формы станутъ понятны одной національности, но непонятны другой. Такъ, если изъ нашихъ: *зима, лисица*, сдѣлать: *займа, лайсайца*, то ихъ признаетъ пожалуй, полабскій славянинъ *), но отнюдь не признаетъ русскій. Или, если мы возьмемъ нѣкоторыя нѣ-

*) Шлейхеръ Polabische grammatik § 44, стр. 76.

мецкія слова: напр., Licht, Grund, и подставимъ въ нихъ вмѣсто монофтонговъ—соотвѣтствующіе дифтонги, что въ звукосочетаніяхъ: laicht, graund, англичанинъ пожалуй безъ большаго труда узнаетъ свои (схожія по вокализму) слова: light, ground. Но опятьтаки—англичанинъ, а не нѣмецъ. Для нѣмца же это будутъ непонятные звуки.

На этомъ основаніи мы утверждаемъ: что если признавать теорію подъема, такъ, какъ ее толкуютъ традиціональные лингвисты, то становится мало правдоподобнымъ, чтобы древній Аріецъ имѣя уже, напр. корень *vid*, сталъ бы попусту забавляться подставленіемъ разныхъ не бывшихъ тамъ дотолѣ звуковъ, какъ дѣлаютъ дѣти, складывая слова изъ вырѣзанныъ буквъ. Что для словообразовательныхъ цѣлей это *а* вовсе не есть насущная необходимость доказывается уже присутствіемъ его въ однихъ и отсутствіемъ въ другихъ совершенно равноправныхъ формахъ. Вся ошибка наша заключается въ томъ, что мы слишкомъ привыкли работать надъ написаннымъ матеріаломъ, слишкомъ свыклись съ понятіемъ *буквы*, и думаемъ, въ своемъ ослѣпленіи, что и первоначальный человѣкъ, отъ мрака безсловесности впервые перешедшій къ свѣту слова, тоже ясно сознавалъ, что скованный имъ корень *vid* состоитъ изъ трехъ буквъ, и не болѣе, что для образованія существительнаго, нужно подставить въ него *а*, и т. д. Да наконецъ: откуда могъ онъ получить понятіе объ изолированномъ *а*? Онъ говорилъ его въ *pad*, говорилъ его въ *gar*, и подобныхъ корняхъ. Но отдѣльной буквой, безо всякихъ другихъ сопровождающихъ звуковъ, онъ этого *а* не зналъ. Какое же право имѣемъ мы говорить, что онъ *подставлялъ* это совершенно неизвѣстное ему *а* къ дотолѣ чистымъ гласнымъ *і* и *и* въ корняхъ и даже суффиксахъ?

Кажущіяся возраженія на вышеизложенныя мысли.

Есть однако языки, или вѣрнѣе сказать одинъ языкъ, гдѣ подъемъ коренной гласной при помощи *а* не вредитъ ясному сознанію связи между словомъ съ простой и словомъ съ подъятой гласной. Этотъ языкъ—санскритъ.

Въ санскритѣ есть цѣлый рядъ словообразованій, гдѣ одно слово (производное) отличается лишь видомъ своей гласной отъ другаго слова (кореннаго).

На первомъ мѣстѣ мы относимъ сюда такія образованія какъ bauddha, ǵaina отъ Buddha, Ǵina.

Хотя въ этихъ случаяхъ обыктовенно появляется вридди, наиболѣе искажающее вакализмъ, однако несомнѣнно, что какъ говорившими такъ и слушавшими, ощущалась тѣсная связь между именами основателей сектъ и названіями послѣдователей тѣхъ же сектъ.

Тѣмъ не менѣе это обстоятельство не можетъ служить серьезнымъ опроверженіемъ всему вышесказанному. Мы должны помнить, что это спеціально *индійское* явленіе, не раздѣляемое, повидимому, другими языками. Въ каждомъ языкѣ есть свои идіотизмы, обусловленные его отдѣльной исторіей. Въ армянскомъ, напр., указателемъ множественнаго числа часто служитъ _к_. Не станемъ же мы искать подобныхъ *к* въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ, или возводить это явленіе къ эпохѣ нераздѣльной арійской рѣчи, только потому что оно встрѣчается въ одномъ изъ членовъ индо-европейской семьи? А вышеуказанное нами явленіе санскрита настолько свойственно ему одному, что не раздѣляется даже его братомъ-близнецомъ, зендомъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ о вторичномъ суффиксѣ. Въ санскритѣ довольно многочисленъ этотъ классъ словообразованій (подробный перечень у Бруно Линднера, Altindische Nominalbildung, Іена 1878, стр. 118, ссл. *).

*) Линднеръ отдѣляетъ отъ темъ на согласную (получающихъ фактически вторичное *a*) темы на первичное *a* (какъ наши примѣры) и называетъ этотъ послѣдній случай innere Bildung (стр. 115). Но Шлейхеръ (Comp[4] стр. 369) принимаетъ, что и въ темахъ какъ *bauddha, ǵaina*, тоже присоединяется вторичное *a*, но что только оно сливается съ первичнымъ. Это можетъ быть вѣрно, такъ какъ и удареніе переходитъ обыкновенно на первый слогъ отъ конца (напр. отъ *índra aindrá*), а это доказываетъ, что въ ушахъ Индійца конечное *a* получало словно новое, спеціальное значеніе. Ср. Уитне Ind. Gramm. § 1208, f.

Въ зендѣ есть тоже слѣды такого образованія, но съ тѣмъ отличіемъ отъ санскрита, что оно крайне малочисленно. Юсти *) приводитъ собственно только одинъ примѣръ съ подъемомъ вридди *(khshâudra* отъ *khshudra)*. Но мы не настаиваемъ на этомъ примѣрѣ, такъ какъ Уитне **) не принимаетъ вовсе подъемовъ вридди въ зендѣ.

У Шпигеля (въ его Грамматикѣ зендск. языка) тоже не находимъ вполнѣ аналогическихъ образованій, хотя онъ и говоритъ ***), что «посредствомъ *a* вторичнаго съ *подъятіемъ и безъ онаго* образуются слова, указывающія на нѣчто отъ кореннаго слова происшедшее, нѣчто ему принадлежащее», послѣ чего слѣдуетъ рядъ примѣровъ. Подъятіе здѣсь является въ видѣ *ae* и *ao*, т. е. по зендскому правилу первое, и слѣдовательно съ санскритомъ полнаго соотвѣтствія нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, если оставить безъ вниманія степень подъема, все-таки сходство въ образованіи большое Объяснить это образованіе весьма трудно. Можетъ быть оно вызывается *аналогіей* съ образованіями посредствомъ *a* первичнаго и подъема. Если же бы оказалось, что даже главные защитники аналогіи, гг. Бругманъ и Остгофъ, отвергли бы такое толкованіе, тогда въ крайнемъ случаѣ, пришлось бы распространить идіотизмъ отъ санскрита еще на зендскій языкъ—и только.

Соссюръ †) принимаетъ послѣднее, и называетъ такой подъемъ «vriddhi dynamique ou psychologique».

Однако, для полнаго разрѣшенія вопроса, необходимо уяснить себѣ историческое соотношеніе между формами съ подъятой гласной и формами съ гласной неподъятаго вида. Говоря другими словами, мы должны постараться дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какія изъ этихъ формъ представляютъ харак-

*) Handbuch der Zendsprache, Leipzig 1864, стр. 315.
**) Indische Grammatik § 239 (стр. 81).
***) IV глава, стр. 82.
†) Mémoire sur le système primitif des voyelles. стр. 125, 126.

теръ большей первоначальности. Само собою разумѣется, полной достовѣрности мы никогда не въ состояніи достигнуть. Мы должны помнить, что языкъ, и въ частности сравнительный методъ его изученія, можетъ довесть насъ только до того момента, когда впервые распалась на спеціальные типы дотолѣ единая индо-европейская рѣчь,—но не далѣе. Глубже, за предѣлами этого момента, лежитъ непроницаемая для строгой науки тьма, о которой всѣ наши заключенія могутъ носить лишь гадательный характеръ. И тѣмъ не менѣе важно уже рѣшить и то, *что изъ двухъ вѣроятнѣе*. Нѣкоторый ключъ къ подобному рѣшенію, мы полагаемъ, дастъ намъ изученіе корней, къ которому мы теперь и переходимъ.

Какъ слѣдуетъ понимать современное ученіе о корняхъ: какъ историческое или какъ гипотетическое?

Вопросъ, выставленный нами въ заголовкѣ настоящаго параграфа, весьма важенъ для разъясненія занимающаго насъ явленія подъемовъ. Но кромѣ своего естественнаго значенія по содержанію, онъ важенъ еще и потому, что, насколько намъ извѣстно, весьма мало людей, занимавшихся наукой о языкѣ, старались его себѣ ясно поставить.

Мы ежедневно толкуемъ о корняхъ, мы поминутно ссылаемся на нихъ, относимъ къ тѣмъ или другимъ корнямъ тѣ или другія слова. Кратко сказать—корень есть для насъ что-то весьма обычное, знакомое, въ реальномъ существованіи котораго намъ врядъ ли случается сомнѣваться. Извѣстно напр., что лингвистика относитъ почти у всѣхъ народовъ встрѣчающееся слово для обозначенія божества (deva, dyaus, Ζεύς, deus, devas и т. д.) къ корню div, означающему блистать, сіять первоначально *брезжить* *).

Спрашивается: что такое этотъ корень div: имѣлъ ли онъ историческое существованіе, былъ ли онъ нѣкогда дѣйствительно произносимъ древними Арійцами—или онъ есть только теоретическая абстракція, твердый остатокъ добытый въ

*) См. Грассманна Wörterb. zum Rig-Veda s. v.

лабораторіяхъ науки за удаленіемъ всѣхъ остальныхъ, случайно осѣвшихъ на него веществъ и органическихъ наростовъ?

Нѣсколько примѣровъ воззрѣній лингвистовъ на корни

Слѣдующей тирадой открываетъ Миклошичъ отдѣлъ морфологіи своей Сравнительной грамматики:

«Изъ корня образуется (entspringt) служащая для обозначенія понятія тема. Какъ корень служитъ основой цѣлому ряду темъ, такъ точно и тема служитъ основаніемъ цѣлому ряду употребляемыхъ въ предложеніи *словъ*. Изъ корня vid образуется тема существительнаго vêsti, и глагольная тема vidê, и изъ этихъ темъ слагаются далѣе (entspringen) различныя формы существительныхъ и глаголовъ, формы склоняемыя и спрягаемыя: вѣстїѫ, видѣти. Поэтому (daher), корень и тема не суть что-либо являющееся: они выведены изъ явленій (aus Erscheinungen erschlossen). *Является* только слово: т. е. тема въ опредѣленныхъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ формахъ.»

Да проститъ намъ великій славянскій ученый, но въ этихъ умозаключеніяхъ его мы не можемъ не видѣть нѣкотораго недосмотра по отношенію къ послѣдовательности. Или одно или другое: или корни имѣли реальное существованіе въ устахъ древнихъ Арійцевъ—или нѣтъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, у Миклошича это выходитъ неясно.

Изъ послѣднихъ двухъ предложеній видно, что авторъ отрицаетъ реальное существованіе корней: если корни не суть *явленіе*, не могутъ быть непосредственно наблюдаемы въ языкѣ, то они, слѣдовательно, реально не существуютъ: ихъ мы только теоретически абстрагируемъ изъ даннаго лингвистическаго матеріала, оперируемъ съ ними какъ съ потенціями, но не какъ съ сущностями. Наоборотъ, изъ первыхъ строкъ, оказывается, что корни дали жизнь темамъ, а темы словамъ. Такъ какъ этотъ актъ оживленія или актъ перехо-

*) Нѣсколько строкъ ниже.

да отъ корней къ темамъ, а отъ темъ къ словамъ состоялъ, (по словамъ того же Миклошича *) только изъ присоединенія къ нимъ опредѣленныхъ буквъ—звуковъ, сказали бы мы, ибо въ ту эпоху не могло быть рѣчи ни о какихъ буквахъ,—то невозможно представить себѣ, чтобъ изъ такихъ двухъ нереальныхъ элементовъ, каковы теоретическій корень и неимѣющая значенія буква—могло создаться что-либо столь реальное какъ живое слово нашего языка Очевидно, что на этихъ строкахъ Миклошича корнямъ слѣдуетъ давать уже не гипотетическое значеніе, а историческое, дѣйствительное существованіе, иначе онъ и не могъ бы, говоря объ обращеніи корней и темъ въ слова употребить такой пластическій глаголъ какъ глаголъ «entspringen».

Конечно, мы можемъ оправдать первое изъ заключеній автора, подставя передъ словомъ «являющееся» нарѣчіе *нынѣ*. Но тогда спрашивается: почему же авторъ самъ не подставилъ этого нарѣчія коль скоро онъ именно такъ понималъ свое заявленіе? Отъ этого послѣднее только выиграло бы въ ясности.

Еще въ бо́льшую ошибку впадаетъ Бенфей. Онъ, въ своихъ воззрѣніяхъ на корни, окончательно отступаетъ отъ міра реальности. Отдѣляя отъ ихъ звуковаго запаса рѣшительно всѣ случайно привзошедшіе къ нимъ элементы, Бенфей кончаетъ тѣмъ, что для корней получаетъ совершенно непроизносимые звукосочетанія; такъ, γλ, χρ, κν, ϵF по его мнѣнію корни. Георгъ Курціусъ справедливо порицаетъ такое отношеніе къ дѣлу, и говоритъ, что послѣ этого можно принимать за корни и такіе комплексы какъ ΘFτϊ и ΘΡΣ. «Неужели, спрашиваетъ онъ *), кто-либо сталъ бы серьезно утверждать, что относительно - первоначальный языкъ (relative Ursprache), легшій въ основаніе всѣхъ индо-германскихъ языковъ, могъ употреблять такія звуковыя чудовища?... Или желаютъ посредствомъ такихъ непроизносимыхъ звукосочетаній создать лишь какія-то тѣни, лишь однѣ абстракціи? ..» И тутъ же

*) Et⁴ стр. 46, 47.

Курціусъ высказываетъ свое мнѣніе о корняхъ. «Корней, говоритъ онъ, мы доискиваемся, правда, посредствомъ абстракціи, но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобъ они не существовали въ дѣйствительности; въ исторически дошедшемъ до насъ состояніи языковъ они лишь *сами по себѣ* не дѣйствительны (nur nicht für sich wirklich). Но это не мѣшаетъ имъ лежать въ основаніи образовавшихся изъ нихъ формъ, точно такъ же какъ эти послѣднія, т. е. основы, лежатъ въ основаніи тѣхъ формъ, которыя изъ нихъ образованы. Сознаніе корней и темъ, безспорно, во многихъ случаяхъ стерлось и затемнилось, особенно въ послѣдніе періоды жизни языковъ. Но что касается болѣе древнихъ временъ и языковъ такого прозрачнаго строенія какъ санскритъ или греческій, въ нихъ все-таки живо сохранилось чувство сопринадлежности словъ, отъ одного корня или отъ одной основы происшедшихъ. Много также имѣетъ за себя и тотъ взглядъ, что въ раннюю эпоху, т. е. въ ту, которая предшествовала періоду флексій, корни имѣли реальное существованіе и отдѣльно отъ всякихъ приставокъ, другими словами, что по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ были нѣкогда дѣйствительными словами, взглядъ, который въ недавнее время между прочимъ былъ высказанъ Штейнталемъ *) и Максомъ Мюллеромъ **).

«Поэтому за индо-германскіе корни мы можемъ признавать только такіе звуковые комплексы, которые по звуковымъ законамъ индо-германскаго языка могли быть произнесены. Въ самомъ дѣлѣ: всегда легко бываетъ найти какую-нибудь гласную въ видѣ существенной части корня. Кто захотѣлъ бы исходить изъ γν вмѣсто γεν, тотъ долженъ былъ бы уже въ γένος видѣть усиленіе, т. е. признавать здѣсь, кромѣ окончанія, еще новый формальный элементъ, чего совершенно нельзя было бы допустить».

Курціусъ, такимъ образомъ, раздѣляетъ мнѣніе о реаль-

*) Zeitschr. für Volkerpsychologie III, 250

**) Lectures II, 37.

номъ существованіи корней. Но и у него мы встрѣчаемъ непослѣдовательность. Если онъ согласенъ со Штейнталемъ и Максомъ Мюллеромъ (а онъ согласенъ съ ними), что *лишь многіе* изъ корней были нѣкогда самостоятельными словами, то почему же онъ не дѣлаетъ никакой оговорки объ остальныхъ? Что же эти остальные: призраки они, тѣни по его выраженію, или реальные, живые звуки, на такихъ же правахъ какъ и первые созданные творческой дѣятельностью человѣка? Если онъ виндицируетъ *всѣмъ* корнямъ необходимое условіе *произносимости*, то это безъ сомнѣнія въ томъ убѣжденіи, что они дѣйствительно произносились, т. е. были отдѣльными словами, непремѣнно отдѣльными, такъ какъ съ приставками и суффиксами даже осмѣиваемый имъ комплексъ γν можетъ быть легко произнесенъ: напр. въ формахъ γίγνομαι, gnatus и подобныхъ.

Совершенно иныхъ воззрѣній на корни держится французскій ученый Эрнестъ Ренанъ. Онъ отвергаетъ историческое существованіе корней, хотя и соглашается съ Боппомъ и Гриммомъ что большинство флексій обязаны своимъ происхожденіемъ частицамъ, присоединившимся къ концу словъ; но тутъ же дѣлаетъ странную оговорку: «мы не въ правѣ, однако, заключать изъ этого, что была эпоха, когда еще не существовало этой аглутинаціи. Процессъ, которымъ мы отдѣляемъ частицы отъ корня есть лишь чисто логическій анализъ: позволительно думать, что въ языкѣ первоначальнаго человѣчества, также какъ и въ языкѣ дѣтей, выраженіе мысли имѣло характеръ цѣлости, и отличалось богатой сложностью выраженія (riche complexité)» *).

Какое первоначальное значеніе должны мы приписывать кормямъ?

Что первой побудительной причиной къ созданію словъ служатъ человѣку внѣшнія, изъ природы воспринимаемыя

*) De l'Origine du Langage 4-е изданіе, Парижъ 1864, стр. 12 сл.

ощущенія—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но такъ какъ все существующее въ природѣ способно двоякимъ образомъ поражать человѣка: или давая ему ощущенія *индивидуальности* тѣхъ или другихъ предметовъ, или поражая его тѣми *свойствами*, для которыхъ эти предметы служатъ субстратомъ (качество первоначально не было отдѣляемо отъ дѣйствія), то возникала двойная возможность обозначенія: или по индивидуальности, или по свойствамъ. Трудно отвѣтить на вопросъ: какой изъ двухъ родовъ обозначенія самый первоначальный. Вѣрнѣе всего что оба они одновременно стали поприщемъ умственной дѣятельности человѣка, и *существительныя* могли возникать одновременно съ *прилагательными* (пока еще причастнаго или глагольнаго характера).

Но могли ли возникнуть глаголы—въ чистомъ смыслѣ этого слова? Возможно ли, оставаясь на почвѣ здраваго смысла и прямаго пониманія этихъ, одному воображенію досягаемыхъ соотношеній, возможно ли, говоримъ мы, не рискуя вступить на поле самыхъ противуестественныхъ взглядовъ—хотя на одну минуту допустить, чтобъ сначала образовался глаголъ *div* сіять, хотя бы пока и безо всякаго спряженія, и лишь въ видѣ голаго корня, а *затѣмъ* уже то существительное, которому предназначено было выражать понятіе самаго перваго, человѣку въ глаза бросающагося *сіянія*, т. е. неба или точнѣе — солнца?... Къ счастію, есть существительная форма этого корня, однозвучная глагольной (*div*, msc. fem. = небо) и потому въ данномъ случаѣ вопросъ еще обоюдуострый. Но какъ же разсуждать о такихъ глагольныхъ корняхъ, которые не имѣютъ между существительными равнаго себѣ по звуку коррелата? А такихъ корней очень много *).

Адамъ Смитъ въ приложеніи къ своему «Трактату о нрав-

*) Хотя Линднеръ и говоритъ (Altind. Nominalbild., стр. 26), что къ такому образованію способны почти всѣ употребительнѣйшіе корни, однако послѣднее подлежитъ еще провѣркѣ. При этомъ нужно помнить, что прилагательныя (причаст. значенія) дѣйствительно очень часто встрѣчающіяся и стоящія обыкновенно въ концѣ сложенія, въ разсчетъ входить не могутъ.

свенныхъ чувствахъ» говоритъ, что первобытные люди, видя приближеніе волка, указывали на него пальцемъ и только вскрикивали: «онъ идетъ». Дугальдъ Стюартъ напротивъ, полагаетъ, что первыми изъ образованныхъ человѣкомъ словъ были имена, что видя приближеніе волка, кричали «волкъ, волкъ!» предоставляя жестамъ и воображенію дополнить смыслъ *).

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ (какъ въ *div*) рядомъ съ глагольнымъ корнемъ стоитъ однозвучное ему существительное—дѣло можетъ быть безразлично. Нельзя рѣшить, что древнѣе: *div* небо или *div* сіять. Максъ Мюллеръ **) оставляетъ неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, что̀ появилось раньше: существительное или глаголъ. Но онъ не касается этого вопроса въ томъ смыслѣ, на который мы напираемъ: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ форма существительнаго не ровна формѣ корня, а разнится отъ нея, кромѣ суффикса, еще видомъ своей гласной, что̀ должно считаться первоначальнѣе: глагольный корень или существительное?

Должно признаться, что нѣтъ возможности рѣшить этого вопроса съ помощью одной логики. Мы не въ силахъ настолько проникнуть въ глубину первобытныхъ временъ и первобытной мысли — чтобъ опредѣлить, какая причина начала̀ раньше дѣйствовать на человѣческій умъ: та ли, которая проявлялась во внѣшнемъ видѣ, въ индивидуальной сущности предметовъ, и породила существительныя—или та, которая указывала на дѣйствіе, на свойства предметовъ и дала начало глаголамъ и близкимъ къ нимъ по значенію прилагательнымъ?

Прежде однако, чѣмъ раздѣлаться съ этимъ вопросомъ, мы предложимъ слѣдующія соображенія:

I. Въ санскритѣ, отличающемся наибольшей прозрачностью своего словообразованія, нѣтъ вовсе глагольныхъ корней, которые, поднимая свою гласную въ спеціальныхъ временахъ или будущемъ имѣли бы въ числѣ родственныхъ имъ

*) Works томъ III, стр. 27.

**) Science of the language 2-я лекція въ началѣ.

существительныхъ однѣ основы съ неподъятой гласной. Есть правда, нѣсколько корней, имѣющихъ однѣ неподъятыя именныя основы, но за то ихъ настоящія времена нигдѣ не встрѣчаются, и потому мы не можемъ ничего сказать про видъ ихъ гласной въ глагольной формѣ. Сюда принадлежатъ основы:

1) ŕibhu, ṛibhvá, ŕibhvan, ṛibhvas. Корень *arbh* какъ глаголъ не встрѣчается.

2) ŕíši, ríšvá. Корня *arš* тоже нигдѣ не видно.

3) sīmán, sīrá. Корень *sī* неизвѣстенъ.

4) tū́tuma, tú̇mra. Корень *tum* не является

5) índu, índra. Корня *ind* нѣтъ. Но намъ нѣтъ надобности особенно стѣсняться этими группами основъ, вопервыхъ потому, что ихъ очень немного, вовторыхъ потому, что долгота гласной (напр. въ sīmán, tū́tuma) есть какъ бы своего рода подъемъ *).

II. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, гдѣ какъ глагольный корень, такъ и родственныя ему именныя основы достовѣрно извѣстны, обнаруживается слѣдующее важное соотвѣтствіе, которое мы приводимъ здѣсь въ видѣ статистическаго перечня, руководствуясь таблицей въ III Приложеніи къ «Altindische Nominalbildung» Линднера. Подыскивая въ словаряхъ настоящія времена къ выставленнымъ Линднеромъ корнямъ, мы всегда отдавали предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ которыя въ ПС помѣщены на первомъ мѣстѣ (такъ какъ наст. вр. можетъ образовываться, особенно въ вед. нарѣчіи, весьма различными способами). Одинаково употребительныя образованія мы приводимъ рядомъ. Корни какъ *bhid* съ наст. *bhindati* и *bhedati*; *bhuǰ* съ наст *bhunakti* и *bhoǰate*; *yuǰ* съ наст. *yunakti*, *yoǰate*, какъ подлежащіе особымъ объясненіямъ относительно подъема (ср. Іог. Шмидта Voc. I, стр. 140—144) мы не помѣстили. Равнымъ образомъ всѣ корни ряда-*a* (такъ какъ подъемъ характернѣе всего выказывается въ корняхъ ряда-*i* и ряда-*u*, мы оставляемъ здѣсь безъ вниманія.

---

*) Ср. Іог. Шмидта Voc. I, стр. 141.

А. Корни поднимающіе свою гласную въ настоящемъ:

i, emi идти	имѣетъ	9	имен. осн.	подъят. и 4	неподъят.
ūh, ohate толкать	»	1	»	1	»
kruç kroçati кричать	»	4	»	—	»
kśi kšeti жить	»	2	»	1	»
kšu kšauti чихать	»	1	»	1	»
kšud kšodati толкать	»	1	»	1	»
kšubh kšobhate качаться	»	1	»	—	»
či čayate мстить	»	2	»	—	»
čit četati замѣчать	»	8	»	5	»
čud čodati гнать	»	6	»	—	»
čyu čyavate возбуждаться	»	5	»	1	»
ǧi ǧayati побѣждать	»	9	»	3	»
ǧuš ǧošati и ǧušáte быть удовлетвореннымъ	»	5	»	1	»
ǧū ǧavati б. быстрымъ	»	5	»	2	»
ǧri ǧrayati расширяться	»	2	»	—	»
tiǧ teǧati б. острымъ	»	5	»	1	»
tu tavīti и tauti valere	»	4	»	1	»
tuç toçate капать	»	3	»	—	»
tviš tvéšati б. возбужденнымъ	»	3	»	1	»
dru dravati бѣжать	»	8	»	—	»
dviš dvešti ненавидѣть	»	3	»	—	»
nī nayati вести	»	6	»	3	»
nu navate хвалить	»	2	»	—	»
puš pošati и pušyati удаваться	»	4	»	3	»
pū pavate чистить	»	5	»	—	»
pru pravati вспрыгивать	»	1	»	—	»
pruth, prothati сопѣть	»	1	»	—	»
plu plavate плавать	»	1	»	—	»
bhū bhavati быть	»	5	»	7	»
mih mehati mingere	»	3	»	—	»
mud modate радоваться	»	1	»	1	»
yu yauti крѣпко держать	»	2	»	1	»
rič rečati опоражнивать	»	4	»	2	»

ribh rebhati трещать	имѣетъ	1	имен. осн.	подъят. и	неподъят.
riš rešati и rišyati ранить	»	3	›	2	›
rih (redhi)*) и rihati лизать	›	2	›	—	›
ru rauti ревѣть	›	3	›	—	›
ruč ročate свѣтить	›	5	›	4	›
rud roditi и rudáti рычать	›	2	›	1	›
ruh rohati восходить	›	3	›	1	›
vid vetti знать	›	7	›	3	›
vip vepate колебать	›	4	›	1	›
viš vivešṭi производить	›	3	›	3	›
çī çete лежать	›	5	›	1	›
çuč çočati и çučyati пламенѣть	›	9	›	6	›
çubh çobhate украшать	›	2	›	1	»
çri çrayati опирать	›	3	›	—	›
çruš (çrośamāṇa) слышать	›	—	›	—	›
çvit çvetate б. бѣлымъ	›	2	›	2	›
su savati гнать	›	5	›	—	›
stu stauti хвалить	›	5	›	2	›
stubh stobhati ликовать	›	—	›	1	›
sru sravati течь	›	6	›	1	›
svid svedate потѣть	›	1	›	—	›
hu ǵuhoti лить	›	8	›	—	›

Отношеніе 201 къ 69 приблизительно 3 : 1

B. Корни не поднимающіе своей гласной:

ṛidh, ṛidhate удаваться	имѣетъ	—	имен. осн.	подъят. и	2 неподъят.
*ṛiċh	›	—	›	4	›
*ṛiš	›	—	›	2	›
in, inv invati гнать	›	1	›	2	›
*ind	›	—	›	2	›
iš, išyati погонять	›	—	›	5	›
īkš īkše смотрѣть	›	—	›	1	›

*) См. Грассманна Wortb. z. R.-V., s v.

i̱nkh (i̱nkhayavahai) качаться	имѣетъ	—	имен. осн.	подъят. и 2	неподъят.
īç īçe властвовать	»	—	»	3	»
kup kupyati	»	—	»	1	»
krīd krīdati играть	»	—	»	4	»
krudh krudhyati сердиться	»	1	»	1	»
kšip kšipati метать	»	—	»	2	»
khid khidati давить	»	1	»	2	»
ǧinv, ǧinvati погонять	»	—	»	1	»
ǧīv ǧīvati жить	»	—	»	4	»
ǧūrv ǧūrvati рдѣть	»	—	»	1	»
tuǧ (tuǧant-) tuṅǧáti толкать	»	—	»	4	»
druh druhyati вредить	»	2	»	3	»
dhī dīdhye думать	»	—	»	4	»
nid nindati поносить	»	1	»	5	»
puš pušyati (и pošati)	»	4	»	3	»
pūy pūyati гнить	»	—	»	1	»
bhur bhuráti барахтаться	»	—	»	4	»
yudh yudhyate сражаться	»	3	»	5	»
yup yupyati препятствовать	»	1	»	—	»
riç riçáti дергать	»	—	»	1	»
ruǧ rugáti ломать	»	1	»	3	»
viç viçáti поселяться	»	4	»	—	»
çi çíçati острить	»	—	»	2	»
çikš çíkšati прмогать	»	—	»	2	»
çuč çočati (и çúčyati) пламенѣть	»	9	»	6	»
sidh sidhyati достигать	»	—	»	6	»
su sūte рождать	»	—	»	4	»
sūd sūdate правильно вести	»	—	»	1	»
hiṅs hinasti ранить	»	—	»	2	»

Отношеніе 28 къ 95 приблизительно 1 : 3

Что же узнаемъ мы изъ этихъ таблицъ? За весьма немногими исключеніями (глаголъ bhū занимаетъ между послѣдними самое важное мѣсто) корни поднимающіе свою гласную

въ настоящемъ *охотно* поднимаютъ ее и въ именныхъ основахъ; наоборотъ, корни не поднимающіе своей гласной въ настоящемъ — *неохотно* поднимаютъ ее и въ именныхъ основахъ. Другими словами, во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, подъемъ оказывается не столько словообразовательнымъ средствомъ, не столько *явленіемъ*, сколько *постояннымъ элементомъ*.

Тѣсная, неразрывная связь обнаруживается такимъ образомъ между существительнымъ и глаголомъ, и нашъ выше поставленный вопросъ: что древнѣе, глаголъ или существительное, получаетъ новый моментъ для своего разрѣшенія.

И то и другое представляетъ извѣстное однообразіе въ своей внутренней вокальной структурѣ. Слѣдовательно, при неразрѣшимости вопроса съ помощью одной логики, приходится признать, что, насколько приложимо свидѣтельство грамматики, ни то ни другое не является намъ съ уважительными претензіями на первенство, и что слѣдовательно, имя равно по возрасту глаголу и ужь никакъ не моложе его.

Основы равныя корню и основы съ суффиксомъ.

Есть одинъ привилегированный классъ именныхъ словообразованій—мы его уже коснулись мимоходомъ—это имена, основа которыхъ равна глагольному корню, въ родѣ *div, vid* и под. Мы убѣждены, что какъ индійскихъ авторовъ, такъ и европейскихъ послѣдователей теоріи подъемовъ, именно эти словообразованія особенно утвердили въ мысли ставить слабыя неподъятыя гласныя въ формы чистаго корня. Въ самомъ дѣлѣ: какъ не счесть *vid, div* и т. д. за настоящіе корни, когда эти самыя звукосочетанія могутъ фунгировать не только какъ абстрактныя основы, но и какъ настоящія слова, имѣющія значеніями родственныя значенія искомаго корня? Они слѣдовательно и представляютъ то первоначальное, которое въ *deva*, въ *veda* является уже въ претворенной формѣ. Но тогда неразрѣшимымъ становится вопросъ: почему это первоначальное сохранилось съ одной стороны лишь въ тѣхъ временахъ

и наклоненіяхъ, которыя всѣ по своей важности стоятъ ниже т.н. спеціальныхъ временъ и въ частности, настоящаго времени, гдѣ есть подъемъ, съ другой стороны уцѣлѣло лишь въ такихъ формахъ именъ, которыя *почти всѣ* *) не употребляются самостоятельно, а главнымъ образомъ въ *концѣ* сложенія, т. е. на такомъ мѣстѣ слова, гдѣ и безъ того всѣ суффиксы и корневые исходы естественно подвергаются всякимъ искаженіямъ и ослабленіямъ?

И еще: именныя формы съ неподъятой гласной, безъ суффикса (равныя корню) если они употребляются самостоятельно—принадлежатъ почти всѣ — къ *женскому* роду. Это обстоятельство, а особенно ихъ *склоненіе* въ санскритѣ указываютъ на ихъ непервоначальность.

Двѣ главныхъ категоріи склоненій замѣчаемъ мы въ индоевропейскихъ языкахъ:

1) именъ, основа которыхъ исходитъ на гласную, и

2) именъ, съ согласнымъ исходомъ основы.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ падежныхъ окончаній.

1) Именительный пад. ед. ч. имѣетъ своимъ знакомъ (для мужескаго рода)—*s*. Но это *s* сохранилось *только* въ именахъ съ гласной основой, тогда какъ оно безслѣдно отпало отъ именъ съ согласной основой.

2) Винительный падежъ ед. ч. имѣетъ *am* послѣ согласныхъ основъ, и *m* послѣ гласныхъ, причемъ, по мнѣнію Шлейхера, послѣднее есть сокращеніе изъ перваго **). Это мнѣніе, однако, въ настоящее время совершенно оставлено. Гораздо яснѣе и прямѣе то толкованіе, что истинный знакъ винительнаго падежа есть только *m*, но что въ случаѣ приставленія его къ основамъ исходящимъ на согласную, изъ него, въ силу закона svarabhakti, вырастаетъ паразитное *a* ***).

---

*) Число отглагольныхъ именъ съ неподъятой гласной и безъ суффикса, употребляющихся отдѣльно, такихъ напр какъ *div*, *pad* и т. д. очень ограниченно

**) Comp ‘ § 249.

***) См. между проч Соссюра Mémoire sur le système primitif des voyelles,

3) Род. ед. имѣетъ два суффикса: *sya* и *as*. Первый приступаетъ къ именамъ съ гласной *), второй къ именамъ съ согласной основой. Не входя въ разборъ первоначальнаго значенія этихъ, весьма темныхъ, суффиксовъ **), обратимъ вниманіе только на то, что первый изъ нихъ длиннѣе, полнѣе звуками, чѣмъ второй. Притомъ, если допустить въ случаѣ род. падежа объясненіе близкое къ вышеизложенному толкованію винит. падежа, то окажется, что *as* есть въ сущности *s*, съ выросшимъ (вслѣдствіе svarabhakti) *a* ***). А тогда ничто не мѣшаетъ намъ признать *s* простымъ сокращеніемъ изъ *sya* †).

4) Дат. падежъ ед. ч. имѣетъ своимъ суффиксомъ *ai*.

Но въ санскритѣ появляется кромѣ того новый суффиксъ *aya* для тѣхъ самыхъ именъ которыя въ родит. имѣютъ *sya*.

Шлейхеръ ††) затрудняется истолковать это *aya*, и называетъ его «темной формой». Насколько возможно однако, что это *aya* есть исключительно индійское новообразованіе, настолько же возможно, что лишь въ индійскомъ языкѣ сохранилась въ этомъ видѣ какая нибудь древняя, другими языками утраченная форма. Если же сдѣлать это предположеніе, тогда *ai* (санскритское ē), обыкновенно фунгирующее въ ка-

---

стр. 40. Этотъ новый звукъ только въ санскритѣ появляется въ видѣ *a*; въ древне-бактрійскомъ и древне-персидскомъ здѣсь является *e*, а въ односложныхъ словахъ и *i*: dusmananhem, vačim; въ греческомъ *α* (μ отпадаетъ); въ латинскомъ *e*, *i*, хотя слѣдовало бы *om* или *um*. Ужь это одно колебаніе указываетъ на непервоначальность звука.

*) Въ частности къ основамъ муж. и ср. рода исходящимъ на *a*.

**) Нельзя ли суффиксъ *sya* истолковать какъ древнее искаженіе *sva* (основы притяж. мѣстоим. 3-го лица)?

***) Мы называемъ svarabhakti не только то, что бываетъ, какъ извѣстно, при *r* и *l*. но вообще всякое появленіе неорганической гласной.

†) Сравненіе съ прочими языками укажетъ и въ этомъ случаѣ на колебаніе гласнаго звука передъ *s*, который въ древне-бактрійскомъ можетъ въ нѣкоторыхъ словахъ даже вовсе не появляться, какъ наприм. çaçtar-s, nar-s. Также въ geu-s (изъ *gav-as) Comp ' § 252.

††) Comp. ' § 255.

чествѣ суффикса дател. падежа, окажется опять сокращеніемъ изъ *aya* *). Такимъ образомъ мы замѣчаемъ:

1) что склоненія именъ съ гласной основой представляютъ въ своихъ падежныхъ окончаніяхъ суффиксы болѣе полные, болѣе богатые звуковымъ матеріаломъ чѣмъ основы съ согласной;

2) что вторая категорія формъ можетъ, по самымъ элементарнымъ звуковымъ законамъ, быть объяснена какъ сокращеніе изъ первой категоріи.

Обратимся теперь къ главному занимающему насъ вопросу. Мы видимъ что образованныя отъ глаголовъ имена имѣютъ двоякаго вида гласную въ чистой формѣ и въ подъятой. Тѣ, которыя приставляютъ суффиксъ **) къ своей основѣ, *по большей части* поднимаютъ гласную; тѣ которыя не имѣютъ суффикса, слѣдовательно равны глагольному корню—*въ большинствѣ случаевъ* оставляютъ гласную безъ подъема. Съ другой стороны, тѣ которые имѣютъ подъятую гласную и суффиксъ (въ частности *a*) — представляютъ склоненіе болѣе тяжелое, полное; наоборотъ, тѣ, которые имѣютъ чистую (не подъятую гласную) и образованы безъ суффикса—представляютъ склоненіе болѣе краткое, обрѣзанное. На примѣрѣ это выразится такъ (мы беремъ только четыре падежа единственнаго числа):

Им.

dēvas—div

Вин.

dēvam—div^{a}m

Род.

dēvasya—div^{a}s

Дат.

dēvāya (изъ dēva-aya)—divē (изъ div-ai).

---

*) Род. мн. (aṇām (āṇām?) къ темамъ на *a* и ā̆m къ темамъ на согласную) тоже давалъ бы основаніе подобному же толкованію своихъ обоихъ суффиксовъ, если бы загадочныя формы вродѣ sūnūnām, avīnam, dāṭrīnām не служили тому серьезнымъ препятствіемъ.

**) Мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что во всемъ этомъ изложеніи

На этой таблицѣ мы имѣемъ возможность наблюдать очень важную вещь, а именно, что *болѣе краткому склоненію соотвѣтствуетъ и болѣе краткая* (по вокализму) *основа.*

Иными словами, мы можемъ, посредствомъ исключенія извѣстныхъ элементовъ изъ длинныхъ формъ, получить въ полной точности краткія формы:

dēvas=daivas=d(a)iv(a)(s)=div
dēvam=daivam=d(a)iv(a)m=divam
dēvasya=daivasya=d(a)iv(a)s(ya)=divas
dēvāya=daivaaya=d(a)iv(a)ai(ia)=divē.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству склоненій, мы открываемъ, что формы съ суффиксами (т.-е. формы съ подъятой гласной) имѣютъ болѣе первоначальныя падежныя окончанія чѣмъ формы безъ суффиксовъ (т.-е. съ неподъятой гласной). Отсюда мы вправѣ заключить, что и сама ихъ коренная гласная въ первомъ случаѣ (т.-е. съ подъемомъ) имѣетъ болѣе первоначальный видъ чѣмъ во второмъ (безъ подъема).

Конечно, для полнаго разрѣшенія занимающаго насъ вопроса нужно принять во вниманіе и тѣ случаи, въ которыхъ корень оканчивается на гласную, и все-таки фунгируетъ какъ именная основа. Но вопервыхъ слѣдуетъ помнить, что весьма многіе изъ нихъ принимаютъ въ концѣ постороннюю согласную (для *i* и *r* это правило *); тѣ же которые исходятъ на *ā*, обыкновенно сокращаютъ его и тѣмъ самымъ уподобляются основамъ, съ обыкновеннымъ суффиксомъ *a*. Такимъ образомъ, мы нигдѣ не видимъ, чтобъ этотъ классъ основъ слѣдовалъ какимъ-нибудь инымъ правиламъ въ склоненіи чѣмъ всѣ остальныя (суффиксальныя) основы, и видѣть въ нихъ проявленіе чистаго корня—было бы слишкомъ поспѣшнымъ заключеніемъ.

мы держались суффикса *a* по преимуществу. Не имѣя возможности при большомъ числѣ суффиксовъ спеціально обращаться къ каждому изъ нихъ, мы взяли самый употребительный изъ нихъ за типъ суффиксальнаго образованія.

*) См. Линднера стр. 27. Уинтс Indische Grammatik § 383, b.

Подъемы въ спряженіяхъ.

Отъ склоненія именъ перейдемъ теперь къ глаголамъ. Въ нихъ явленія подъема такъ общеизвѣстны и такъ дружно раздѣляются весьма многими изъ индо-европейскихъ языковъ (особенно санскритомъ, греческимъ и германскими) что на первый взглядъ всякія сомнѣнія въ ихъ реальности могли бы показаться странными. Однако, присматриваясь ближе къ нѣкоторымъ явленіямъ спряженій, нельзя не согласиться, что есть иные принципы, гораздо основательнѣе могущіе объяснить эти явленія чѣмъ всякія теоретическія правила о подъемахъ. Для примѣра мы приведемъ слѣдующіе парадигмы взятые изъ санскрита и греческаго языка.

I. dvéṣmi dvékṣi dvéṣṭi
но:
dviṣvás dviṣthás dviṣṭás
dviṣmás dviṣṭhá dviṣánti.
Съ другой стороны:
bódhāmi bódhasi bódhati
bódhavas bódhathas bódhatas
bódhamas bódhatha bódhanti.

II. λείπω, λείπεις, λείπει
и т. д.

но:
ἔλιπον, λιπών

Ср. πως (Hesych.) но: ποδός
μᾶκος, μῆκος но: μακρός
φάμα, φήμη но: φατός.

Вліяніе *ударенія* очевидно. Спѣшимъ замѣтить, что удареніе есть одинъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ сравнительной грамматики, до сихъ поръ противодѣйствующій самымъ настойчивымъ натискамъ теоретиковъ и систематизаторовъ. Всѣ усилія подвесть ихъ подъ какія нибудь стройныя, послѣдова-

тельныя правила, въ большинствѣ случаевъ оканчивались полнымъ фіаско *). Поэтому мы считаемъ вопросъ этотъ по меньшей мѣрѣ не подготовленнымъ, чтобъ толковать о немъ пространно.

Тѣмъ не менѣе находимъ не лишнимъ изложить здѣсь слѣдующее важное замѣчаніе:

1. Подъ удареніемъ, дифтонгъ или долгая гласная остаются неприкосновенными.

2. Въ слогѣ, предшествующемъ ударенію:

a) Краткая гласная исчезаетъ:

vā́gmi но: uktá; ἔχω но: σχών.

b) Долгая гласная сокращается:

(примѣры приведены выше).

c) Дифтонгъ обращается въ монофтонгъ:

(примѣры выше).

3. Въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ долгота иногда сохраняется:

πέπωκα (но: πέπομαι) вед. аор. ávočat (изъ * avavčat).

Эти правила заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія. Изъ нихъ мы узнаемъ, что подъемъ не есть что-либо самостоятельное, отъ себя лишь зависящее и по прихоти появляющееся въ тѣхъ или другихъ словообразованіяхъ—но нѣчто, несомнѣнно связанное съ удареніемъ.

Но толкуя объ этой связи, мы должны однако сдѣлать слѣдующую оговорку. Дѣло будетъ превратно понято, если пред-

---

*) Даже Vergl. Accentuationssystem Боппа приходится отнесть къ числу такихъ „неудачныхъ“ попытокъ. Въ послѣднее время впрочемъ, издано было нѣсколько почтенныхъ трудовъ по теоріи и исторіи акцента. Изъ нихъ первое мѣсто безспорно занимаетъ прекрасное изслѣдованія Мазинга „Die Hauptformen des Serbisch-chorwatischen Accents“ въ XXIII томѣ Mémoires Императорской Академіи наукъ, а также интересная статья Леопольда Шрéдера „ Die Accentgesetze der Homerischen Nominalcomposita“ въ XXIV-мъ томѣ KZ. Много интересныхъ соображеній разсѣяно и въ прекрасной книгѣ Шерера Zur Geschichte der Deutschen Sprache (см. напр. стр. 75—89 втор. изд).

полагать, что одно есть причина другаго. Ни подъемъ удареніе, ни удареніе не вызываетъ подъема *). Фактъ лишь тотъ, что подъятая гласная сохраняется въ этомъ видѣ, пока на ней лежитъ удареніе, и ослабляется (т.-е. лишается своего подъема) когда удареніе съ нея сходитъ.

Искренность требуетъ однако еще и другой оговорки. Сколь ни отрадно было бы выставить повсюду подобныя же тѣсныя соотношенія, отъ этого удовольствія приходится пока отказаться. Не во всѣхъ примѣрахъ находимъ мы такое блестящее соотвѣтствіе между подъемомъ и удареніемъ какъ напр. въ санскритскомъ перфектѣ; рядомъ съ индо-европейскимъ: **váida, *váidtha, *váida*, но: **vidmá, *vidtá, *vidánt* **) встрѣчаются и нѣмецкое *ich weiss, wir wissen*, и греч. ἴσμεν, и множество прочихъ столь же трудно объяснимыхъ формъ. А въ именныхъ образованіяхъ дисгармонія иногда еще замѣтнѣе. Отъ корня *ric̆* напр. образуются, правда: *pra-réc̆ana, réknas* и *riktá*, но также и: *ni-reká, rekú* и *pra-rík̆van;* отъ корня *çuc̆* мы имѣемъ, правда, *çóka* и *çuc̆á*, но также и: *çoká* и *çúka*; *tuç* образуетъ, правда, *nitóçana* но и: *toçá toçás*; корень же *tviš* всѣ свои существительныя образуетъ неправильно: *tvešá, tvešás, tvíši* и *tvešátha*. Словомъ, если желать отыскивать подобныхъ несоотвѣтствій, то въ таблицахъ Линднера ***) для нихъ найдется слишкомъ много примѣровъ.

Поэтому, сколь ни заманчивой казалась бы гипотеза о генетической связи между удареніемъ и подъемомъ, на нее въ на-

---

*) Густавъ Мейеръ (Ztschr. XXIV, стр. 227—255) старается объяснить двойственный видъ индо-евр. *a* въ греческомъ ε, о вліяніемъ удареніа (ε подъ удареніемъ, о безъ удареніа). Но самъ принужденъ сознаться, что этимъ путемъ далеко не все истолковывается (стр 255) Дѣло въ томъ, что эти явленія объясняются не столько вліяніемъ удареніа сколько различными родами индо-евр. *a* (по Бругману: a_1, a_2, a_3) см. Соссюра Mémoire sur le système primitif des voyelles стр 52.

**) См. Шерера Zur Geschichte der deutschen Sprache стр. 38².

***) Altind. Nominalb. стр. 156—167. Ср. однако то что онъ говоритъ на стр. 29, II, 1).

стоящее время еще нельзя съ достовѣрностью указывать. Очень можетъ быть, что это лишь потому, что мы до сихъ поръ не знаемъ à fond, что̀ слѣдуетъ понимать подъ индо-европейскимъ удареніемъ: музыкальное возвышеніе голоса, или просто его механическое усиленіе. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ произнесть окончательный судъ надъ удареніями древнихъ языковъ, мы должны основательно изучить еще природу тѣхъ удареній которыя мы наблюдаемъ въ живыхъ языкахъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Мазингъ *) А эта природа еще далеко и далеко не выяснена нами, или по крайней мѣрѣ для весьма небольшаго числа языковъ.

Выводы изъ предыдущихъ замѣчаній о подъемахъ.

Мы разсмотрѣли (хотя не съ подобающей подробностью) нѣкоторыя характеристическія явленія какъ въ склоненіяхъ такъ и въ спряженіяхъ. И здѣсь и тамъ мы могли замѣтить, что подъемъ гласной не есть свободное, самостоятельно показывающееся явленіе, а скорѣе *одна сторона* нѣкотораго иного, болѣе общаго явленія.

Теперь позволительно предложить слѣдующій, давно стоявшій на очереди вопросъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ какой же видъ гласной должны мы принимать за первоначальный: подъятый или неподъятый?

Соображаясь со всѣмъ доселѣ сказаннымъ, не трудно предугадать, какое разрѣшеніе даемъ мы этому вопросу. По дабы наши заключеніе имѣло болѣе силы, мы считаемъ нелишнимъ дать мѣсто здѣсь еще слѣдующимъ замѣчаніямъ:

1. Если допустить, что во всѣхъ вышеописанныхъ случаяхъ, первоначальный видъ гласной есть ея чистая, неподъятая форма, то мы все-таки ни на шагъ не подвигаемся впередъ въ вопросѣ о томъ, откуда же берется то *a*, которое причиняетъ подъемъ? Что оно не вызывается удареніемъ— очевидно, такъ какъ есть много примѣровъ, гдѣ тѣ же про-

*) Die Hauptformen etc. стр. 45, 46 (§§ 83, 84).

стыя гласныя выдерживаютъ самое рѣзкое удареніе ничуть не думая защищаться отъ него подъемомъ *). Появленіе этого неожиданнаго *a*, какъ мы видѣли выше, столь простодушно признавамое традиціональной лингвистикой—остается неразрѣшимой загадкой.

Есть однако цѣлый рядъ несомнѣнныхъ лингвистическихъ явленій, которыя на первый взглядъ могутъ отклонить читателя отъ убѣжденія въ высказанной нами невозможности самостоятельнаго подъема. Эти явленія потому заслуживаютъ особеннаго вниманія, что встрѣчаются не въ древнихъ, давно отжившихъ языкахъ, а въ языкахъ новыхъ, и въ такихъ словахъ, первоначальный видъ которыхъ намъ достовѣрно извѣстенъ. Приведемъ примѣры: имя Спасителя (Iesus Christ) англичанинъ произноситъ такъ: Джезусъ Крайстъ. Нѣтъ надобности замѣчать, что первоначальная форма (Χριστός) никакого подъема не имѣла. Голландцы называютъ Берлинъ не иначе какъ *Berlein*, а Парижъ—*Pareis* (*e* здѣсь фунгируетъ вмѣсто *a*). Далѣе кто не замѣчалъ, что нѣмцы, произнося русскія слова, весьма охотно поднимаютъ долгое *i* (*i* подъ удареніемъ) до *ei* (почти *ai*, по ихъ выговору? **). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ фактъ гистерогеническаго подъема—очевиденъ.—Но, въ своемъ изложеніи мы не желаемъ забѣгать впередъ, и потому окладываемъ объясненіе этихъ интересныхъ явленій до того мѣста нашего труда, гдѣ оно само собой станетъ понятно.

2. Непосредственное наблюденіе заставляетъ (и насъ, русскихъ, съ особенной силой) убѣждаться въ одномъ весьма распространенномъ и очень простомъ въ дѣйствительности, но въ умахъ нѣкоторыхъ (особенно нѣмецкихъ) ученыхъ, весьма затруднительномъ явленіи. Мы говоримъ о т. н. *осла-*

---

*) Напр. въ сложеніяхъ въ родѣ слѣдующихъ: скр. purbhíd (хотя bhédmi) sadr̥ç (хотя dadárça) или: въ hrd (хотя καρδία) ksa (хотя: ἄρκτος, ursus) и т. д.

**) Особенно замѣтно это на повелительномъ наклоненіи. Вмѣсто *несите, ведите*, нѣмецъ всегда охотно скажетъ: *нэсэйтэ, вэдэйтэ*, и т. под.

бленіи. Намъ, русскимъ, нѣтъ ничего болѣе обычнаго какъ говорить: *бѣлый, бѣлъ*, но рядомъ же съ этимъ говорить и слышать почти *билѣющій*; еще болѣе это естественно, когда послѣ гласной стоитъ *и* въ осново-образовательномъ суффиксѣ: *лѣнь* но: *линѣвый*; труднѣе: *линтяй*.

Исходя изъ этого, столь близкаго намъ явленія, намъ кажутся странными тѣ затрудненія, съ которыми борется напр. Шухардъ, авторъ «Вокализма народной латыни».

Встрѣчая въ позднемъ латинскомъ языкѣ форму *dinarius* вмѣсто классической *denarius*, онъ принимается разсуждать, въ какихъ отношеніяхъ она стоитъ по количеству къ обычной формѣ, имѣющей, какъ извѣстно, долгое *e*, и приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Такимъ образомъ, если въ позднѣйшее время говорилось *dĭnarius*, то эту форму нельзя относить къ *dĕnarius=dēnarius*, но, напротивъ, къ *dīnarius=dēnarius*» *).

Почему же нельзя? По только что сказанному нами, dĭnarius изъ dĕnarius не представляетъ ничего сверхъестественнаго, наконецъ таковъ нашъ собственный русскій выговоръ этого слова. Развѣ мы переспросимъ, если кто намъ скажетъ *динарій*? И мало ли у самаго Шухарда другихъ примѣровъ, въ которыхъ поздній латинскій выговоровъ совершенно встрѣчается съ современнымъ русскимъ. Не перебирая всѣхъ собранныхъ имъ словъ, достаточно указать на сицилійское *irritoria* **) (такъ почти говоримъ и мы), на *Dicembr...* ***), ср. наше «въ Дѣкабрѣ»), на δικουρία, δικουρίων на sistertia †) и т. д.

---

*) Vocalismus des Vulgärlatein. 1, 463.

**) ibid.

***) Стр. 377.

†) I, 370. Приведемъ еще другіе примѣры: aprietur (стр. 409) Diotripes (стр. 400), mancips, princips (стр. 355). И здѣсь такъ же какъ въ русскомъ, замѣчается правило, что ослабленіе происходитъ почти исключительно въ слогахъ безъ ударенія. Что въ латинскомъ языкѣ дѣйствительно былъ такой звукъ который можно было принять и за *e* и за *i*, доказывается, между прочимъ слѣдующимъ мѣстомъ Квинтиліана: „in *here* neque *e* plane neque *i* auditur“ (I, 4, 18).

Спрашивается, если въ устахъ русскаго это явленіе такъ обычно, такъ естественно, то почему же не быть ему столь же естественнымъ въ устахъ позднe-латинскаго простолюдина? Къ чему прибѣгать къ такимъ мало имѣющимъ за себя переходамъ, какъ dīnarius изъ dēnarius, и чрезъ это вступать на скользкую почву латинской просодіи *), когда примѣръ живаго русскаго языка, даетъ возможность взглянуть на явленія прямымъ и непредубѣжденнымъ глазомъ?

Но теперь, разъ изъ *Decembris* вслѣдствіе простаго перехода ударенія могло выйти *Dicembris*, разъ изъ *Декабрь* могло образоваться *въ Дикабрѣ*, почему должны мы непремѣнно толковать, что основа *véd* (я вѣдаю) посредствомъ подъема образовалась изъ корня *vid*, а не на оборотъ, что это *vid* произошло черезъ ослабленіе (вызываемое переходомъ ударенія) изъ вышеупомянутаго *véd*, какъ то особенно ярко свидѣтельствуется сопостановленіемъ двухъ первыхъ лицъ настоящаго времени (ед. и мн. чиселъ): *védmi* я вѣдаю и *vidmás* мы вѣдаемъ? **). Переходъ *o* въ *u* не имѣетъ аналогіи въ русскомъ, но зато часто встрѣчается въ латинскомъ (*magnus* изъ *magnos* и т. п.).

*) Про которую самъ Шухардъ говоритъ: „по моему мнѣнію изученіе вульгарной латыни не представляетъ болѣе труднаго отдѣла какъ опредѣленіе количества“. (I, 463). Хотя Корссенъ: „для количественныхъ отношеній латинскаго языка, которыя лишь на первый взглядъ кажутся такими неправильными и запутанными“... (Ueber Aussprache etc. I,² 349).

**) Приводимъ изъ Грассмана (Wörterbuch zum Rig-Veda) нѣсколько другихъ формъ того же глагола, указывающихъ на справедливость изложеннаго нами объясненія:

védati,	vidáhi,
védat,	vidám,
véda 1 л. Perf.,	vidáthus,
véda 3 л. Perf.,	vidmá,
véttha,	vidá,
	vidús,
	vidvás (part. Perf),
	vidús (idem).

Во многихъ нарѣчіяхъ греческаго языка мы встрѣчаемъ подобныя же явленія. См. Аренса: Aeol. 79, сл., 178 сл., 195; Dor. 120 сл.

Замѣтимъ еще, что Іог. Шмидтъ пользуется остроумнымъ пріемомъ дабы доказать нераціональность принятія за нормальный видъ корня его слабую, неподъятую форму. «Напр. для индо-германскаго *aimi, imási*, говоритъ онъ *), корнемъ ставятъ *i*, для *vaidam, vidmám—vid;* а для *ásmi, smási* не *s*, котораго требуетъ послѣдовательность, но *as*». Точно также и Соссюръ **) совершенно справедливо замѣчаетъ, что, дабы имѣть право говорить о корнѣ *budh*, нужно принять что есть и корень *pt*, такъ какъ вездѣ гдѣ появляется *budh*, появляется и *pt (bubudhús, paptús*; ἐπυθόμην, ἐπτόμην). Всякій же разъ какъ появляется *baudh*, мы находимъ тоже и *pat*: *bódhati*, πεύθεται; *pátati*, πέτεται. «Или мы должны признать, что *at* есть гуна отъ *t*?» Мы приводимъ эти замѣчанія, дабы еще разъ показать читателю, на какія затрудненія и даже нелѣпости приходится натыкаться лингвисту, когда онъ старается строго проводить пресловутую теорію о подъемахъ.

Мы повторяемъ снова, что всѣ вышеизложенныя мысли не имѣютъ еще въ настоящее время иного значенія кромѣ значенія гипотезы. Но если изъ двухъ гипотезъ выбирать одну, то безопаснѣе, намъ кажется, остановиться на той изъ нихъ, которая зиждится на наблюденіи дѣйствительныхъ явленій живыхъ языковъ, чѣмъ мучиться съ тою которая, будучи плодомъ восточной грамматической философіи, лишь занесена въ кабинеты европейскихъ теоретиковъ и не имѣемъ подъ собою никакой разумной и естественной подкладки.

Преимущество вышеизложеннаго объясненія предъ теоріей подъемовъ.

Важное преимущество новаго толкованія подъятыхъ и простыхъ гласныхъ въ однихъ и тѣхъ же корняхъ состоитъ въ слѣдующемъ. Когда мы задаемся вопросомъ: отчего происходитъ измѣненіе звуковъ? то отвѣтъ самый естественный,

*) KZ XXIV, стр. 312 прим.

**) Mémoire sur le systeme primitif des voyelles, стр. 124.

хотя далеко не единственный, какъ мы увидимъ ниже, будетъ слѣдующій: *въ примѣненіи говорящаго къ удобству выговора.* Еще самые первые представители нашей науки, Боппъ, Гриммъ и др., толковали, что главный стимулъ къ измѣненію звуковъ—состоитъ въ достиженіи бо́льшаго удобства произношенія, или, говоря проще—въ лѣнивомъ отношеніи говорящаго съ говоримому. Это толкованіе вѣрно настолько, что ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ въ его полной справедливости. Но теперь: если уже разъ существуетъ тенденція упрощать, сокращать, облегчать звуки для произношенія, чѣмъ же мы объяснимъ совершенно противуположную тенденцію—подпимать ихъ и осложнять? Что это не происходитъ отъ одного ударенія—мы видѣли. Что наивно успокоиваться на теоріи ‹подставленнаго *a*› не согласно съ серьезностью которую мы обязаны вносить во всѣ наши разсужденія о явленіяхъ науки—очевидно тоже. Словомъ, при необходимости принимать законъ ослабленія звуковъ—а это неизбѣжно—теорія подъема является не малымъ препятствіемъ. Съ другой стороны все сглаживается и принимаетъ однообразный, нормальный характеръ, когда мы въ чередованіи подъятыхъ и неподъятыхъ гласныхъ въ формахъ однихъ и тѣхъ же корней видимъ не что иное какъ повтореніе того же самаго закона ослабленія котораго ни одинъ лингвистъ не былъ бы въ силахъ отвергнуть *). Этимъ способомъ, на мѣсто двухъ противуположно дѣйствующихъ силъ мы получаемъ только одну, и всѣ измѣненія вокализма, отъ подъема до полнаго исчезновенія гласной—подводятся подъ одинъ общій, непрерывно дѣйствующій, и естественный законъ, справедливости котораго можетъ не признавать лишь тотъ, кто закрываетъ глаза на факты.

---

*) Ср Курціуса Etymol.‘ 412: „Ослабленіе есть слѣдовательно *основной принципъ* для всякаго звукоизмѣненія не вызываемаго ни взаимнымъ соприкосновеніемъ звуковъ ни цѣлями словообразованія“. И еще (стр. 413):“ это измѣненія тоже подподаетъ подъ *основной принципъ* ослабленія звуковъ“.

ГЛАВА II.

Теорія гласной.

Нетвердость гласныхъ въ сравненіи съ устойчивостью согласныхъ.

Въ Германіи намъ часто довогилось слышать, какъ одинъ очень извѣстный ученый говаривалъ молодымъ и слишкомъ смѣлымъ этимологизаторамъ: «Respect vor den Vocalen!» (уважайте гласныя!) Спрашивается: за что уважать ихъ, когда онѣ сами себя не уважаютъ?...

Въ предѣлахъ одного и того же нѣмецкаго языка всѣ слова какъ: *gulden, gold, er galt, geld, gilde* и *gültigheit* восходятъ къ одному и тому же корню. Или еще: дат. ед. мѣстоим. 2-го лица звучитъ: по санскритски: *tubhyam,* по гречески τοι (σοι), на нарѣчіи рязанскомъ *табѣ* *), на обще-русскомъ выговорѣ *тебѣ* (ср. умбр. *tefe*) и по латыни *tibi.* Рядомъ съ санскритскимъ *pūrṇa* мы находимъ русское *полный,* санскритское *piparti* (онъ наполняетъ) древне-бактрійское *perena* и наконецъ литовское *pìlnas.* Во всѣхъ этихъ примѣрахъ согласныя твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ, тогда какъ гласныя проходятъ по всѣмъ ступенямъ вокализма, отъ *u* до *i.* Мы не включаемъ сюда дифтонговъ и разныхъ сложныхъ гласныхъ, въ родѣ *ö, ü* и т. д. Съ ними число варіантовъ еще значительно увеличилось бы. Курьезный случай

*) Даль, Толковый Словарь XXXI, а. Такой же выговоръ встрѣчается и въ Смоленской губ.

представляетъ полабское *eiridoálsa* *). Если мы сравнимъ это слово съ равнозначащимъ ему русскимъ *уродился*, то замѣтимъ, что всѣ согласныя полабской формы соотвѣтствуютъ въ точности согласнымъ русской, тогда какъ гласныя всѣ до послѣдней различны. Другой курьёзъ представляетъ провансальское *kioueisso* (лат. *соха*) гдѣ на мѣсто *о* появилось цѣлыхъ пять гласныхъ.

Съ цѣлію показать, какъ обильно число примѣровъ, представляющихъ такія колебанія гласныхъ, мы составили ниже помѣщаемыя таблицы, въ которыхъ слова размѣщены по 6 графамъ или категоріямъ. Изъ нихъ первыя пять принадлежатъ пяти главнымъ ступенямъ вокализма (*u*, *o*, *a*, *e*, *i*) а послѣдняя—дифтонгамъ. Относительно этихъ таблицъ мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что по значенію и суффиксальной формѣ не всѣ слова подведены въ нихъ подъ общую крышу. Въ интересахъ дѣла мы отнеслись свободнѣе и къ значенію (какъ извѣстно, весьма прихотливому) и къ формѣ суффиксовъ, обращая вниманіе лишь на принадлежность къ общимъ корнямъ. Кромѣ того мы должны сдѣлать еще слѣдующія техническія замѣчанія: 1) ъ у насъ считается за *ŭ*, а ь за *ĭ*. Не беремся обсуждать вопроса, насколько вѣрно такое объясненіе нашихъ полугласныхъ. Современное направленіе славистики стремится повидимому къ истолкованію ъ'а какъ *ŏ*, а ь'я какъ *ĕ* **). Но по крайней мѣрѣ къ первому всѣ привыкли, а второе еще не повсемѣстно утвердилось. 2) Въ шестой графѣ (графѣ дифтонговъ) мы помѣстили и нѣсколько такихъ формъ, которыя собственно не дифтонги, а монофтонги, но настолько причудливые, что имъ не нашлось мѣста ни въ одномъ изъ первыхъ пяти столбцовъ. 3) Въ скобкахъ помѣщены нами тѣ формы, которыя, хотя и представляютъ нужную намъ гласную, но не на томъ мѣстѣ, на коемъ она

*) Шлейхеръ: Laut-und Formenlehre der Polabischen sprache, Петербургъ 1871, стр. 58. Ср. еще *preilissoalsa приложился*.

**) Миклошичъ однако не признаетъ этого мнѣнія: Ср. грам. ² I. стр. 142.

встрѣчается въ большинствѣ языковъ. Такія перемѣны, какъ извѣстно, особенно часто встрѣчаются при *r* и *l*.

Насъ могутъ укорить въ томъ, что при составленіи нижеслѣдующихъ таблицъ мы слишкомъ мало обратили вниманія на такъ называемые звуковые законы. Безспорно, многія изъ приводимыхъ формъ представляютъ вполнѣ правильныя звуковыя колебанія. Такъ напр. европ. *e*, *o*, противъ индо-эранскаго *a*. Конечно, строгій систематизаторъ нашелъ бы дикимъ приведеніе частныхъ отдѣльныхъ случаевъ тамъ гдѣ дѣйствуетъ общій законъ. Но мы вѣдь этихъ законовъ и не отвергаемъ. Напротивъ, мы первые станемъ радоваться всякому логически-понятному и безусловно-оправдывающемуся закону. Но вопервыхъ, то что у современныхъ грамматиковъ называется звуковыми законами, далеко не всегда находитъ себѣ безусловное приложеніе: это знаютъ всѣ, занимавшіеся лингвистикой. Во вторыхъ, наша забота теперь не о звуковыхъ законахъ. Наша цѣль только показать, до какой степени разнообразнымъ видоизмѣненіямъ способны подвергаться гласныя, и до какой степени устойчивы въ сравненіи съ ними согласныя. Это фактъ, къ которому всѣ привыкли, и потому перестали считать его удивительнымъ. Однако въ чемъ нибудь должна же заключаться причина такой рѣзкой разницы, разницы, не укрывшейся и отъ Вольтера, который нѣкогда сказалъ, что этимологія (читай: сравнительное языковѣдѣніе) есть наука, въ которой гласныя не значатъ ничего, а согласныя—очень мало.

Послѣднее, конечно, совершенно невѣрно; а что касается перваго, то въ невѣрности его еще позволительно сомнѣваться. Іоганнесъ Шмидтъ, приводящій въ первыхъ строкахъ своего Вокализма вышеупомянутое словцо французскаго мудреца, думаетъ конечно своей книгой представить ему самое блистательное опроверженіе. Однако законность въ частностяхъ, безспорно найденная І. Шмидтомъ, все-таки не уничтожаетъ беззаконности въ общемъ, и мы думаемъ, что наши таблицы все-таки покажутъ трезво смотрящему на факты читателю, что согласныя значатъ *все* (т. е. что ими глав-

нѣйшимъ образомъ опредѣляется родство словъ), а гласныя если не *ничего*, то, по крайней мѣрѣ, по тому же выраженію Вольтера, «*очень мало*».

u	o	a
	δορκάς др. сѣкс. torh-t блестящій др. в. н. zoraht ясный др. ир. ad-con-dare conspexi	(δράκον) скр. dadarça (dṛç)
	socer, socrus	скр. çvaçura з. qaçura
ulcus sulcus (?)	ὁλκή, ὁλκός рус. волокъ (нѣм. locken(?))	(laceo, laqueus (?)) лит. valk-s-ma-s тяга рыбъ
лит. sunkiù		
скр. çundhāmi очищаю		castus (изъ * cad-tus)
дв. ир. for-chun, for-chanim doceo κύκνος (?)	κόναβος шумъ скр. kokas утка	κανάζω звучу καναχή скр. kaṅkanī колоколъ cano, cantus др. ир. canaid canit
	κόρση голова	κάρα (κράνιον) зд. çara глава

e	i	дифтонгъ
δέρκομαι, δέργμα др. ир. derc глазъ	др. ир. aīr-dirce conspicuus	
ἑκυρός свекръ лит. szeszura-s	корн. hvigeren свекоръ	гот. svaíhra рус. свёкръ
ἕλκω, ἕλκος лит. velkù тяну		влѣвѫ
скр. çekas, sečana rigatio	ἰκμάς сырость ἰκμαίνω ἰκμα-ῖο-ς скр. siñčāmi spargo зд. hiñcaiti id. дв.н. sîhu colo	
др. сакс. hêdar	чис-ть	двн. heitar.
	др. ир. forcital doctrina	
cerebrum	скр. çiras голова двн. hirni нвн. ge-hirn	гот. hvairnei черепъ

u	o	a
mulgeo, mulctus, mulctra (млъзѫ)	ἀμολγεύς ведро для дойки ἀμολγαῖος долженствующій быть доеннымъ русск. молоко.	скр. mārǧāmi обтирать зд. marez стирать др. ир. do-o-malgg mulsi
лат. amurca (заимств. Корссенъ II ² 162)	ἀμοργός выдавливающій ἀμόργη дрожжи	скк. кор. marǧ (ср. предыд.)
скр. ūrǧ, ūrǵas сила ūrǧayāmi кормлю ūrǵasvat полный	ὀργή гнѣвъ ὀργάω вздуваюсь ὀργάς, δος (virgo nubilis)	
	ὀρόγυια сажень лат. rogus сицил. ῥογός житница	скр. rāǧis рядъ rāǵ-an (Корссенъ I ² 451; обыкновенное производство отъ rāǧ блистать)
tugurium	(s)toga (Курціусъ въ Et ⁴ стр. 185 почему-то не помѣщаетъ этого слова въ № 155) лит. stóga-s крыша русск. стогъ	скр. sthagāmi покрываю двн. thak крыша нвн. Dach
(fulgeo, fulgur) (fulmen) (fulvus)	φλόξ пламя	скр. bhrāǧē блистаю bhrāǧ *f* блескъ flagrare flamma flâmen жрецъ (?)

e	i	дифтонгъ
ἀμέλγω дою ἄμελξις доеніе лит. mélž-u дою	двн. milch-u дн. mylk-ja (др.-ир. blicht молоко) нвн. Milch англ. milk	
лат. merges, mergae (‹furculae quibus acervi frugum fiunt›Festus)		
	virga, virgo(n)	
ὀρέγω ὄρεγμα rego, rex, rectus	ὀριγνάομαι erigo, porrigo др. ир. riga царь ríge царская власть	гот. raihts прямо свн. reichen.
στέγω покрываю στέγη, τέγη, στέγος, τέγος крыша στεγνός частый, густой tego, tectum двн. dek-ju покрываю лит. stė́g-iu id. др. ир. teg, tech домъ		
φλέγω, φλέγμα урсск. блескъ	лит. blizg-ù блещу	брѣзгъ разсвѣтъ ✓

u	o	a
(срѣд-ь-цє)	cor(d)	καρδία, (κραδίη) Cardea, Carna dea viscerum
	cornu ир. corn	скр. karna ухо Ἀπόλλων Κερνεῖος
κουρά κουρεύς зд. çûra копье лат. curtus саб. curis копье	κορμός кора лит. korà наказаніе (?)	скр. kartari ножницы русск. кара (?)
клюуь д. ир. clúi корень sklu (Curt. Et ⁴ 149)	κλοιό-ς	clavis, claudo дорич. κλαΐς, κλάξ (Ahrens dor. 140)
скр. çruti-s слава κλύω, κλυτός cluo, clu-e-o, inclutus двн. hlût громко слоути clarum esse д. ир. clú слава cluas ухо	gloria слово лит. szlovė честь д. ир. cloor audio ἀ-κρο-ά-ομαι	скр. çravas—слава слава

e	i	ДИФТОНГЪ
κῆρ рус. сердце двн. hérzâ	лит. szird-ì-s (др. ир. cride)	гот. hairtô κέαρ санскр. hrd (вм. hard) hrdayam (вм. hardayam) зд. zaredhaya (вм. zeredhaya, такъ какъ въ зендѣ ere = r̥)
κέρας рогъ cervus	аrc. hiruz олень нвн. Hirsch	гот. haurn рогъ
κέρμα отрѣзокъ (малая монета)	скр. çiri мечъ	гот. haírus др. сакс. hëru др. норд. hiorr κείρω } ножъ
κληΐς, κλείς	болг. кличъ	дзн. sliuzu запираю русск. ключь
κλέος, κλέομαι κλε-ιν-ός	лат. cliens, inclitus	лит. klau-s-aú audio гот. hliuma слухъ слышж

u	o	a
Δουλίχιον (длъгъ) in-dulg-e-o (?)	δολιχός длинный δόλιχος длинное ристалище русск. долгій (d)longus (? Курціусъ сближаетъ longus съ λογγάζω (№ 147) что̀, по его мнѣнію, не имѣетъ ничего общаго съ δολιχός).	(скр. drāgh-īyans, сравн. степ. отъ dīrgha) (drâghman долгота) зд. dareghô долгій
др. ир. lugem minimus		скр. laghu-s быстрый, малый ἐ-λαχύς др. ир. lagait малость
лат. humus humī humi-lis гот. guma человѣкъ	[χθών (изъ χθομ, которое получило аксессорное ϑ)] homo двн. gomo человѣкъ	χαμαί, χαμᾶζε зд. zâo (им. пад.) (нвн. Bräutí-gam)
скр. gūrta ПС: geliebt, willkommen), отъ корня gur. Курціусъ Et.⁴ 198 непринимаетъ родства этого слова съ прочими)	лит. gorŭ̃ti, gor желать, искать	χάρμα, χάρις (grātus) (grātia)
ful-vus (? см. Курц. Et.⁴ 187) [(h)lūtum] [(h)lūteus] (жлътъ)	(χλοή зӗлень, трава) (χλωρός желтоватый) лат holus, olus желтоватый какъ медъ folus id. (двн. grôju зеленѣю) (др. сакс. grôni зеленый) лит. žolẽ̆ трава	скр. hari зеленый, желтый (flāvus)

e	i	ДИФТОНГЪ
ἐν-δελεχής продолжительный ἐν-δελέχεια продолжительность ἐν-δελεγέω	скр. dīrgha долгій лит. (d)ilga-s id.	
levis, levitas лит. lengv-a-s	двн. lih-ti ЛЬГЪКЪ	др. ир. laigiu minor русск. лёгкій
ст. лат. hemōnes (отъ homo) лит. žém-e ꙁємл-л-ѧ (*ꙁємѧ)		
оск. her-est умбр. heriest volet оск. Herentatis (Венера) ЖЄЛАТИ	двн. giri cupidus girî aviditas нвн. Begierde	χαίρω (*χαϱjω) гот. faihu-gairns корыстолюбивый двн. gërôn желать
лат. helus, helvus желтый какъ медъ helvola овощи ꙁєлиѥ, ꙁєлєнъ лит. želiu viresco др. ир. gel бѣлый нвн. gelb желтый	лат. gilvus желтый viridis (*gviridis, Bopp. gl.) др. ир. сравн. ст. gilither (отъ gel бѣлый)	скр. gaura желтый зд. zairi золотаго цвѣта

u	o	a
culmen	col-u-mna collis κολ-ωνό-ς κολ-ώνη холмъ др. сакс. hol-m нвн. Holm (слав. *холмъ* ни Курціусъ Et ⁴ 152, ни Фиккъ Ср. слов. I ³, 528 не приводятъ)	лит. kál-na-s высота
скр. krû-ra-s cruor, cruentus кръвь лит. krùvina-s кровяной д. ир. crúu кровь	русс. кровь (др. ир. colinu мясо)	(caro) скр. kravyam, kravis сырое мясо лит. kraújas кровь
	σκώρ калъ κόρος метла κορέω мету (такъ Pictet Or. Ind. I ², 143; Корссенъ напротивъ относитъ эти слова къ кор. karš: Krit. Beitr. 403). hord-eum (?)	çкр. apa-skara-s ava-skara-s (stercus)
скр. krûra-s твердый зд. khrûra ужасный crusta, crudus, crudelis κρύ-ος морозъ κρύ-ο-μαι замерзаю κρυό-εις ужасный κρύσταλλος ледъ	др. ир. crodatu durities	двн. hrâo, род. hrâwes сырой

e	i	ДИФТОНГЪ
celsus, excello лит. kélti поднимать	лит. pra-kilnùs высокій	
χρέας мясо двн. hrêo мертвецъ (червонный) (**чєрвлєнъ** (?)		гот.hraiv мертвецъ
cerno, certus др. ир. etar-ceirt род. etarcerta переводъ eter-scértar separabuntur	(χρίνω, χρίσις) (χρίμνον ячмень) (cribrum сито лит. skiriù отдѣляю	гот. skeir-s чистый (др. ир. criathar сито)
	др. норд. hrî-m иней	др. ир. cruaid твердый

u	o	a
curvus κυρτός } кривой κυλλός } κύκλος др. ир. curu	corona κορ-ώνη (εἶδος στεφάνου Гезихій) κορωνίς загнутый **коло** (колесо)	(скр. čacra-s кругъ) καλινδέω
пѣта (птица) **пѣтица** воробей	ποτάομαι витаю πότμος судьба	скр. pat-āmi летаю pattram } pattrin } птица patman полетъ
скр. sthūna столбъ зд. çtūna id лит. stùly-s комель дерева stultus stu-p-eo στύω выпрямляю ставлю στῦλος колонна	[(st)locus (Корссенъ I² 810 отвергаетъ это сближеніе)] στοά лит. stóviu стою stóti (въ сложеніи) stónas стояніе **сто-лъ** тронъ гот. stêl-s тронъ	скр. ti-šthā-mi stha-la-m мѣсто лат. stātor stătus, stă-tu-a στάσις σταμίν боковая балка двн. stà-m стою гот. stan-da id **станъ** **стати** лит. statýti ставить stá-klės ткацкій станокъ
двн. dunni тонкій агл. сакс. thunjan tonarė	ton-a-re ton-itru τόνος **тоното** laqueus рс. тон-кій двн. donar громъ	скр. tan-ō-mi тянуться tānas нить, тонъ tanu-s тонкій τά-νυ-μαι τα-νάος кимвр. tant fides гот. than-ja вытягиваю нвн. Faden

e	i	ДИФТОНГЪ
Κέρκυρα κέρκος хвостъ	circus, circum (двн. hring кольцо) (нвн. Ring) (**кркъ**)	др. ир. cuairt circuitus. (лит. kreivas кривой)
πέτομαι ἔπετον (дорич. аор.) peto, impetus pennu **перо** др. ир. en (* petna птица др. кимвр. etn	πιτνέω acci-piter (= ὠκὺ πέτης Поттъ Et. Forsch. II ' 55) гот. fintha узнаю двн. findu нахожу нвн. finde	двн. fëdera, fëtah } крыло
ἔ-στην, ἵστημι στήλη двн. stellan ставить лит. stẽbas столбъ	скр. sthi-ti-s стояніе лат. stipulus firmus гот. stiv-iti выносливость	гот. stiurjan твердо ставить **стѣна**
τένων струна ten-d-o ten-or adv. tenus улир. an-tentu ἀνατεινέτω us-ten-tu ostendito лит. temp-jù вытягиваю temptyva тетива	лит. tìmpa струна **тьнькъ**	τι-ταίνω τείνω

u	o	a
нс-тъкнжти effodere **нс-тъкань**	русск. точить, токарь τοκεύς родитель, творецъ	скр. takšan плотникъ зд. taša топоръ лит. taszýti плотничать
νύξ, νυκτερός	nox, nocturnus **ношть** дв. ир. in-noct hac nocte	скр. nak, naktis
	πλοχή, πλόκαμος (πόρκος сѣть)	скр. praçnas плетенная корзина лат. plaga сѣть гот. flahtòm (Dat. pl. πλέγμασι) flahs ленъ нвн. Flachs (Parca)
	лат. scopus шестъ scopio острie **копїѥ**	лат. scâpus древко (?) scamnum скамья
двн. scû-wo тѣнь	σκοτεινά (Гезихій)	скр. čhāyā (вм. skāyā) тѣнь гот. çkad-us тѣнь лат. casa, cassis (шлемъ) castrum лагерь (палатка?)
рс. зубъ	**зжбъ** γόμφος, γομφίος } зубъ Γόμφοι	скр. ǧambha - s зубъ, пасть ǧabh, ǧabhē (ǧambhē) домогаться чего (съѣснаго) Gabii

e	i	ДИФТОНГЪ
τέκτων плотникъ τέχνη **тєсати** чешск. tesla топоръ	др. прусс. tik-in-t facere лит. tìnkù я пригоденъ, подхожу tikytí цѣлить лат. tignum (?) скр. niç, niçā ночь **никнжти** (?)	τεύχω, τεῦχρος гот. theiha
pleco, amplector **плєтж**	лат. plic-o du-plic-is умбр. tribriçu тройственность	.
σκηπτός лучъ молніи σκήπτω защищаю σκῆπτρον скиптръ σκήπων жезлъ, палка	scipio жезлъ σκίμπτω надавливаю σκίπων жезлъ, палка	
др. сакс. scheme тѣнь лит. sze-sze-li-s тѣнь	σκιά, σκιαρός свн. schime тѣнь	caecus (изъ scaecus ?) **стѣнь** σκοιά, σκοιόν (σκοτεινά Гезихій)
лит. gémbe крюкъ въ стѣнѣ		

u	o	a
γυνή жена гот. kuni родъ	γόνος	γεγαώς, γεγάασι, γίγα(ντ) скр. ǧánāmi, ǧaye раждать ǧanas родъ, ǧanitā родитель др. перс. ganna жена лит. gamìnti раждать
(двн. dru-m meta) durh чрезъ двн. durh		скр. tarāmi переношу на ту сторону taris лодья taranta-s море зд. tarò чрезъ (лат. trans) др. ир. tar чрезъ (per)
(τρύω тру) (τρῦμα дира) лат. turunda (trua)	ἔ-τορ-ε (аор. просверлилъ) τόρος рѣзецъ	(τι-τράω раню) скр. tar-uṇas нѣжный лат. tar-me(t)s (англ.-сакс. thrāvam torquere) др. ир. tarathar terebra
умбр. tursitu (tostus) нвн. Durat	torreo, tostus torris факелъ (лит. tróksz-tu жажду) (нвн. trocken)	скр. tarša-s жажда (tršyāmi жажду) зд. taršna жажда ταρσιά (τρασιά) др. ир. tart жажда

e	i	ДИФТОНГЪ
ἐ-γεν-ό-μην, γένος γεν-ε-τήρ genui, genus, genitor, genius гот. quên-s жена лит. gem-ù раждаюсь gen-tì-s родственникъ др. ир. ro-gen-air natus est; genemain рожденіе	γίνυμαι (Boeckh, Monatsber. d. Academie Nov. 1857 нарѣчіе Эгосѳены)	γείνομ[illegible] др. ир [illegible] ge[illegible] двн. chnuat natura
τέρμα цѣль, конецъ τέρθρον конецъ termen, ter-minus умбр. termnu	скр. tiras (вед.) чрезъ tīra-m берегъ	др. нор. throm-r край гот. thaír-h чрезъ др. ир. tairm id.
τέρ-ε-τρον сверло tero terebra terentius	(τρίβω) (tribula) (tribulare) (trīticum) (лит. trìnti тереть)	τραύμα рана гот. thaìrkô дира
τέρσομαι terra двн. derru сушу	др. ир. tírim aridus tír земля	гот. thaúrs-ja жесткій thaúrateí жажда

u	o	a
русс. дубъ (д. сл. дѫбъ указываетъ на присутствіе носовой; для значенія ср. англосакс. timber, двн. zimbar, греческ. δένδρον).	δόμος, δῶμα domus домъ дѫбъ	скр. dam-a-s, dam (вед.) домъ dampatī господжа лит. námа-s (вм. damas) др. ир. aur-dam, er-dam } domus
лат. du-int, du-am du-i-tor (Плиній Hist. Nat. XXI,3) умбр. pur-tuv-itu (Ауфрехтъ и Кирхгофъ II, 171) лит. dŭ́-mi, dŭ́-du даю dŭ́-tis даръ	δί-δο-μι δωτήρ, δῶρον dōnum dō(t)s	скр. da-dā-mi даю dātar датель dā-thra подарокъ dāre, dător дамь, даръ, дань др. ир. dán
гот. kunth-s знающій kunthi знаніе нвн. kundig слѣдующій	ἔγυων, γιγνώσκω знаю γνώμη слава gno-sc-o, (g)notus анг. to know знать лит. žinomas знакомый	скр. ǧânāmi, знаю ǧāānam, знаніе ǧñātis знакомый gnārus др. лат. gnārigare знамєн знаменіє двн. knāu, знаю гот. kann знаю лит. žinaí знаю
γουνό-ο-μαι γουνά-ζ-ομαι γούνατα	γόνυ γωνία	скр. ǧānu колѣно

e	i	ДИФТОНГЪ
δέμω строю δέμας сложеніе зд. dem-a жилище δένδρον (Гриммъ, Исторія нѣмецкаго языка, стр, 402; Курціусъ этой этимологіи не признаетъ: Et ‘ стр. 233, № 265 прим.)	англ. сакс. tímber } зданіе двн. zímbar } зданіе древесный матеріалъ гот. tímrjan οἰκοδομεῖν	итал. duomo
др. ир. ro-des (3 л. ед. прош.) ro-dessam (3 л. мн.)	inditus (?) (credo со своимъ creditum есть cre+кор. dhā)	
др. ир. ad-gen-sa cognovi ad-genammar novimus н. в. н. kennen		
genu	(нвн. Knie)	(гот. kniu)

u	o	a
	ὄργανον ὄργιον священнодѣйствіе зд. thwòreçtar **творити** **творьнъ** (зд. varez, thwareh, иаше **творити** очевидно принадлежатъ къ одному и тому же корню, хотя ни justi (нашдв.) ни Курсіусъ (Et ⁴ стр. 180) не признаютъ этого	(скр. vraǧ-ā-mi иду на что) зд. varez (ср. thwareç thwarekhetar) творить Ἀργαδεῖς елійское (Ἄργον-ἔργον лаконское γαβεργός (Ahrens acol. 32, 226, der. 46)
urgeo (гот. vruggô петля) (**кръзж** связываю) (анг. wrong)	Λυχό-ῤργος русск. ворогъ.	скр. varǧāmi (но и vrnaǧmi) (vraǧa-s изгородь) (**врагъ**)
скр. yunaǧmi соединяю yugam пара yugyam лат. jū-mentum jugum, conjux ἐ-ζύγην ζυγόν гот. yuk иго лит. jūngas иго	скр. yoǧāmi соединяю (объ отношеніи его къ yunaǧmi см. I. Шмидтъ Voc. I, 130—133) двн. joh нвн. Joh кимвр. iou	
tri-pud-iu-m умбр. dupursus двуногій peturpursus четвероногій нвн. Fuss	ποδ-ός лат. tri-pod-are гот. fôt-us ногаγ	скр. pad-yā-mi pad-a-m шагъ pād-a-s нога зд. padha нога лит. pádas подошва

e	i	ДИФТОНГЪ
ἔργον зд. verez дѣло, произведеніе нвн. Werk	нвн. wirken	гот. vaúrk-jan работать двн. wërah, wërk работа
Ἐχά-εργος лит. verż-iù завязываю, стискиваю двн. reccheo преслѣдуемый	(гот. vrika преслѣдую) агл. санс. vring-an stringere	
корн. ieu иго кимвр. iou id	нго	
πέδον, πεδίον πέδη πεζός ped-is ped-ula подошва ped-ester лит. ped-à слѣдъ ноги	oppidum adv. oppido (=ἔμπεδον)	др. нор. fjo-tur двн. fëzzar fuoz нога

u	o	a
pulvīnus dulvīnar	ἐπι-πολ-ή поверхность **поле**	palam собств. «на открытомъ полѣ»
русск. путо (ср. **пѧто**)	πόνος πονέω	σπάνις нужда двн. spannan пятать лит. pántis путо
imbuo imbures	potare poculum эол. πώνω πότος πόσις	скр. pāmi, pibāmi } пью pānam напитокъ
πρύ-τανις умбр. pru=pro гот. fru-ma первый (**пръ-вій**) др. ир. ru (скр. pūrva-s первый)	πρό, πρό-τερος πρόμος эол πρό-τανις князь начальникъ πρωί рано лат. prō, prō προ- лит. pro- др. ир. ro-	дор. πράτος(=πρῶτος) скр. pra- зд. fra, frâ лат. pran-dium πρα- лит. pra-
скр. sphurati дрожитъ, мелькаетъ двн. spur-n-an calcitrare лат. spurius	двн. spor слѣдъ	(σ)παλάσσω потрясаю скр. sparitar врагъ скр. sphar(=phur) зд. çpar наступать ногами лит. spardýti выбивать
лат. nūbēs, nubilus (Іог. Шмидтъ Voc I, 179)	νένοφε (Perf. отъ νέφω Гезихій) Nep-tūnus (ср. Корссенъ I ² 434)	скр. nabhas туча

e	i	ДИФТОНГЪ
πέλλα верхняя кожа pellis нвн. Fell	гот. fill. filleins δερματινός	двн. fël
πένομαι πένης pēnūria	лит. pin-ti плесть пьнѫ (пѧтн)	πεῖνα голодъ
лит. pė́nas молоко	πίνω πι-πίσκω πίστρα напитокъ пнтн	
умбр. pre (=prae) др. ир. (p)rem, (p)ren ante русск. пре- (русск. первый)	πρίν prī-mus (лит. pir-mas первый (pirm (предл.) до)	prae прѣ- (объ этихъ словахъ см. Іог. Шмидта Вокал. II, 361).
лат. spernere лит. speru, spert толкать ногою нвн. sperren	лит. spiriu, spirti выступать ногами пьрѫ, пьрѣтн	ἀσπαίρω двн. spruojan
νέφος νεφέλη nebula нєбо лит. debesìs облако др. ир. nél облако	лат. nimbus др. нр. nifl-heim-z др. ир. nimb капля	дрв. nëbal облако

О предѣлахъ гласнаго колебанія

Не смотря на такую очевидную неустойчивость гласныхъ *), во всѣхъ руководящихъ сочиненіяхъ по сравнительному языковѣдѣнію мы находимъ тщательно составленныя таблицы, указывающія предѣлы, въ которыхъ совершается гласное колебаніе. Остановимся на таблицахъ Шлейхера и Курціуса.

Первый **) распредѣляетъ свою таблицу по четыремъ ступенямъ гласной: ослабленію, основной формѣ, первому подъему и второму подъему. Конечно, если вѣрить въ подъемы, то таблица эта можетъ только порадовать глазъ: на мѣсто даннаго индо-европейскаго вокала мы нигдѣ не видимъ болѣе трехъ варіантовъ, а очень часто только одинъ или два. Но если не признавать подъемовъ, какъ то теперь дѣлается всѣми, прямо смотрящими на нашу науку, или же, если припомнить по крайней мѣрѣ, что подъемы часто оказываются

---

*) Ср. однако Іог.Шмидта, Voc. II, стр: 355 „Каждый день все болѣе и болѣе научаетъ, что языки *именно* (?) *въ сохраненіи своего вокализма очень консервативны*, и что весьма ограниченныя по отношенію къ долгой жизни языковъ измѣненія ихъ вокальнаго матеріала всегда вызываются вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, удареніями, привлеченіемъ къ новымъ аналогіямъ и другими, въ настоящее время по большей части уже опредѣлимыми причинами". Если въ какомъ нибудь н. голл. *nieuws* (новости) г. Шмидтъ и усмотритъ консерватизмъ на томъ основаніи что изъ индо-европ. *a* въ **nava* здѣсь вышло все-таки не *k* и не *g*, а лишь *gu*, то это дѣло его личнаго взгляда, но сравнивать мы все-таки должны не величины разныхъ порядковъ, какъ *вокализмъ* и *время*, а величины общаго порядка, какъ вокализмъ и консонантизмъ. При такомъ сравненіи преимущество консерватизма окажется несомнѣнно на сторонѣ тѣхъ звуковъ (*n* и *v*) которые съ честью пронесли свое имя изъ степей доисторическихъ предковъ-Арійцевъ въ Среднюю Азію до вчерашняго нумера любой Амстердамской газеты и отойдетъ отъ того звука (*a*) который мало того что самъ давно затерялся въ дремучихъ лѣсахъ древнихъ Германцевъ, но и породилъ-то изъ себя какихъ-то непохожихъ на него, жалкихъ ублюдковъ.

**) Сотр. стр. 156, 157.

тамъ, гдѣ ихъ прежде не было, а съ другой стороны пропадаютъ тамъ гдѣ они прежде были, то дѣло представляется уже въ совершенно иномъ видѣ. Оставляя вокализмъ санскрита и столь близкаго ему зенда (такъ какъ изъ этихъ вокализмовъ мы главнымъ образомъ почерпнули наши свѣдѣнія о вокализмѣ индо-европейскаго языка, то не удивительно что онъ съ ними и совпадаетъ) и ограничимся разсмотрѣніемъ латинскаго и греческаго. Что же оказывается? На мѣсто индо-европ. *a* могутъ стоять въ латинскомъ: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*; на мѣсто $\bar{a}$: *o*, $\bar{o}$, $\bar{a}$, $\bar{e}$. Въ греческомъ на мѣсто *a*: α, ε, ι, ο, υ; на мѣсто $\bar{a}$: $\bar{\alpha}$, ο, η, ω. Другими словами (принимая вышеуказанное смѣшеніе подъятій и ослабленіе) на мѣсто *a*, $\bar{a}$, могутъ стоять въ латинскомъ и греческомъ рѣшительно всѣ гласныя отъ *i* до *u*, и притомъ съ перемѣной количества. Нѣсколько больше твердости имѣютъ оба крайніе предѣлы вокализма: *i* и *u*. Но это лишь потому, что они, вслѣдствіе своей близости къ согласнымъ, обладаютъ отчасти ихъ свойствомъ устойчивости. То же самое явленіе замѣчается и въ церковно-славян. языкѣ, гдѣ на мѣсто *a* могутъ появляться: *a*, *e*, *ě* (ѣ), *ĭ* (ь), *o*, *ŭ* (ъ). Гласныхъ литовскаго и кельтскаго языковъ Шлейхеръ благоразумно не включаетъ въ свою таблицу, съ тѣмъ объясненіемъ, что онѣ еще недостаточно ясны *). Чрезвычайное разнообразіе вокализма этихъ двухъ языковъ могло бы много помѣшать Шлейхеру въ его математическомъ толкованіи живыхъ звуковъ человѣческой рѣчи.

За то эти языки включаются въ таблицу Курціусомъ **). Его таблица составлена иначе. Безо всякаго отношенія къ подъемамъ и ослабленіямъ, Курціусъ просто проводитъ параллели гласныхъ по 10 языкамъ, начиная съ индо-европей-

*) Для кельтскаго, кромѣ вышеприведенныхъ мѣстъ, см. еще Compr. стр. 111 § 70. Въ Beitr. I, 441 Шлейхеръ особенно близко роднитъ вокализмъ древне-ирійскаго нарѣчія съ латинскимъ и придаетъ обоимъ характеръ твердости (Starrheit). На сколько это вѣрно—видно будетъ изъ послѣдующаго.

**) Et. стр. 128, 129.

скаго. И вотъ тамъ, гдѣ въ первой графѣ стоитъ одно *a*, въ графахъ литовскаго и кельтскаго языковъ стоитъ по цѣлыхъ пяти гласныхъ: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*. Таблица Курціуса составлена предательски. Предпосылая ее тому отдѣлу своей Этимологіи, который онъ называетъ «Правильной замѣной» (Regelmässige Lautvertretung) онъ очевидно старался и въ ней провесть какъ можно глубже начало «правильности». Но эта правильность обманываетъ читателя лишь при первомъ взглядѣ на таблицу. Достаточно ему немного проштудировать приводимыя самимъ Курціусомъ сопостановленія, чтобъ быть пораженнымъ непостоянствомъ въ *количествѣ* гласныхъ. Это вообще слишкомъ извѣстный фактъ, чтобъ о немъ стоило распространяться. А тогда оказывается, что кромѣ замѣнъ $\breve{a}$, всегда могутъ оказаться еще и тѣ замѣны, которыя соотвѣтствуютъ $\bar{a}$, вслѣдствіе чего картина вокализма индоевропейскихъ языковъ еще болѣе спутывается. И если мы прибавимъ къ этому, что дифтонги могутъ постоянно чередоваться съ монофтонгами, что весьма многіе изъ языковъ (именно романскіе, германскіе и прусо-литовскія нарѣчія) съ особенной охотой порождаютъ весьма разнообразные дифтонги тамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ встрѣчаются лишь монофтонги—тогда невольно приходится отказаться искать какой-либо правильности въ этихъ замѣнахъ, и всякія таблицы на этотъ счетъ получаютъ лишь условное значеніе.

И это не все. Сочиненія Боппа, Шлейхера, Курціуса и всѣхъ, писавшихъ объ общихъ законахъ индо-европейскихъ языковъ — касаются лишь очень немногихъ идіомовъ. Отъ 8 до 10—вотъ все число разбираемыхъ языковъ. Не таково оказывается это количество, когда мы принимаемся за сочиненія болѣе спеціальныя. Каждый изъ языковъ разбираемыхъ въ Компендіумѣ есть лишь главный типъ цѣлой семьи болѣе мелкихъ нарѣчій, которыя по разнообразію вокализма далеко не всегда уступаютъ главнымъ языкамъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, изучая законы образованія словъ, какое право имѣемъ мы отвергать всѣ эти діалектическіе варіанты? Мы не имѣемъ права ихъ отвергать, потому что они—такіе же на-

учные факты, какъ и данныя крупныхъ литературныхъ языковъ; съ другой стороны, подобное отверженіе идетъ прямо въ разрѣзъ съ цѣлями нашей науки, такъ какъ вслѣдствіе того всѣ создаваемые нами звуковые законы неизбѣжно получаютъ характеръ неполноты и сбивчивости.

Замѣтимъ, что нарѣчія, если чѣмъ отличаются одно отъ другаго (въ фонетическомъ отношеніи) такъ это именно своимъ вокализмомъ. Измѣненія согласныхъ бываютъ сравнительно ничтожны. Важный моментъ составляетъ тоже отношеніе говорящаго къ количеству гласныхъ *). Но и это обстоятельство относится къ одному вокализму.

А если это такъ, то нашъ вокализмъ изъ стройнаго зданія, какимъ его хотятъ сдѣлать традиціональные лингвисты обращается въ безграничное море разнообразнѣйшихъ звуковъ, которымъ столь же мало положено предѣла, какъ и волнамъ настоящаго моря.

Гласныя и согласныя—два различныхъ порядка звуковъ.

Соображаясь съ выше-сказаннымъ, мы должны признать, что воззрѣнія ортодоксальной лингвистики на гласную не соотвѣтствуютъ ея текучему, неустойчивому характеру. Съ гласной обращаются совершенно такъ же, какъ съ согласной—хотя цѣлая бездна раздѣляетъ ихъ. Согласныя — особенно нѣмыя мгновенныя—суть дѣйствительно нѣчто твердое, обособленное, неизмѣнное: неизмѣнное въ томъ смыслѣ, что и въ началѣ своемъ и въ концѣ онѣ представляютъ одинъ и тотъ же звукъ, всегда равный самому себѣ **). Время про-

*) Разница замѣтна даже въ близкихъ говорахъ одного и того же нарѣчія (Даль, Т. С. Предисловіе).

**) Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобъ согласныя всегда (т. е. во всякихъ сочетаніяхъ) представляли одинъ и тотъ же звукъ. Напротивъ, онѣ склонны къ чрезвычайно разнообразнымъ перемѣнамъ своего звука. Говоря наприм. *волъ* и *визирь*, большая ошибка думать, что мы въ обоихъ случаяхъ произносимъ одно и то же *в*. На эти измѣненія мы обратимъ ниже болѣе серьезное вниманіе.

изношенія ихъ обыкновенно крайне ограниченно, характеристика ихъ звука почти всегда отличается рѣзкими чертами— и въ этихъ свойствахъ слѣдуетъ искать секретъ ихъ чрезвычайной живучести.

Что же касается измѣнчивости гласныхъ, то о ней мы говорили уже пространнѣе. Произношеніе гласныхъ длится долѣе произношенія окружающихъ ихъ согласныхъ, и намъ кажется, что если бы эти числа подлежали точному измѣренію, въ нѣкоторыхъ примѣрахъ мы нашли бы отношеніе 1 къ 4! Еслибъ можно было, напр. измѣрить, сколько терцій длится произношеніе буквы *э* въ *этотъ* и сколько буквы *т* рядомъ съ нею — то мы увидѣли бы что въ первомъ случаѣ это число очень значительно, а во второмъ неуловимо мало. Другими словами: продолжительность произношенія согласныхъ относится къ продолжительности произношенія гласныхъ какъ точка относится къ линіи.

Можно ли, спрашивается, даже послѣ этихъ различій, ставить на одну доску гласныя съ согласными, на томъ только основаніи, что и тѣ и другія выражаются на письмѣ сходными буквенными знаками?

Гдѣ граница между гласными и согласными?

Вопросъ объ отношеніи гласныхъ къ согласнымъ подвергся въ послѣднее время съ разныхъ сторонъ весьма глубокой переработкѣ. Эти оба, такъ часто употребляемые нами термина, оказались совершенно несостоятельными, лишь только было доказано, что принципъ дѣленія по способности и неспособности образовывать слогъ не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ: можно привесть цѣлый рядъ примѣровъ, въ которыхъ звуки, обыкновенно причисляемые нами къ согласнымъ, образовываютъ слогъ безъ всякой помощи гласныхъ. Чтобъ не измышлять новыхъ, укажемъ на тѣ, которые приводитъ Сиверсъ. Онъ говоритъ *): «никто не станетъ сомнѣ-

*) E. Sievers, Grundzüge der Lautphysiologie, Leipzig 1876, стр. 26, 27.

ваться, что слова какъ *ritten*, *handel* въ своемъ обычномъ произношеніи точно такъ же двусложны, какъ *ritte*, *hande*, т. е. что слоги: *-ten*, *-del* и *-te*, *-de*, имѣютъ одинаковое значеніе.

«Если мы изслѣдуемъ ихъ составъ, то найдемъ, что оба послѣдніе состоятъ изъ «согласныхъ» *t*, *d*, и «гласной» *e*; во время произношенія *t*, *d*, остріе языка запираетъ полость рта, но во время *e* оно отходитъ, давая воздуху свободный выходъ наружу; вообще, только при этомъ условіи и возможно произнесть *e* Въ *-ten*, *-del*, мы, правда, пишемъ тотъ же гласный знакъ *e*, но въ дѣйствительномъ произношеніи онъ не появляется. Когда я говорю: *ritten*, то полость рта остается запертою остріемъ языка съ самаго того момента, когда произносится первое *t*; слѣдовательно въ дѣйствительности за *t* не можетъ слѣдовать *e*, а скорѣе *n* непосредственно примыкаетъ къ *t*. Равнымъ образомъ и въ *dl*... Мы говоримъ, слѣдовательно: *rit—tn*, *han—dl*, т. е. *n* и *l* равнозначущи *e* въ *rit—te*, *hàn—de*, и имѣютъ такимъ образомъ вокальную функцію». Тѣ же самые звуки могутъ обратно перейти въ согласную, когда послѣ нихъ стоитъ настоящая гласная вродѣ *e*; напр. въ словахъ: *berittne*, *behandle* и т. д. Наконецъ крайне интересенъ такой примѣръ какъ: *die berittenen offiziere*, въ которомъ 2-ое слово произносится такъ: *be-rit-tn̓-nn̓n*, причемъ *n̓* означаетъ гласный *n*, въ отличіе отъ *n* согласнаго.

Одно явленіе само по себѣ можетъ убѣдить насъ въ полной способности плавныхъ и носовыхъ образовывать изъ себя слогъ. Мы говоримъ про явленіе svarabhakti или полногласія, такъ безподобно изученное и изложенное Іоганнесомъ Шмидтомъ во второй части его Вокализма.

Но здѣсь мы должны различать двѣ эпохи: болѣе позднюю, когда новая гласная изображается уже на письмѣ (и когда слѣдовательно *ея* слогъ ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ прочихъ) и болѣе раннюю, когда она только что начинаетъ появляться въ произношеніи, пока еще въ совершенно неопредѣленномъ видѣ. Напр. медленно произнося слогъ *smas* мы

легко можемъ сдѣлать изъ него нѣчто вродѣ $s^{a}mas$, форму, отъ которой до латинскаго *sumus* одинъ только шагъ. Шухардъ *) перечисляетъ нѣсколько формъ употреблявшихся народомъ, которыя случайно уцѣлѣли, несмотря на гнетъ литературнаго языка: напр. *balatrones* вм. *blaterones; magistaratum* вм. *magistratum; Terebonio* вм. *Trebonio; trichilinio* вм. *triclinio; Militiades* вм. *Miltiades; urebem* вм. *urbem*.

Въ осскомъ это явленіе еще болѣе замѣтно чѣмъ въ народной латыни: *sakarater* = *sacratur; Alafaternum* = *Alfaterna* и т. д. **).

Что во всѣхъ этихъ примѣрахъ гласная раждающаяся изъ svarabhabti долгое время должна была произноситься неопредѣленно, неясно, достаточно доказывается тѣмъ, что она почти всегда уподобляется гласной сосѣдняго съ нею слога. Мы вправѣ поэтому заключить, что въ періодъ своего зачаточнаго состоянія она не жила жизнью отдѣльной отъ породившей ее плавной, а что, вѣрнѣе сказать, сама плавная была въ это время—гласной.

Явленіе svarabhabti слишкомъ извѣстно и слишкомъ хорошо разработано такимъ ученымъ какъ Іоганнесъ Шмидтъ, чтобъ дальнѣйшій разборъ его на страницахъ нашей книги былъ бы оправдываемъ; мы на него указали только потому, что желали выставить невозможность проведенія границы, на которой оканчивались бы гласныя и начинались согласныя ***).

Звукосочетанія типа ТА и типа АТ (АТЪ).

Мы привыкли думать, что полугласныя (*y* и *v*), плавныя и носовыя однѣ исчерпываютъ собою весь тотъ классъ обоюдныхъ звуковъ который мѣшаетъ устоновленію твердой черты между обѣими главными категоріями буквъ. Однако при болѣе

---

*) Vocalismus des Vulgärlateins II, 426; также II, 416.

**) Corssen II², 384 ссл. Цвѣтаевъ Сборникъ Осскихъ Надписей § 17 (стр. 35—37).

***) Ср. Сиверса Lautphysiologie стр. 26 сл.

внимательномъ разсмотрѣніи вопроса мы найдемъ необходимымъ отказаться отъ такого ограниченія.

Когда мы говоримъ такія слова какъ *два*, *гдѣ*, *ткачъ* и т. п., развѣ мы не слышимъ, что послѣ первой буквы ясно прорывается нѣкоторый неопредѣленный звукъ, который при достаточно медленномъ произношеніи можетъ обратиться въ настоящую гласную, и фактически обращается въ нее въ многихъ народныхъ говорахъ? Мы знаемъ одну пѣсню, въ которой слову *вдова* соотвѣтствуютъ три музыкальныхъ темпа, и потому ясно поется *в^{оа}-да-ва*. Нашему *сто* соотвѣтствуетъ въ санскритѣ çatam: *а* выпало не сразу, но его выпаденію предшествовалъ періодъ, когда на его мѣстѣ стояла полугласная ъ; **сѣто**, **кѣто** и подобныя церковно-славянскія формы указываютъ на произношеніе этихъ словъ безъ полной гласной, но все-таки въ два темпа.

Максъ Мюллеръ указываетъ на Китайцевъ, которые не могутъ произнесть ни одного комплекса согласныхъ безъ того, чтобы каждую изъ нихъ не сопровождать гласной: изъ Christ у нихъ выходитъ *Kilissetu*; на нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Полинезіи это же слово произносится: *Kalaisi*, *Karaita* или *Keriso* *)

Ошибочно было бы думать, чтобы въ приведенныхъ церковно-славянскихъ примѣрахъ заключалось что-нибудь особенно замѣчательное. Если мы отдадимъ себѣ ясный отчетъ въ нашемъ собственномъ произношеніи всѣхъ слоговъ, въ которыхъ рядомъ стоятъ двѣ мгновенныхъ согласныхъ, то должны будемъ убѣдиться, что мы выговариваемъ эти слова вовсе не односложно. Для этого достаточно припомнить слѣдующее: что каждая мгновенная согласная есть продуктъ *полнаго замыканія* (Verschluss) въ какой-нибудь части полости рта (въ гортани, у неба, у зубъ, или у губъ) и *взрыва*, производимаго накопившимся до значительнаго давленія воздухомъ. Этотъ воздухъ можетъ или свободно выходить изъ горла, или же приводить въ колебаніе голосовыя струны. Въ

*) Lectures II серія, IV.

первомъ случаѣ получается мгновенная нѣмая, во второмъ мгновенная звучная. Такимъ образомъ каждая мгновенная есть какъ бы цѣлый самостоятельный слогъ, и такою она является напр. въ частицѣ *къ*, которой мы не могли бы выговорить, еслибъ вырывающійся воздухъ не игралъ въ ней роли гласной. Отсюда вытекаетъ, что мы не можемъ произнесть двухъ мгновенныхъ въ одномъ и томъ же слогѣ: *ткачъ*—есть тᵏкачъ, *кто* есть кᵗто, *гдѣ* есть гᵈдѣ *). Церковно-славянское правописаніе было гораздо раціональнѣе русскаго, когда столь изобильно разставляло почти всѣ комплексы согласныхъ своими ъ′ами и ь′ями; и съ своей стороны мы гораздо раціональнѣе поступаемъ чѣмъ западные народы, когда замыкаемъ ъ′омъ слова исходящія на мгновенную согласную.

Но намъ могутъ возразить: почему же раціонально замыкать ъ′омъ эти слова, когда разъ уже условились посредствомъ буквъ обозначающихъ мгновенныя согласныя выражать не одинъ тотъ элементъ, который соотвѣтствуетъ акту замыканія, но вмѣстѣ съ нимъ и сопровождающій его взрывъ? На это возраженіе трудно было бы удовлетворительно отвѣтить, еслибы не существовало слѣдующаго знаменательнаго факта. Когда мы пишемъ *ка*, *па*, то знаками *к*, *п*, у насъ выражается только одинъ чистый согласный элементъ, продуктъ одного замыканія; элементы же взрыва въ этомъ знакѣ вовсе нѣтъ. Онъ поглощенъ гласной *а*, или говоря правильнѣе, гласная *а* играетъ роль взрыва. Когда мы приготовляемся произнесть одинъ изъ такихъ комплексовъ, (*ка*, *га*, *па*, *ба* и т. д.), то мы прежде всего *беззвучно* производимъ замыканіе. Затѣмъ всѣ остальные мускулы языка и губъ, напряженіе которыхъ для этого замыканія не нужно, столь же беззвучно приготовляютъ артикуляцію нужную для произнесенія гласной; давленіе воздуха по ту сторону пункта замыканія нѣсколько возвышается, а голосовыя струны приближаются одна къ другой, дабы при первомъ движеніи воздуха породить голосъ. Когда затѣмъ быстрымъ движеніемъ языка или разверзані-

*) Ср. Сиверса Lautphys. стр. 112.

емъ губъ мы даемъ проходъ скопившемуся воздуху, то онъ вырывается наружу, но уже тотчасъ несетъ съ собою гласную. Такимъ образомъ чистый консонантъ мы слышимъ только въ минимально краткій промежутокъ между моментомъ разрыва и наступленіемъ гласной, промежутокъ, который въ случаѣ напр. губныхъ, неуловимо кратокъ. Такимъ образомъ вся роль, играемая мускулами замыканія, ограничивается извѣстной окраской самой первой струи выходящаго воздуха. Строго говоря, и здѣсь долженъ быть краткій перерывъ между моментомъ прорыва и наступленіемъ гласной (на письмѣ слогъ *ка* мы должны были бы изображать такъ: *къа*). Иначе, согласный элементъ *к*, сливаясь съ голосомъ *а*, далъ бы не беззвучную, а звучную мгновенную *г*. Но дѣло въ томъ, что взрывъ послѣ *к* въ сочетаніи *ка* слабѣе, чѣмъ въ сочетаніи *акъ*, и вслѣдствіе контраста съ непосредственно примыкающей къ нему гласной, становится неощутимъ для слуха. Такимъ образомъ то, что мы выражаемъ значкомъ *к* въ слогѣ *ка* вовсе не есть то же самое что мы разумѣемъ подъ тѣмъ же значкомъ въ слогѣ *акъ*. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ почти чистый согласный элементъ (безъ взрыва), а во второмъ тотъ же согласный элементъ + взрывъ. Тотъ *ъ*, которымъ мы замыкаемъ слова исходящія на согласную, не есть слѣдовательно пустая роскошь, а фонетическая единица, значеніе которой ускользаетъ лишь отъ поверхностнаго наблюдателя. Такимъ образомъ то новое правописаніе, которымъ нѣкогда вздумали было щеголять кое-какія изъ петербургскихъ изданій и, къ сожалѣнію даже «Русскій филологическій вѣстникъ», столь же безсмысленно сколь и несогласно съ преданіемъ національной старины, дорожить которою слѣдовало бы ученымъ людямъ болѣе чѣмъ другимъ.

Разсмотримъ теперь, что происходитъ съ органами нашего слова во время произношенія тѣхъ слоговъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ гласная, а на второмъ согласная (*акъ*, *аґъ*, *атъ*, *адъ*, *анъ*, *абъ*). Здѣсь уже звучащій голосъ насильственно перехватывается замыканіемъ. Естественнѣе всего было бы подумать, что при этомъ происходитъ то же самое

что и при взрывѣ: съуживаясь, органы замыканія должны были бы производить тотъ же самый акустическій эффектъ, какой они производятъ при своемъ разхожденіи. У нѣкоторыхъ ученыхъ дѣйствительно явилась мысль установить существованіе мгновенной *прогибитивной* *) подобно тому, какъ существуетъ мгновенная *эксплозивная*. Но этого нѣтъ. Давленіе воздуха, выходящаго наружу во время звучанія гласной, очень ничтожно. Значительная доля силы его потока уходитъ на приведеніе въ колебаніе голосовыхъ струнъ, и потому никакое замыканіе не можетъ дать ему настолько окраски, чтобы выдержать конкуренцію съ громко звучащей гласной. Звукъ просто замираетъ, и вмѣсто всякаго согласнаго оттѣнка мы получаемъ лишь нѣмой перерывъ выходящей струи воздуха. Итакъ, въ тотъ единственный моментъ когда мы могли бы получить чистую согласную, намъ не дается этого утѣшенія: мы этой согласной *не слышимъ* **). Чтобы услыхать ее, намъ нужно снова скопить воздухъ до значительнаго давленія, и произвесть взрывъ, т.-е. возвратиться къ первой формѣ сочетаній.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что въ природѣ нѣтъ

---

*) Не думаетъ ли о такой мгновенной прогибитивной Максъ Мюллеръ, когда, разбирая законъ Гримма, говоритъ (Lectures II, чтеніе 5ое): „мы можемъ произнесть *p* какъ букву твердую, быстро прерывая потокъ воздуха губами, какъ мы то дѣлаемъ въ *ap*“ и т. д. Но согласно послѣдующимъ строкамъ, знаменитый авторъ повидимому старается указать здѣсь только на твердость *p* въ противность мягкому звуку *b*. Что, однако, одного прерыванія струи воздуха недостаточно для выговора *ap*, читатель сейчасъ будетъ имѣть случай убѣдиться.

**) Сиверсъ говоритъ по этому поводу, что при произнесеніи слоговъ какъ *a-pa* „достаточно одного замыканія, чтобъ удалить всякое сомнѣніе насчетъ слѣдующаго звука“... (Grundzüge der Lautphysiologie стр. 94). Но онъ очевидно дѣлалъ опыты на самомъ себѣ причемъ иныя чувства, кромѣ слуха, называли ему сразу мѣсто замыканія. Если же дать другому узнавать органъ гдѣ происходитъ замыканіе безъ того чтобъ онъ видѣлъ лицо говорящаго, то результаты отгадыванія будутъ крайне неудовлетворительны.

звукосочетаній *ак*, *ап* и т. д., а есть только: *акъ*, *апъ* и подобныя.

Даже въ случаѣ геминаціи согласныхъ, мы слышимъ ихъ только при второмъ слогѣ. Единственное же различіе между *атта* и *ата* состоитъ въ томъ, что мы 1) дѣлаемъ большій перерывъ между замыканіемъ и взрывомъ и 2) значительно сокращаемъ, и какъ бы *заостряемъ* гласную перваго слога. Этого обстоятельства Сиверсъ не принимаетъ въ разсчетъ (l. c. стр, 99). А вмѣстѣ съ тѣмъ оно очевидно. Если мы попробуемъ долго и спокойно произносить первую гласную, то какъ бы мы ни увеличивали вышеупомянутый промежутокъ, мы все-таки получимъ впечатлѣніе не двухъ согланыхъ, а одной, но только нерѣшительно произнесенной.

Важное препятствіе изложенному нами толкованію составляютъ греческій и латинскій языки, въ которыхъ, какъ извѣстно, двойная согласная (такъ же какъ и двѣ согласныхъ) удлиняетъ предшествующую гласную, вмѣсто того чтобы укорачивать ее. Но мы не должны забывать, что свѣдѣнія наши о количествѣ гласныхъ въ классическихъ языкахъ почерпнуты изъ *метрики*, а *метрика* тѣснѣйшимъ образомъ связана съ *ритмикой* (эту мысль особенно ясно доказалъ Вестфаль). Что ритмически оба слога въ τάττω отстояли другъ отъ друга далѣе чѣмъ напр. въ πέδον, не можетъ быть никакого сомнѣнія; но что звучала ли гласная во все время ритмическаго промежутка между первымъ и вторымъ слогомъ, или нѣтъ—это еще вопросъ. Вмѣсто схемы: τατ—τω возможна и такая: τα—τω. Разницу же въ выговорѣ гласныхъ долгихъ по положенію и такихъ, которыя кромѣ положенія имѣютъ еще природную долготу Курціусъ признаетъ даже въ Schulgrammatik (см. 8-е изд. § 76 прим.).

Нѣтъ физіологической границы между гласными и согласными.

Возвращаясь къ вышепоставленнму вопросу о границѣ между обѣими главными категоріями звуковъ, мы должны на-

помнить, что всѣ вообще звуки человѣческаго языка образуются взаимодѣйствіемъ двухъ факторовъ: выдавливаемаго грудью *воздуха* (все равно сопропровождается ли онъ голосомъ или нѣтъ) и *артикуляціями* органовъ полости рта. Такъ какъ функціи этихъ послѣднихъ исчерпываются, говоря физіологически, лишь однимъ родомъ дѣятельности, а именно образованіемъ *узкостей* (engen) весьма разнообразныхъ по ихъ степени, формѣ и мѣсту, то вопросъ о дѣленіи звуковъ на 2 категоріи сводится къ вопросу о дѣленіи этихъ узкостей на два болѣе или менѣе ясно различимыхъ разряда. Что ихъ *мѣсто* не можетъ служить принципомъ дѣленія, очевидно, такъ какъ образованіе и гласныхъ и согласныхъ одинаково различно по мѣсту зарожденія ихъ звуковъ. Что ихъ *форма* тоже слишкомъ разнохарактерна, чтобъ наблюсти въ ней какіе-нибудь два главные вида, равнымъ образомъ не требуетъ доказательствъ. Остается дѣленіе по *степени*. И оно было бы очень естественно. Мы всегда можемъ провесть ясную черту между всякимъ *полнымъ* и *неполнымъ* состояніемъ. Поэтому и вопросъ о дѣленіи звуковъ могъ бы получить очень раціональное основаніе въ полнотѣ и не полнотѣ замыканія: тогда на одну сторону стали бы мгновенные, а на другую сторону всѣ прочіе (т. е. длительные) звуки. Еслибъ наши старые термины и потеряли при этомъ нѣсколько своего смысла, то, по крайней мѣрѣ, само дѣленіе получило бы правильную физіологическую основу.

Но такое дѣленіе, какъ бы ни казалось оно заманчивымъ съ точки зрѣнія теоретической, неосуществимо практически по той простой причинѣ, что, какъ мы сказали выше, наше ухо не слышитъ звуковъ производимыхъ полнымъ замыканіемъ; эти звуки для насъ просто не существуютъ; все что мы слышимъ это лишь фазы звуковъ соотвѣтствующія моментамъ, въ которые разрывъ препятствія произведенъ и когда, слѣдовательно, замыканіе уже не полное. А вслѣдствіе этого, и вся та наша категорія, которую мы намѣревались отнести къ фазѣ полнаго замыканія, падаетъ сама

собой, или, разсуждая съ физіологической точки зрѣнія—обѣ категоріи обращаются въ одну.

Уитне объ отношеніи гласныхъ къ согласнымъ.

Американскій профессоръ Уитне посвятилъ занимающему насъ вопросу спеціальное изслѣдованіе въ своемъ сборникѣ «Этюды по востоковѣдѣнію и лингвистикѣ» *). Дабы не вдаваться въ подробное изложеніе его взглядовъ, мы сдѣлаемъ всего двѣ выписки изъ упомянутой статьи, которыя очертятъ намъ главную мысль автора. Уитне говоритъ **): «обыкновенно всѣ изучающіе элементы звуковаго алфавита (the spoken alphabet) удовлетворялись взглядомъ на гласныя и согласныя какъ на двѣ независимыя группы, одинаково участвующія въ порожденіи членораздѣльнаго языка, неразрывно связанныя между собою (indissolubly married together) на пользу рѣчи, какъ будто то были отдѣльные индивидуумы, которые можно классифицировать и укладывать въ особые системы. Конечно, теоретически можно себѣ представить, что органы артикуляціи принадлежатъ, согласно этому, къ двумъ отдѣльнымъ родамъ: точно такъ же какъ человѣчество состоитъ изъ двухъ особыхъ половъ, изъ коихъ каждый долженъ исполнять спеціальную обязанность въ трудахъ всего поколѣнія, причемъ каждая дѣйствительная переходная форма между ними невозможна, а каждая являющаяся есть уродливость. Но имѣетъ ли это мѣсто и въ случаѣ звуковъ живаго языка? Я рѣшительно полагаю что нѣтъ. Одинъ тотъ фактъ, что въ словарѣ фонологіи встрѣчается такой терминъ какъ полугласная, достаточенъ чтобъ потрясти подобную теорію до самаго основанія. Представьте себѣ женщину, которая была бы «полу-мущиной!»....

На слѣдующей страницѣ Уитне пишетъ:

---

*) Oriental and linguistic Studies, by William Dwight Whitney. Нью-Іоркъ 1874. II, гл. 9-ая: The relation of vowel and consonant

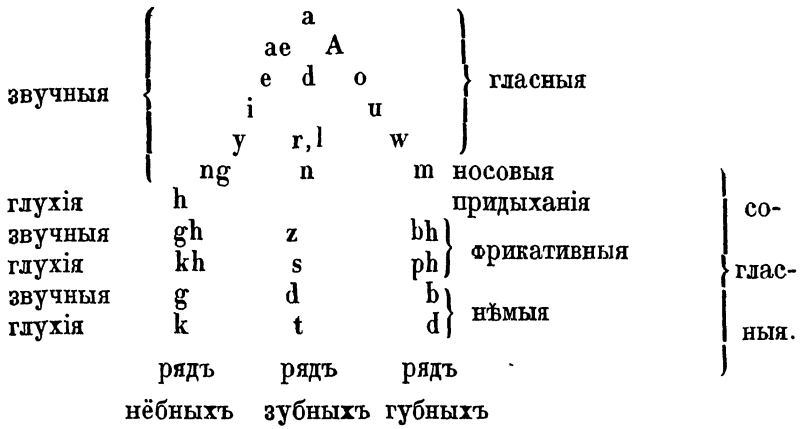
**) l c. стр. 280.

«Я не полагаю, чтобъ было особенно трудно найти этотъ желательный принципъ (дѣленія звуковъ) и не думаю, чтобы, разъ найденъ этотъ принципъ, приложеніе его было бы сомнительнаго достоинства. Онъ состоитъ въ антитезѣ матеріала и формы, въ различіи ролей, играемыхъ при произношеніи тѣхъ или другихъ звуковъ алфавита органами дыханія (легкими) съ одной стороны и органами рта съ другой стороны: первые доставляютъ потокъ воздуха, дыханіе или голосъ, вторые даютъ ему различныя индивидуальныя свойства. Тѣ звуки, въ которыхъ преобладаетъ матеріалъ, голосовой элементъ—гласныя; тѣ же, въ коихъ преобладаютъ другіе элементы, модификація полости рта—согласныя; но нѣтъ рѣзкой раздѣлительной черты между обоими крупными классами; каждый изъ нихъ имѣетъ свои степени, по которымъ онъ приближается къ другому; непрерывная нить послѣдовательности идетъ отъ самой открытой и чистой гласной до самой закрытой и рѣшительной согласной; въ серединѣ ея расположена нейтральная область, звуки которой имѣютъ неопредѣленный или двойственный характеръ».

Къ этимъ своимъ разсужденіямъ Уитне присовокупляетъ фонологическую таблицу *) во многихъ отношеніяхъ интересную. Въ ней всѣ звуки подведены подъ общую схему, въ которой гласныя, чрезъ посредство носовыхъ, плавныхъ и фрикативныхъ постепенно переходятъ въ согласныя многовенныя; вершину звуковой цѣпи занимаетъ чистое *a* (въ англ. словѣ *far*). *A* у Уитне обозначаетъ звукъ наклонный къ *o* (напр. въ *all*) *ae* есть слабый переходъ къ *e* (напр. въ *fat*). Всѣ прочіе звуки представляютъ три расходящіяся вѣтви по тремъ главнымъ органамъ произношенія (гортани—у Уитне нёбу—зубамъ и губамъ) и чередуются по отношенію къ участію и неучастію голоса.

Вотъ его таблица:

*) Стр. 286.



Ошибка Уитне въ классификаціи звуковъ.

Въ изученіи всякаго предмета мы должны различать двѣ стороны: практическую и теоретическую. Каждая имѣетъ свою сферу приложимости. Насколько первая разбираетъ дѣйствіе предмета, его вліяніе и зависимость отъ другихъ, настолько вторая разбираетъ его внутреннее устройство, его сущность какъ таковаго. Уитне очевидно разбираетъ дѣятельность человѣческихъ органовъ рѣчи съ практической стороны, когда говоритъ *):

«Опредѣленіе основныхъ и второстепенныхъ колебаній дающихъ звуку *a* его акустическій характеръ, изученіе длины той трубки которая служитъ при этомъ резонаторомъ или степени и рода ея конечнаго отверстія, изученіе полезное въ томъ случаѣ если пытаться искуственнымъ образомъ подражать звукамъ человѣческаго голоса—эти и подобныя изслѣдованія имѣютъ высокій теоретическій интересъ, но внесенныя въ область лингвистической фонологіи онѣ имѣютъ подчиненное значеніе: звуки производятся для цѣлей человѣческой рѣчи произвольными движеніями человѣческихъ органовъ,

*) Стр. 282.

и должны быть описываемы и классифируемы лишь сообразно съ этими движеніями».

Преслѣдуя подобныя цѣли Уитне очевидно имѣетъ въ виду одну физіологическую сторону вопроса. Конечно, ничто не мѣшаетъ ему понимать такъ свою задачу, и мы не нашли бы ни одного слова сказать противъ его изслѣдованія объ отношеніи гласныхъ къ согласнымъ, еслибъ онъ, всѣдствіе односторонняго взгляда на вопросъ, не впадалъ въ важное заблужденіе, которое, скажемъ вскользь, онъ самъ повидимому замѣчаетъ, но не настолько сознаетъ его значеніе, чтобъ въ угоду ему отказаться отъ идеи о лингвистическомъ тождествѣ гласныхъ и согласныхъ. Вотъ его слова *):

«Вѣрно то, что переходя отъ *i* къ *gh* или отъ *u* къ *bh* мы должны переступить черезъ важную и рѣзко опредѣленную черту—черту по одну сторону которой главный слышимый элементъ (the main audible element) есть голосъ, или продуктъ дыханія, въ то время какъ по другую сторону ея главный слышимый элементъ есть треніе колоны воздуха о препятствія лежащія на его пути. Но эта линія не есть въ этомъ отношеніи (in that account) что либо большее, чѣмъ черта раздѣленія на классы, и подобна другой столь же опредѣленной чертѣ, отдѣляющей фрикативные звуки отъ взрывныхъ или нѣмыхъ. Она указываетъ только на ту неопровержимую истину, что въ предѣлахъ дѣятельности однихъ и тѣхъ же органовъ, сближеніе до извѣстной границы производитъ гласныя, а за этой границей оно производитъ согласныя; но она соединяетъ не менѣе того чѣмъ насколько раздѣляетъ; въ то время какъ она держитъ оба класса обособленными, она въ то же время сливаетъ ихъ въ одну общую систему».

Уитне, излагая эти соображенія, очевидно не обращаетъ вниманія на данныя важной въ этомъ случаѣ науки, а именно физики. Во всей его статьѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ разсужденій по поводу физическихъ свойствъ тѣхъ или дру-

*) Стр. 283.

гихъ звуковъ. Да онъ, какъ мы видѣли, въ принципѣ не допускаетъ ихъ до своихъ физіологическихъ наблюденій.

А вмѣстѣ съ тѣмъ принять во вниманіе результаты добытые физикой въ нашемъ случаѣ необходимо. Нельзя удовольствоваться тѣмъ внѣшнимъ фактомъ, что одни и тѣ же органы, при помощи сходныхъ движеній (установленія узкостей въ тѣхъ или другихъ пунктахъ полости рта) пораждаютъ и гласныя и согласныя: одинъ и тотъ же мышьякъ можетъ излѣчить человѣка отъ нѣкоторыхъ болѣзней и можетъ на мѣстѣ убить его; такъ точно и органы слова. И въ случаѣ гласныхъ, и въ случаѣ согласныхъ они внѣшнимъ образомъ, дѣйствуютъ сходно, различаясь только по степени своего дѣйствія. Но именно отъ этой степени зависитъ весьма разнообразный результатъ ихъ дѣятельности.

Акустическое изученіе нашей голосовой системы указываетъ на двойственную дѣятельность полости рта. Она можетъ служить: 1) или самостоятельнымъ источникомъ звука или 2) резонаторомъ для звука производимаго колебаніями голосовыхъ струнъ. Сиверсъ правильно различаетъ эти двѣ совершенно разнородныя функціи, и называетъ первую: *звукораждающей* артикуляціей (schallerzeugende Articulation) а вторую *звукоизмѣняющею* артикуляціей (schallmodificirende Articulation) *). И Уитне чувствуетъ, что есть извѣстная граница, переступая которую мы входимъ словно въ новую область; но онъ не отдаетъ должной справедливости значенію этой границы. Онъ говоритъ, что по своей важности граница эта не стоитъ выше той линіи которая отдѣляетъ напр. фрикативныя отъ мгновенныхъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ эти послѣднія категоріи ничѣмъ инымъ не отличаются одна отъ другой какъ только степенью сближенія стѣнокъ органовъ въ полости рта, причемъ для первыхъ это сближеніе неполное, воздухъ проходитъ непрерывно и звукъ отъ его тренія получается длительный; для вторыхъ же необходимо полное

*) Lautphys. стр. 22.

сближеніе, и звукъ можетъ получиться только тогда, когда мы насильственно разорвемъ препятствіе посредствомъ колонны сгущеннаго воздуха. Вотъ и все: другихъ различій между такими звуками какъ напр. *b* и *v* нѣтъ и быть не можетъ.

Совершенно иное различіе въ случаѣ гласныхъ. Здѣсь не одна степень сближенія играетъ рѣшающую роль, а та *функція* полости рта, которая этой степенью опредѣляется. Когда мы, отходя отъ звука звучныхъ фрикативныхъ, раздвинемъ стѣнки нашихъ органовъ настолько, чтобъ дать болѣе просторный проходъ воздуху, тогда фрикативный звукъ прекратится вовсе: на мѣсто его мы услышали сначала довольно нейтральный (т.-е. ни на какую гласную не похожій) голосъ, который однако при болѣе благопріятномъ расположеніи органовъ можетъ немедленно получить ту или другую гласную *окраску*. Это значитъ, что при болѣе значительномъ разверзаніи органовъ полости рта они не въ состояніи уже сами по себѣ издавать звукъ; но за то они становятся способными исполнять совершенно иную обязанность, а именно: они начинаютъ играть роль *резонатора* и усиливая одни, ослабляя другіе изъ обертоновъ звучащаго голоса, тѣмъ или инымъ своимъ положеніемъ даютъ ему колорить той или другой гласной алфавита. Поэтому, переходя отъ *b* къ *v*, и отъ *v* къ *u*, хотя мы *физіологически* совершаемъ въ сущности одинъ и тотъ же процессъ, *физически* однако мы переступаемъ черезъ очень важную и рѣзкую границу: изъ области самостоятельнаго звучанія мы переходимъ въ область резонаціи.

Физическое различіе гласныхъ и согласныхъ.

Не имѣя намѣренія подробно распространяться объ этомъ интересномъ вопросѣ, мы отсылаемъ читателя къ спеціальнымъ сочиненіямъ по акустикѣ и физіологіи звука *). Въ нихъ

*) Самыя авторитетныя мнѣнія конечно у *Гельмгольца*: Die Lehre von den Tonempfindungen als physiologische Grundlage für die Theorie

онъ увидитъ, что дѣйствіе полости рта при произношеніи гласныхъ уподобляется дѣйствію очень сложно и остроумно устроеннаго резонаторнаго аппарата, замѣнить который мы отчасти можемъ различными механическими приспособленіями. Но какъ бы то ни было, искуственное воспроизведеніе гласныхъ еще не достигло той степени совершенства на которой можно было бы желать его видѣть. Это указываетъ конечно на все еще недостаточно полное пониманіе тѣхъ физическихъ процессовъ которые происходятъ въ нашемъ рту во время говоренія.

Для насъ важно теперь какъ можно тверже остановить вниманіе на томъ повидимому достаточно доказанномъ нами фактѣ, что гласныя и согласныя—два совершенно равличныхъ порядка звуковъ. Если вторыя можно сравнить съ *шумомъ*, то первымъ безспорно принадлежитъ опредѣленіе какъ *музыкальныхъ звуковъ*. Эта антитеза между обѣими категоріями была уже высказана однажды Максомъ Мюллеромъ *).

«Всѣ согласныя, говоритъ знаменитый профессоръ, падаютъ въ категорію шумовъ (noises). И между ними есть такіе, избѣжать которыхъ трудно было бы даже въ языкѣ состоящемъ изъ однихъ гласныхъ. Если мы прислушаемся къ каждому музыкальному инструменту, то мы можемъ легко замѣтить, что его звуку всегда предшествуетъ извѣстный шумъ, происходящій отъ первыхъ импульсовъ данныхъ воздуху прежде чѣмъ онъ начинаетъ доставлять намъ настоящее музыкальное ощущеніе. Мы слышимъ скрипѣніе скрипки, гудѣніе сирены, ударъ фортепіано, свистъ флейты, то же самое и

---

der Musik 4-ое изданіе Брауншвейгъ 1877, стр. 168—193. *Брюкке*: Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprachlaute 1-ое изданіе Вѣна 1856, стр. 13—29. *Меркель*: Physiologie der menschlichen Sprache (physiologische Laletik). Лейпцигъ 1866, стр. 45—123; подробное, но не вездѣ свободное отъ ошибокъ изложеніе, интереснѣе другихъ стр. 51—53, и навоноцъ *Сиверсъ*: Grundzüge der Lautphysiologie Лейпцигъ 1876, стр. 34—50.

*) Lectures II, стр. 138, 6-го изданія.

въ случаѣ говоренія. Когда мы высылаемъ воздухъ съ намѣреніемъ дать ему гласный колоритъ (intending it to be vocalized) то мы слышимъ актъ его выхожденія, первоначальный импульсъ производимый внутреннимъ воздухомъ въ тотъ моментъ когда онъ достигаетъ внѣшняго».

Хотя мы и не вполнѣ согласны съ подобнымъ толкованіемъ этихъ «шумовъ», происхожденіе которыхъ далеко не исчерпывается условіями указываемыми Максомъ Мюллеромъ *) однако не можемъ отвергать правильности антитезы обѣихъ категорій, хотя бы и черезъ чуръ образно выраженной.

Приложеніе антитезы гласныхъ и согласныхъ къ языковѣдѣнію.

Самый важный результатъ вытекающій изъ указанной нами физической антитезы гласныхъ и согласныхъ заключается въ слѣдующемъ:

Двойственность физическихъ функцій нашихъ голосовыхъ органовъ (т.-е. ихъ дѣйствія какъ звукораждающихъ и звукоизмѣняющихъ факторовъ) возможна въ своей полной отдѣльности лишь въ случаяхъ очень рѣдкихъ. Въ большинствѣ же звуковъ обѣ эти функціи слиты неразрывно, т.-е. наши голосовые органы, исполняя, напр. роль звукораждающихъ элементовъ, *вмѣстѣ съ тѣмъ* служатъ и къ модификаціи голоса или воздушнаго взрыва.

Если мы попробуемъ продолжительно тянуть напр. звукъ *зъ*... и затѣмъ зразу настолько расширимъ щель между зубами и языкомъ, чтобы, уничтоживъ согласный фрикативный звукъ. оставить одинъ голосъ, то голосъ этотъ окажется окрашеннымъ тембромъ гласной *у* или *о*. Это конечно не бу-

---

*) Почтенный профессоръ упускаетъ изъ виду, что шумъ сопровождаетъ собою музыкальный звукъ, тогда какъ согласныя могутъ звучать совершенно самостоятельно, и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжительно, такъ что и въ этомъ отношеніи назвать ихъ только „шумомъ“ не особенно удобно.

детъ чистая гласная, но будетъ звукъ, очень близко къ ней стоящій, во всякомъ случаѣ никакъ не «нейтральный» голосъ *). Иное явленіе будетъ въ томъ случаѣ, если мы за исходный звукъ нашего опыта примемъ не *зъ*..., а *зъ*..., тогда, оставшійся за редукціей фрикативнаго звука голосъ получитъ окраску *і* или *е* **). Мы можемъ тоже получать и нѣкоторую среднюю гласную, похожую на *а*. Но такъ какъ *а* требуетъ очень широкаго раскрытія губъ съ одной стороны и очень просторнаго резонатора внутри рта съ другой стороны, то *а*, вообще говоря, въ этихъ опытахъ является менѣе чисто чѣмъ остальныя, ближе къ предѣламъ вокализма лежащія гласныя.

Для людей, свѣдущихъ въ физіологіи звука, мы не скажемъ новость, если возьмемся доказывать, что каждая согласная далеко не всегда произносится абсолютно на одинъ и тотъ же манеръ Достаточно раскрыть Брюкке, Лепсіуса или Сиверса, чтобъ увидать, какъ много, напр., существуетъ различныхъ *t*, различныхъ *b* и т. д У каждой національности существуютъ свои особые типы той или другой согласной. Это и характеризуетъ т. н. національные выговоры. Но мы считаемъ долгомъ замѣтить, что толкованія этого явленія, встрѣчаемое нами въ сочиненіяхъ по этому вопросу, съ одной стороны невѣрны, съ другой недостаточны. Невѣрны потому, что большинство ученыхъ разсматриваетъ согласныя совершенно самостоятельно, отдѣльно, называя всѣ различные способы произношенія согласныхъ—отдѣльными видами согласныхъ. Недостаточны—потому что во всѣхъ этихъ толкованіяхъ не об-

---

*) Для удачности этого опыта, слѣдуетъ помнить, что въ образованіи гласныхъ участвуетъ не одинъ языкъ, но и губы, поэтому этихъ звуковъ (*о* или *у*) не получится, если мы, произнося *зъ*... не дадимъ надлежащей формы губамъ. Дабы не ошибиться, правильнѣ произносить напр. *узъ*... и затѣмъ поступить по вышесказанному. Въ случаѣ *изъ*... гласная будетъ менѣе опредѣленна.

**) Въ этомъ случаѣ положеніе губъ не имѣетъ значенія, такъ какъ въ образованіи гласныхъ *е*, *і*, губы почти не участвуютъ.

ращено вниманіе на слѣдующее важное обстоятельство. Различный колоритъ согласной можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ: или отъ своеобразнаго характера звукорождающей артикуляціи (сюда напр. слѣдуетъ отнесть латинское *f*, какимъ его, на вѣчное непониманіе потомства, описалъ Квинтиліанъ *), германское *p*, которое, въ отличіе отъ *p* французовъ и славянъ, произносится съ весьма замѣтнымъ придыханіемъ и т. д.) или же онъ можетъ зависѣть отъ того именно вліянія различныхъ видовъ резонаціи, на которое мы указали выше. Говоря *зъ*... или *зъ*... мы, въ сущности, очень слабо измѣняемъ звукорождающую артикуляцію; но за то радикально измѣняемъ гласный звукъ. Другими словами: оставляя коньчикъ языка почти въ томъ же положеніи, мы даемъ его средней и задней части или артикуляцію нужную для *o*, *y* (и тогда получается *зъ*) или артикуляцію нужную для *e*, *i*, (и тогда является *зъ*).

На антитезѣ гласной и согласной основано и то важное ихъ различіе, по которому (какъ мы указали въ таблицахъ) согласныя сравнительно твердо стоятъ втеченіе цѣлыхъ тысячелѣтій жизни языка, а гласныя поминутно измѣняются. Звукораждающая артикуляція всегда болѣе или менѣе ясно опредѣлена, тогда какъ для звукоизмѣняющей артикуляціи достаточно малѣйшаго отклоненія органовъ отъ ихъ первоначальнаго положенія чтобъ радикально измѣнить эффектъ разонаціи.

Невозможность разсматривать согласныя отдѣльно отъ сопровождающихъ ихъ гласныхъ.

Воспитанные на почвѣ звукодѣлящихъ алфавитовъ мы привыкли смотрѣть на каждый слогъ какъ на совокупность двухъ отдѣльныхъ звуковъ: согласнаго и гласнаго. Пиша или читая напр., слогъ *па* мы воображаемъ себѣ, что произносимъ

*) „Nam et ea quae est sexta nostrarum non humana jam voce, vel omnino non voce, inter discrimina dentium efflanda ets“.

два звука, сначала *п*, а потомъ *а*. Такое пониманіе весьма далеко отъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, слогъ *па* не есть *пъ*+*а*, а есть лишь одинъ звукъ, или вѣрнѣе выразиться, *одинъ актъ*, въ которомъ нельзя указать черты, гдѣ кончается первый его элементъ и гдѣ начинается второй. Прежде чѣмъ мы произнесемъ *п*, *а* у насъ уже виртуально приготовлено, и происходящій взрывъ несетъ съ собою уже ясно опредѣленный тембръ *а*. То обстоятельство, что *п* есть согласная беззвучная, что слѣдовательно необходимо долженъ существовать моментъ, когда нѣтъ еще никакого гласнаго звука—не служитъ противорѣчіемъ нашимъ словамъ, такъ какъ и безгласный звукъ вырывающагося воздуха способенъ окрашиваться тембромъ той или другой гласной, смотря по тому къ какой артикуляціи приготовились свободныя части языка. Безсознательная дѣятельность нашей нервной системы столь совершенна, что мы никогда не ошибемся въ этомъ моментальномъ приготовленіи.

Тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые усомнились бы въ сдѣланномъ нами замѣчаніи, мы предлагаемъ провѣрить вышесказанное на слѣдующемъ опытѣ. Пусть они приготовятся сказать *па*, и затѣмъ, не разжимая губъ, пусть перемѣнятъ свою мысль, и задумаютъ сказать *пя*. Очень замѣтное движеніе языка внутри рта докажетъ имъ, что положеніе нашихъ органовъ далеко не одинаково въ обоихъ этихъ случаяхъ: прежде чѣмъ мы произнесемъ что-нибудь, безсознательная дѣятельность интеллекта дѣлаетъ въ нихъ всѣ тѣ необходимыя приготовленія, которыя нужны для осуществленія задуманнаго нами намѣренія. Еще нагляднѣе этотъ опытъ удается съ зубными и гортанными. Попросите кого-нибудь произнесть *ку*, и затѣмъ произнесть *ки*. Наблюдая за положеніемъ его губъ, вы замѣтите, что задолго до самаго произношенія, единственно отъ чистой *мысли* о предстоящемъ выговорѣ обоихъ слоговъ, губы говорящаго въ первомъ случаѣ съузятся, какъ то требуется для *у*, а во второмъ растянутся, какъ то нужно для *і*.

Изъ этихъ, весьма простыхъ соображеній, выходитъ, что

мы никогда не произносимъ двухбуквенныхъ слоговъ въ два пріема, а всегда въ одинъ, причемъ артикуляція гласной невольно простираетъ свое вліяніе и на артикуляцію согласной. Всегда ли замѣтно на слухъ это вліяніе вокала на тембръ согласной, зависитъ отъ обстоятельствъ. Одинъ тотъ фактъ, что въ цѣломъ рядѣ языковъ (романскихъ и славянскихъ) согласныя *смягчаются* подъ вліяніемъ слѣдующихъ за ними гласныхъ мягкихъ (или высокихъ, какъ мы будемъ называть ихъ), достаточно доказываетъ уже, что согласныя въ *ку, ту, пу*, не *тъ же самыя* какъ въ *ки, ти, пи.*

Такимъ образомъ оказывается, что всѣ звукодѣлящіе алфавиты (изъ числа индо-европейскихъ этимъ свойствомъ обладаютъ всѣ, кромѣ индійскаго) страдаютъ очень важнымъ недостаткомъ, именно, они раздѣляютъ то, что въ сущности неразрывно связано. Отсюда проистекаетъ и неправильное пониманіе научной стороны вопроса. Мы не можемъ говорить о *к*, о *т* и под. въ отдѣльности; мы можемъ говорить лишь о *т* въ *ту, то, те, ти* и т. д. а не о *т* вообще, какъ объ изолированномъ, нейтральномъ звукѣ *)

За то Индусы, этотъ народъ грамматиковъ по преимуществу, создали не изолирующій, а силлабическій алфавитъ. Послѣдній, хотя бы и менѣе удобный съ точки зрѣнія практичности, въ теоретическомъ отношеніи однако стоитъ значительно выше всѣхъ остальныхъ, и мы считаемъ себя вправѣ признавать его за самобытный продуктъ этого удивительнаго по тонкости фонетическаго чутья народа, сколько бы Альбрехтъ Веберъ *) и другіе сторонники его теоріи не доказывали намъ его родства съ эпигонами Финикійской письменности.

---

*) Ср. Куршата Лит. грамм. § 74 (стр. 24): „за исключеніемъ *j*, каждый консонантъ литовскаго языка можетъ произноситься двояко: твердо и мягко.“ Особенно замѣтно это на гортанныхъ. Но, замѣчательнымъ образомъ, именно гортанныя въ древне бактрійскомъ языкѣ не способны смягчаться, такъ какъ не даютъ эпентезы (Comp. [4] стр. 45).

*) См. статью о деванагарійскомъ алфавитѣ въ его Indische Skizzen.

Древнебактрійская эпентеза какъ иллюстрація предыдущаго.

Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, какъ всецѣло можетъ проникаться согласная тембромъ сопровождающаго ее вокала, который можетъ даже проникать ее насквозь и совершенно неожиданно появляться наружу съ другаго конца, служитъ безъ сомнѣнія языкъ древне-бактрійскій. Правда, явленіе эпентезы раздѣляется и многими другими языками (особенно романскими и кельтскими), но нигдѣ оно не достигло такого ранняго и полнаго развитія какъ въ восточной вѣтви эранскаго говора.

Гюбшманъ *) утверждаетъ, что *a* + эпентетическое *i* или *u* не было настоящимъ дифтонгомъ, но въ выговорѣ своемъ приближалось къ простому *a*, такъ что слова: *ga-i-ri, po-u-ru* слѣдуетъ читать не какъ *gairi, pouru,* а скорѣе какъ *gari, poru.* Въ чемъ состоитъ проводимая имъ граница между истинными и неистинными дифтонгами, намъ рѣшительно непонятно. Выговоръ древнихъ бактрійцевъ для насъ потерянъ навсегда, и опредѣлить, насколько сильно звучали при *a* эти эпентетическія *i* и *u* мы теперь положительно не въ силахъ. Что выговоръ вышеприведенныхъ словъ не могъ равняться *gari, poru* доказывается тѣмъ, что древній писецъ не далъ бы себѣ труда писать *ai, au,* еслибъ онъ слышалъ здѣсь одно *a*; съ другой стороны мы рѣшительно отказываемся провесть черту между степенью звучанія опредѣляющею дифтонгъ и степенью звучанія опредѣляющею монофтонгъ. По нашему мнѣнію въ этихъ случаяхъ *графика* является единственнымъ надежнымъ критеріумомъ.

Обычное объясненіе эпентезы состоитъ въ томъ, что гласная (*i* или *u*) *перебрасывается* черезъ согласную и попадаетъ въ предыдущій слогъ. Всю нелѣпость подобнаго толкованія мы не считаемъ нужнымъ разоблачать. Оно вполнѣ достойно столь знакомой намъ съ дѣтства теоріи о «замѣни-

*) Ztschr. XXIV, 337.

гельномъ растяженіи» и другихъ подобныхъ же обсурдовъ. Дѣло объясняется вполнѣ удовлетворительно изъ самаго простаго и элементарнаго наблюденія. Если мы попробуемъ медленно произнесть слово *pāti* (по санскритски «властитель» собственно *защитникъ*) но такъ, чтобы не сдѣлать паузы между концомъ *ā* и началомъ *t* и само *t* произнесть возможно мягко: тогда мы неминуемо замѣтимъ, что звукъ *ā*, въ началѣ своемъ вполнѣ опредѣленно звучащій, предъ самымъ *t* окрасится если не въ чистое *i*, то покрайней мѣрѣ въ звукъ очень близко къ нему стоящій. Выйдетъ древне-бактрійская форма pâiti (защита) которую мы и встрѣчаемъ въ Зендъ-Авестѣ.

Эпентеза *u* (или *v*, которое, появляясь въ предшествовавшемъ слогѣ, перераждается въ *u*) менѣе распространена чѣмъ эпентеза *i*. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что *u* переступаетъ лишь черезъ *r*, тогда какъ *i* можетъ переступать черезъ большинство согласныхъ (ср. Comp.‘ § 26).

Вотъ нѣкоторые примѣры:

Санскр.	Др.-бактр.
ati част. усиливающая	aiti
ápi союзъ «*и*»	aipi
áṅhīti близость	aiwiti
aruṇá дикій	auruna
āhuti жертвенный даръ	âzûiti
āsurá, ā́suri	āhûiri (и âhûrya)
kanyaka дѣвушка	kainika
girí гора (ср. гузварешское gar)	gairi
kati сколь многіе	caiti
ǧ̌āti семейство	jaiti
táruna нѣжный	tauruna молодой
nārī женщина	nâiri
yūti соединеніе	yûiti
vā́ti вѣяніе	vaiti
hari желтый	zairi

Чисто фонетическое значеніе эпентезы въ древне-бактрійскомъ языкѣ доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что гласная, однородная до тѣхъ поръ пока у корня стоитъ суффиксъ недающій повода къ эпентезѣ, тотчасъ начинаетъ смущаться, когда вмѣсто этого суффикса появляется другой (съ *i* или *u*).

Такъ, санскритскому *dāna* даръ соотвѣтствуетъ др. бактр. *dâna*; но санскр. *dāti* (id) соотвѣтствуетъ уже *dâiti*.

Примѣровъ не имѣющихъ параллельныхъ формъ намъ извѣстно всего три:

Санскр.	Др.-бактр.
gandhá запахъ	gaiñti вонь
bhûta демонъ	bûiti имя собств. одного daêva
stará ложе	çtairis id.

Но ихъ безъ сомнѣнія больше.

Этотъ фактъ, какъ бы ни былъ онъ извѣстенъ спеціалистамъ, очень знаменателенъ. Онъ намъ показываетъ, что тембръ гласной (*u* или *i*) всецѣло проникаетъ собою стоящую передъ нимъ согласную, и вызываетъ аналогическій колоритъ въ той гласной, которая ей въ свою очередь, предшествуетъ.

Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ намъ то крупное и важное, но, къ сожалѣнію, недостаточно изученное явленіе, что согласная и гласная, заразъ въ одинъ слогъ произносимыя, не могутъ быть насильственно раздѣлены, а напротивъ, составляютъ одно общее, органическое цѣлое. Мы говоримъ *слогами*, а не *буквами*, и потому гораздо правильнѣе было бы изучать исторію слоговъ, вмѣсто того чтобы мучиться надъ исторіей вымышленныхъ нами буквенныхъ знаковъ.

Что такое слогъ?

Важнымъ является для насъ точное опредѣленіе *слога*. Какъ къ исходному пункту всѣхъ подобныхъ разсужденій, мы обра-

щаемся къ физіологіи Сиверса, и посмотримъ, вѣрно ли его опредѣленіе слога. Изъ числа многихъ такихъ опредѣленій онъ рѣшительно высказывается *) въ пользу того которое говоритъ, что подъ названіемъ «слогъ» слѣдуетъ понимать «звуковую массу, произносимую самостоятельнымъ, цѣльнымъ (einheitlichen), и непрерывнымъ подъемомъ дыханія (Exspirationshub)».

Это опредѣленіе много выигрываетъ отъ того, что всякій образованный человѣкъ въ сущности, хорошо знаетъ, что слѣдуетъ называть слогомъ. Если же строго отнестись къ нему, то весьма скоро обнаруживается его недостаточность. Примѣръ лучше всего выяснитъ намъ дѣло. Произнесемъ «роза», и, руководствуясь вышеупомянутымъ опредѣленіемъ, посмотримъ, что мы сдѣлали. Мы произнесли: 1) массу звуковъ, и притомъ: 2) отдѣльнымъ 3) цѣльнымъ, и 4) непрерывнымъ потокомъ дыханія. Ни дѣйствіе легкихъ, ни звучаніе голосовыхъ струнъ ни на секунду не прерывались. Говоря «роза» мы, слѣдовательно произносимъ одинъ слогъ?..

Обращаясь далѣе къ отдѣльнымъ выраженіямъ этого опредѣленія, мы невольно спрашиваемъ себя: что значитъ *самостоятельный* подъемъ дыханія? Какой подъемъ дыханія можетъ быть несамостоятельнымъ? И еще: что значитъ цѣльный (собственно «внутренно единый») подъемъ дыханія? Можемъ ли мы себѣ представить дыханіе «не цѣльное»?

Очевидно, всѣ эти эпитеты, столь странно звучащіе въ нашемъ случаѣ, получаютъ цѣну лишь когда мы задаемся задачей опредѣлить совершенно изолированный, отдѣльный слогъ. Какое нибудь *сва-,для, ты, онъ*, и т. д. дѣйствительно представляютъ самостоятельнымъ, цѣльнымъ, непрерывнымъ потокомъ дыханія произносимую звуковую массу. Но вѣдь *слоги* мы различаемъ и въ словахъ, гдѣ дыханіе одного слога сливается съ дыханіемъ другаго, гдѣ «самостоятельность» каждаго изъ нихъ теряется вслѣдствіе соприкосновенія его съ совершенно подобными ему окружающими его слогами. Эти

*) Grundzüge der Lautphysiologie стр. 111.

«самостоятельность», «цѣльность» и т. д. можно было бы сохранить, еслибъ мы произносили слова съ перерывами, еслибъ напр. слово «розовый» мы говорили такъ:

ро || зо || вый,

гдѣ || обозначаетъ полное прекращеніе голоса и слѣдовательно дыханія. Но вѣдь такого произношенія нѣтъ въ дѣйствительности.

Указавъ такимъ образомъ на недостаточность рекомендуемаго Сиверсомъ опредѣленія слога, мы коснемся теперь и той стороны этого послѣдняго, въ которомъ выказывается и его невѣрность.

Выше мы касаемся того важнаго, но къ сожалѣнію, пренебреженнаго факта, что мгновенная, слѣдуя *за* гласной, не можетъ дать сама себѣ ощутимаго уху слога, что дабы услышать мгновенную, намъ нужно произвесть *взрывъ*, т. е., выпустить изъ груди новый потокъ воздуха, и слѣдовательно нарушить два условія слогообразоваемости, именно цѣльность и непрерывность воздушнаго потока. Тѣмъ менѣе возможно признавать за одинъ слогъ такія соединенія какъ *акт*, *апт*. *анс*, и под. Сиверсъ самъ замѣчаетъ неправильность, и говоритъ: *) «если мы тѣмъ не менѣе признаемъ такія соединенія за простые (einfache) слоги, то мы только игнорируемъ существованіе образующихся здѣсь маленькихъ *прислоговъ* (kleine Nebensilben) вслѣдствіе слабаго звучанія появляющихся здѣсь безвучныхъ нѣмыхъ, въ сравненіи съ которыми главный слогъ, со своимъ громкимъ сонантомъ, окончательно доминируетъ».

Вопервыхъ это не совсѣмъ точно, такъ какъ не однѣ нѣмыя безвучныя могутъ нарушить цѣльность воздушнаго потока, а и нѣмыя звучныя. Говоря напр. *абт-*, мы посредствомъ звучнаго *б* прерываемъ потокъ воздуха не хуже чѣмъ какъ еслибы на этомъ мѣстѣ стояло *п*. А во вторыхъ: что значатъ эти *маленькіе прислоги*? Дѣлая опредѣленіе каче-

*) ib. стр. 112, 113.

ственное, какое право имѣемъ мы вносить въ него соображенія количественныя? Какъ бы ни былъ малъ слогъ, и какія бы мы ни придумывали термины для показанія его второстепенности, но если онъ только *слогъ*, то, въ нашихъ глазахъ, онъ имѣетъ такое же право носить это имя какъ и слогъ большой.

Поэтому, приведенное выше опредѣленіе слога, какъ 1) недостаточное и 2) невѣрное, не можетъ быть признано за научное. Научное опредѣленіе должно тѣмъ отличаться отъ популярнаго, что въ немъ принимаются въ разсчетъ всѣ признаки или качества, конституирующія сущность предмета. Коль скоро не выполнено это важное условіе,все опредѣленіе не имѣетъ болѣе никакой цѣны.

Такимъ образомъ оказывается, что условію самостоятельнаго, цѣльнаго и непрерывнаго потока воздуха при произношеніи отвѣчаетъ лишь одна, весьма узкая форма слоговъ именно слоги типа ТА, т.-е. тѣ, которые состоятъ изъ согласной на первомъ мѣстѣ и гласной на второмъ, причемъ подъ терминомъ *гласная* мы можемъ разумѣть и то, что называется взрывомъ. А тогда невольно напрашивается слѣдующее опредѣленіе слога:

Слогъ есть отдѣльный актъ непрерывно и въ одинаковомъ направленіи движущейся голосовой мускулатуры, продуктъ коего—ощутимый слухомъ звукъ.

Послѣдняя фраза не есть излишняя прибавка. Сочетаніе *ап* (не *апъ*) есть тоже отдѣльный, непрерывный и одинаково направленный актъ нашей мышечной системы, но посторонее ухо не отличаетъ его отъ простаго *а*, и потому такое сочетаніе не можетъ быть названо слогомъ.

Но и отдѣльно произносимыя гласныя могутъ быть легко подведены подъ понятіе слога. Въ самомъ дѣлѣ. Физіологамъ звука хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что принимаясь произнесть какую нибудь гласную, мы далеко не сразу даемъ ей ея настоящее звучаніе. Этому звучанію ея всегда предшествуетъ нѣкоторый посторонній звукъ, который былъ отмѣченъ Греками знакомъ легкаго дыханія (’). Звукъ этотъ происходитъ отъ разверзающихся голосовыхъ струнъ, которыя

мы всегда передъ произнесеніемъ гласной сдвигаемъ, дабы усилить давленіе воздуха по ту сторону голосовыхъ струнъ *).

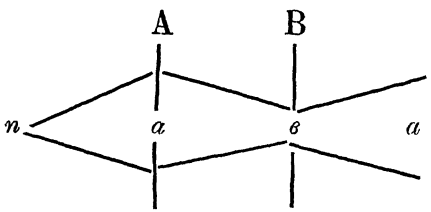
Такимъ образомъ оказывается что каждой гласной предшествуетъ какъ бы своего рода взрывная согласная, которую правильнѣе всего назвать *беззучной-мгновенной-горловой*. Изъ этого слѣдуетъ, что даже и въ случаѣ отдѣльной гласной (если только мы не будетъ искуственно освобождать ее отъ вышеописаннаго согласнаго призвука) мы имѣемъ не изолированный звукъ, а совершенно правильно составленный слогъ.

Въ случаѣ когда, при соединеніи двухъ слоговъ, второй начинается съ длительной согласной, происходитъ усложненіе, которое слѣдуетъ оговорить. Мы сказали, что слогъ есть актъ «однообразно-направленный». Это очень важное условіе. Когда мы говоримъ *ба*, то наши губы, отъ полнаго соприкосновенія постепенно раздвигаются (хотя это и совершается очень быстро) пока не придутъ въ состояніе наибольшей разверзнутости, требуемой для *а*. Все движеніе совершается здѣсь въ одномъ неизмѣнномъ направленіи. Но слѣдующій за тѣмъ слогъ, какъ непремѣнно начинающійся съ согласной (а согласная есть всегда извѣстная узкость въ томъ или другомъ мѣстѣ полости рта) непремѣнно потребуемъ новаго сближенія или губъ или иныхъ частей полости рта. Согласная мгновенная требующая полнаго замыканія, и слѣдоват. прекращенія всякаго звучанія, опредѣлитъ своимъ наступленіемъ конецъ слога; но не то будетъ если эта согласная окажется длительною. Она только *сблизитъ* губы или языкъ съ какой нибудь точкой полости рта, и не прерветъ звука, даже въ томъ случаѣ, если она будетъ беззвучной, т.-е. если голосъ и не будетъ участвовать въ явленіи. Что же произойдетъ тогда съ гласной перваго слога?—Она постепенно измѣнитъ свой тембръ, и будетъ измѣнять его до тѣхъ поръ пока узкость не станетъ настолько значительною, что вмѣсто нея послы-

*) Подробное объясненіе у Сиверса Lautphysiologie стр. 77, 78 и у Меркеля Laletik стр. 73, 74.

шится согласная. Но при этомъ намъ будетъ трудно опредѣлить, гдѣ кончится первый слогъ, и гдѣ начнется второй.

Для ясности изобразимъ на условномъ чертежѣ узкости и широты, соотвѣтствующія сближенію и расхожденію губъ при произнесеніи, напр. слова *пава*:



Должны ли мы, держась опредѣленія слога какъ однообразно-направленнаго акта, раздѣлить весь рядъ звуковъ на три части, по линіямъ А и В, и такимъ оаразомъ получить *три слога:*

па—ав—ва,

или же пожертвовать условіемъ единообразнаго направленія, и удержать одно раздѣленіе по линіи В? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы будемъ имѣть только два слога, и здравый смыслъ, не говоря о практической привычкѣ, заставить насъ предпочесть это раздѣленіе.

Но тогда звукосочетаніе *па* (на чертежѣ все пространство отъ *п* до линіи В) перестанетъ уже быть слогомъ простымъ, т.-е. такимъ, какимъ оно является намъ при изолированномъ произношеніи, а станетъ какъ бы *сложнымъ* слогомъ, т.-е. вмѣсто простой, чистой гласной *а*, окажется по меньшей мѣрѣ двѣ гласныхъ: *а* расширяющееся, (отъ *п* до А) и *а* съуживающееся (отъ А до В), вѣрнѣе же сказать, цѣлый рядъ гласныхъ, непрерывно измѣняющагося тембра. Такое состояніе гласнаго звука мы ниже будемъ называть *политономъ*.

Двѣ полярности вокализма.

Модифицирующіе органы нашего голосоваго аппарата устроены такъ что ихъ произношенію одинаково доступны всѣ тембры гласныхъ, въ ихъ непрерывной цѣпи. Мы можемъ начать съ самой глухой гласной *и*, и затѣмъ, слегка перемѣняя артикуляцію языка и губъ, почти неуловимо переходить къ *о*, *а*, *е*, и *і*. Нашъ голосъ можетъ совершенно *непрерывно* течь, и если наше ухо будетъ при этомъ различать нѣкоторые пункты соотвѣтствующіе выше указаннымъ пяти главнымъ стадіямъ вокализма, то это будетъ лишь результатомъ привычки: въ дѣйствительности же никакого дѣленія здѣсь нѣтъ, и невозможно указать рѣзкой границы, гдѣ оканчивается одна изъ этихъ гласныхъ и гдѣ начинается другая *). Но такъ какъ невозможно каждый изъ этихъ неуловимыхъ нюансовъ выражать особеннымъ знакомъ, то необходимо приходится ¦ азсѣчь непрерывную скалу вокализма на нѣсколько отдѣльныхъ, равно-отстоящихъ одна отъ другой, частей. Послѣднимъ не сказано однако, чтобы мы считали себя вправѣ признавать *только* эти, искуственно выбранные нами пункты; свободная рѣчь, не имѣющая никакого дѣла до теоретическихъ разчлененій, продолжаетъ конечно употреблять всѣ возможные оттѣнки гласныхъ; но мы, для удобства, признаемъ нѣкоторые избранные нами пункты за главныя *категоріи* или *типы*, и къ нимъ, на правахъ разновидностей, приурочиваемъ всѣ остальные переходы.

Получаемая этимъ путемъ вокальная скала или рядъ: *и*, *о*, *а*, *е*, *і* отличается слѣдующими физіологическими особенностями:

1) Въ первыхъ двухъ элементахъ (*и*, *о*) участіе губъ очень замѣтно, тогда какъ языкъ играетъ второстепенную роль;

*) Ср. Сиверса Lautphysiol. стр. 42: „такимъ образомъ между *и* и *і* лежитъ длинный совершенно непрерывный рядъ равномѣрно измѣняющихся (gleichmässig abgestuften) и одинъ въ другой переходящихъ гласныхъ нюансовъ".

2) Въ послѣднихъ двухъ элементахъ (*e*, *i*) наоборотъ, отъ положенія языка зависитъ все, тогда какъ роль, играемая губами—незначительна;

3) Средній элементъ *a* занимаетъ въ этихъ свойствахъ средину.

Для удобства, мы предлагаемъ называть первую группу гласныхъ—*низшими*; вторую—*высшими*. При такомъ дѣленіи окажется, что *языкъ* будетъ главнымъ дѣйствующимъ факторомъ высшихъ, а *губы*—факторомъ низшихъ гласныхъ *).

Весь этотъ рядъ гласныхъ мы будемъ называть одиночнымъ, или *чистымъ*. Изъ соединенія его параллельныхъ элементовъ получается второй рядъ гласныхъ, которому мы даемъ названіе *смѣшаннаго*.

Въ самомъ дѣлѣ. Если, произнося *u*, языку дотолѣ свободному дать артикуляцію для *i*, то получимъ смѣшанную гласную *ü* (греч. υ, французское *u*); далѣе, если произнося *e*, мы дадимъ языку артикуляцію для *o*, тогда получимъ вторую смѣшанную гласную, *ö* (франц. *e* въ *le*, нѣмецкое *ö* въ schön и т. д.). Наоборотъ, если, произнося *u*, мы дадимъ губамъ пассивную артикуляцію, какая требуется для *i*, то получимъ сложную гласную *ы* (лишь въ однихъ славянскихъ языкахъ встрѣчающуюся) и далѣе, поступая такимъ же образомъ

---

*) Насъ могутъ обвинить, что безъ достаточнаго на первый взглядъ основанія мы вводимъ новые и можетъ быть не безупречно мѣткіе термины. Конечно, дѣленіе гласныхъ на двѣ главныя группы—вещь не новая. Но тѣ названія, которыя этимъ группамъ присвоилъ обычай—крайне неудачны. Въ самомъ дѣлѣ: ихъ называютъ: „глухими“ и „звучными“. Это дѣленіе особенно замѣтно и необходимо въ кельтскихъ языкахъ, и напр. у Эбрарда (Handbuch der Mittel-gälischen Sprache, стр. 21, 23 (§ 29) мы читаемъ: „dumpfe vocale sind: *a*, *o*, *u*; helle vocale sind: *e*, *i*“. Неужели не возмущается здравый смыслъ, когда *a*, эту самую чистую и яркую изо всѣхъ гласныхъ, называютъ „глухою“? А мы, въ нашей терминологіи, имѣемъ по крайней мѣрѣ на своей сторонѣ физику, которая учитъ, что основные тоны гласныхъ понижаются въ направленіи къ *u* и повышаются въ направленіи къ *i* (см. Гельмгольца, Die Lehre von den Tonempfindungen, стр. 177, изд. 4-го прим.).

для *o* (причемъ губамъ даемъ артикуляцію *e*) мы получимъ нѣкую сложную гласную которую представляетъ лишь одинъ эстонскій языкъ *).

Распространяя нашу терминологію и на рядъ смѣшанныхъ гласныхъ, мы должны будемъ назвать первыя двѣ—высшими, а вторыя двѣ низшими. Причина этого дѣленія сейчасъ станетъ ясна читателю.

Главное свойство которое ярче всего характеризуетъ высшія и низшія гласныя, состоитъ въ ихъ способности или неспособности смягчать соединяющуюся съ ними согласную. Правда, этотъ признакъ мы не можемъ назвать исконнымъ и существеннымъ, такъ какъ есть цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ онъ не имѣетъ никакого приложенія. Такъ напр., высокія гласныя, *e, i,* во всѣхъ флексіяхъ и исходахъ основъ смягчаютъ гласную въ языкахъ: романскихъ, церковно-славянскомъ, польскомъ и друг. но тѣ же гласныя не оказываютъ органически смягчающаго дѣйствія на согласную въ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, германскихъ, русскомъ и многихъ др. Наоборотъ, нѣкоторыя изъ низшихъ гласныхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и *a* **) смягчаютъ согласную въ однихъ языкахъ, оставляя ее въ твердомъ видѣ въ другихъ. Такъ, напр. лат. *que* и греч. τε показываютъ твердую согласную; въ санскритскомъ же *ĕa* мы находимъ уже не твердый консонантъ, а небный.

Но дѣло въ томъ, что это обстоятельство ничуть не мѣшаетъ законности нашего дѣленія. Въ указанныхъ нами отступленіяхъ замѣчается лишь фактъ органическаго перехода

---

*) См. Wiedemann, Ehstnische Gramm. С.-Петербургъ 1875 стр. 85 сл.

**) *a* есть несомнѣнно гласная низкая. Читатель можетъ быть ожидалъ, что дѣлая наши раздѣленія, мы отведемъ *a* привилигированное мѣсто въ срединѣ обѣихъ крайностей; однако, въ силу громаднаго числа примѣровъ, въ которыхъ *a* фунгируетъ по отношенію къ согласной совершенно также какъ *u* и *o*, приходится отнесть его къ категоріи этихъ послѣднихъ. Точно также поступаетъ и Сиверсъ. Хотя онъ не дѣлитъ гласныхъ на томъ же основаніи какъ мы, но за то, въ своей графической схемѣ вокализма, онъ помѣщаетъ *a* ближе къ *o* и *u* чѣмъ къ прочимъ членамъ вокальной скалы (Lautphysiologie, стр. 44).

изъ класса гортанныхъ или зубныхъ въ классъ небныхъ и шипящихъ; но смягченіе можетъ все-таки имѣть мѣсто вовсе не производя такого глубокаго смущенія консонантизма. Мы говорили уже выше, что *т* въ *то* не то *т*, которое мы слышимъ въ *те* или *ти*, и этого рода смягченіе одинаково раздѣляется и должно раздѣляться всѣми языками безъ исключенія *).

Такимъ образомъ во всей скалѣ вокализма мы отличаемъ двѣ полярности: верхнюю и нижнюю; какъ мы скоро увидимъ, онѣ, въ своей естественной функціи, противуположны другъ другу, и потому, по аналогіи съ явленіями математическими и физическими, ихъ было бы удобно назвать положительной и отрицательной. Но мы предпочитаемъ оставаться при нашей болѣе скромной терминологіи, чѣмъ впадать въ слишкомъ рельефныя заимствованія.

Т. н. мульированные и лабіализированные звуки германскихъ лингвистовъ.

Въ каждомъ курсѣ физіологіи звука можно встрѣтить отдѣлъ, посвященный т. н. мульированнымъ или мягкимъ согласнымъ. Брюкке относитъ къ нимъ итальянскія *gl*, *gn* (испанскія *ll*, *ń*, португальскія *lh*, *nh*) **) Сиверсъ справедливо замѣчаетъ ***) что эти примѣры выбраны неудачно, такъ какъ, по собственнымъ словамъ Брюкке, эти знаки представляютъ лишь *соединеніе* смягченныхъ согласныхъ *l*, *n*, съ ясно замѣтной полугласной *j*. Истинная область мульированныхъ звуковъ—языки славянскіе †).

---

*) Въ русскомъ: *други г* такъ же смягчено какъ и въ церковно-слав. дроѵзн, но разница только та, что церковно-слав. языкъ тотчасъ переводитъ мягкое *г* изъ органа гортани въ область нёба, тогда какъ русскій языкъ не нуждается въ этомъ переводѣ.

**) Grundzüge стр. 70 слл.

***) Lautphysiologie, стр. 105.

†) Замѣчаніе Сиверса, что въ мягкихъ согласныхъ славянскихъ языковъ вовсе не присутствуетъ никакого *j*, вѣрно до очевидности. Однако

Но германскими же учеными подмѣчено и другое явленіе, противуположное смягченію. Это—*лабіализація*. Подобно тому какъ первое есть направленіе выговора согласной къ тембру *i*, такъ точно второе есть направленіе выговора къ *u*. Примѣровъ лабіализаціи въ индо-европейскихъ языкахъ вообще менѣе чѣмъ примѣровъ смягченія; и все-таки явленіе это достаточно распространено (особенно богатъ имъ языкъ датскій, а изъ древнихъ—латинскій).

Мы потому заговорили объ этихъ двухъ явленіяхъ, смягченіи и лабіализаціи, что находимъ въ нихъ вѣскій, хотя и косвенный аргументъ въ пользу высказаннаго нами взгляда о неизбѣжномъ проникновеніи тембра гласной во внутрь сопровождающаго ее консонанта. Но причина, почему германскіе звуко-физіологи не дали этому обстоятельству достойной цѣны, и если касаются его, то какъ Сиверсъ, дѣлаютъ это лишь мимоходомъ, намъ станетъ ясна, когда мы обратимъ вниманіе на ихъ собственный языкъ. Сиверсъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей Физіологіи звука *), что нѣмецкій языкъ знаетъ согласныя главнымъ образомъ лишь въ нейтральныхъ соединеніяхъ или по крайней мѣрѣ лишь въ соединеніяхъ съ гласными одинаковаго съ ними колорита. Это замѣчаніе вполнѣ вѣрно, хотя и въ нѣмецкомъ языкѣ есть такія слова

Шереръ (Zur Geschichte der Deutschen Sprache**) съ непонятной самоувѣренностью въ вещахъ очевидно имъ недостаточно изученныхъ, говоритъ на стр. 79—80: „рѣшительно нѣтъ никакого основанія утверждать про мульированные звуки какъ *rj*, *lj*, *nj* что они сливаются въ одинъ звукъ и „какъ бы даютъ почти *одинъ звукъ*“. Различіе заключается только въ большей или меньшей слышимости *j* или въ продолжительности обоихъ элементовъ“. Непріятно бываетъ встрѣчать подобные трубые промахи въ такомъ прекрасномъ сочиненіи какъ книга Шерера „Къ исторіи нѣмецкаго языка“.

*) l. c. стр. 105, прим.

**) См. Сиверса l. c. стр. 104 послѣдній абзацъ. Еще на стр. 107: „im ganzen verhält sich die Labialisierung der Mouillirung analog“.

какъ *ich*, въ коихъ согласная *ch* произносится гораздо мягче чѣмъ въ нашемъ *ихъ* *).

Съ другой стороны, хотя нѣмецкій выговоръ напр. слова Titsch, столъ, и подходитъ ближе къ нашему *тышъ* чѣмъ къ *тишъ*, однако въ словахъ dir, mir, и многихъ другихъ **) согласная произносится очень мягко; и тѣмъ не менѣе, однако громадное большинство случаевъ все-таки говоритъ за принятое Сиверсомъ опредѣленіе. Вотъ почему нѣмецкіе ученые, исходя изъ своего національнаго выговора, и удѣляютъ такъ мало вниманія важному факту зависимости тембра согласной отъ тембра сопутствующаго ей вокала.

Но вѣдь нѣмецкій языкъ не есть все. Существуетъ много другихъ языковъ и нарѣчій, знающихъ иные способы соединенія согласной съ гласною чѣмъ тотъ на который указалъ Сиверсъ какъ его родной рѣчи преимущественно свойственный. И мы, славяне, обладающіе въ нашей національной фонетикѣ наиболѣе развитою чуткостью согласныхъ къ сопровождающимъ ихъ вокаламъ, имѣемъ право желать иного возрѣнія науки на этотъ важный вопросъ.

Отъ правильной постановки этого вопроса зависитъ весьма многое. Какъ все въ существѣ своемъ естественное,— связь между гласной и согласной слитыхъ въ одинъ слогъ имѣетъ глубокое вліяніе не только на рядомъ съ ними стоящіе звуки (примѣръ такого вліянія мы видѣли въ эпентезѣ) но и на саму исторію звуковъ, на тѣ фонетическіе переходы и измѣненія которыя обусловливаютъ жизнь и ростъ языка.

Термина «Labialisierung» ни Брюкке ни Меркель ***) не зна-

---

*) Къ этому слову относится мѣткое раздѣленіе звука *ch* на ich-Laut и ach-Laut.

**) Въ *dir* и *mir* очевидно дѣйствовала аналогія отъ *dich* и *mich*. Въ прочихъ случаяхъ сочетаніе *d* съ *i* обыкновенно бываетъ твердое, или по нашей терминалогіи, низкое. Напр. выраженіе: dicke Milch (простокваша) правильнѣе всего транскрибировать такъ: дыккэ мильхъ.

***) Physiologie der menschlichen Sprache (Physiologische Laletik) стр. 267, 268.

ютъ вовсе, хотя второй и говоритъ о *spiritus labialis*. Тѣмъ менѣе успѣшно стали бы мы искать у нихъ органической параллели между обоими упомянутыми нами явленіями. Сиверсъ одинъ усмотрѣлъ указанную нами связь, хотя, какъ нѣмецъ, со своими «indifferente Consonanten-verbindungen» не отдалъ ей должнаго вниманія.

ГЛАВА III.

Полифтонги.

Переходъ къ слогамъ въ плавной рѣчи.

Антитеза согласной и гласной о коей мы говорили въ своемъ мѣстѣ, не есть положеніе отвлеченно-теоретическое, выведенное изъ тѣхъ или другихъ физическихъ законовъ, но есть *практическій фактъ*, непрерывно повторяющійся въ нашей ежедневной житейской рѣчи. Важный принципъ, на значеніе котораго мы никогда не можемъ слишкомъ настойчиво указать читателю, заключается въ томъ простомъ на первый вглядъ обстоятельствѣ, что органы нашего слова, полость рта, языкъ и губы, всегда исполняютъ двѣ различныя физическія функціи сразу: они 1) порождаютъ звукъ при помощи тренія воздуха о ихъ поверхность, и 2) модифицируютъ какъ голосъ такъ и самъ порождаемый ими звукъ, дѣйствуя въ качествѣ резонаторовъ той или другой высоты.

Мы можемъ освободить ихъ отъ первой изъ ихъ функцій произнося гласныя, ближе къ срединѣ вокальной скалы лежащія (хотя и то можетъ быть не вполнѣ; этотъ вопросъ еще не достаточно разъясненъ физиками); но освободить ихъ отъ второй ихъ функціи, оставивъ за ними первую, мы не въ силахъ (выше было указано нами на невозможность произнесенія чистыхъ согласныхъ, безъ участія гласнаго или же воздушно-взрывнаго элемента, а пока послѣдній участвуетъ, до тѣхъ поръ онъ всегда будетъ въ зависимости отъ резонаторнаго дѣйствія органовъ).

Итакъ, мы всегда говоримъ или гласныя или согласныя съ гласными вмѣстѣ. Другими словами, мельчайшими или недѣлимыми элементами нашей рѣчи служатъ всегда *слоги*, отнюдь не буквы. Что же происходитъ теперь, когда мы, не ограничиваясь произнесеніемъ одного отдѣльнаго слога, непосредственно произносимъ за нимъ другой, въ одно слово соединенный съ нимъ слогъ? На этотъ вопросъ отвѣтъ дадутъ намъ слѣдующіе параграфы.

Традиціональная грамматика издревле дѣлитъ гласные элементы рѣчи на два крупныхъ класса монофтонговъ и дифтонговъ. Нѣкоторые ученые пытались даже ввести терминъ трифтонговъ, но имъ не посчастливилось: этотъ классъ не сталъ предметомъ научной разработки, а въ наше время онъ даже въ идеѣ своей отчасти отвергается физіологами звука *).

Чтобы остановиться на какой нибудь терминологіи мы будемъ называть *полифтонгомъ* все что не есть монофтонгъ или полугласная.

Будничное мышленіе ограничивается тѣмъ наивнымъ представленіемъ, что всякій слогъ, гласный элементъ котораго пишется одной буквой, имѣетъ въ себѣ монофтонгъ, и наоборотъ, гдѣ двѣ буквы, тамъ—дифтонгъ, и т. д. Подобныхъ воззрѣній много навязываетъ намъ наша традиціонная, схолярная графическая система. Задача свободнаго анализа состоитъ въ опредѣленіи той степени, на которую эти возрѣнія не противорѣчатъ дѣйствительности.

Намъ, русскимъ, труднѣе чѣмъ сосѣдямъ-германцамъ замѣтить на своей живой рѣчи нетвердость границы между монофтонгомъ и полифтонгомъ. Наши гласныя всѣ произносятся коротко, отрывисто, «говоркомъ», по мѣткому опредѣленію одного изъ талантливѣйшихъ изслѣдователей русскаго языка **); у насъ нѣтъ даже вовсе многихъ дифтонговъ, весьма обычныхъ напр. въ языкѣ германцевъ, и потому у насъ какъ бы

---

*) См. Сиверса Lautphys. стр. 88.

**) В. И. Даля. См. введеніе въ его Толковый Словарь.

нѣтъ почвы для рѣшенія этого вопроса. Но это только въ діалектѣ т. н. образованнаго общества. Изъ числа же народныхъ великорусскихъ нарѣчій есть много такихъ, протяжныя гласныя которыхъ поспорятъ съ «распѣвомъ» любаго тюрингца или сѣвернаго швейцарца.

Монофтонги и полифтонги.

Что такое монофтонгъ?—Дадимъ прямо отвѣтъ: монофтонгъ есть такое звучаніе гласной, при которомъ всѣ ея моменты, начальный такъ же какъ срединный и конечный — имѣютъ одинъ и тотъ же тембръ; простирая наше опредѣленіе дальше, скажемъ, что такъ какъ *тембръ* зависитъ отъ высоты и конфигураціи оберъ-тоновъ, а послѣдніе всегда стоятъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ главному тону, то, не насилуя даже физическихъ фактовъ, мы можемъ ставить въ извѣстную зависимость колоритъ гласной отъ высоты ея основнаго (или спеціальнаго) тона *); такимъ образомъ окажется, что монофтонгъ мы можемъ, правда условно, пріурочить къ однообразному звучанію одной и той же музыкальной ноты.

Этимъ опредѣленіемъ у насъ сразу подготовленъ отвѣтъ и на второй вопросъ: что̀ такое полифтонгъ?

— Полифтонгъ есть такое *сложное* звучаніе гласной, начало, средина и конецъ котораго не имѣютъ одного и того же колорита, но переливаются, подобно измѣняющейся высотѣ музыкальной гаммы.

Если мы спросимъ теперь о количественномъ отношеніи монофтонговъ къ полифтонгамъ, т.-е. о томъ, которыхъ больше въ обычной рѣчи человѣчества—то на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, тоже сославшись на аналогію музыки или, вѣрнѣе, пѣнія. Ноту краткую мы безъ труда продержимъ на одной и той же высотѣ, не спустимъ и не поднимемъ ея; но

---

*) Eigenton по выраженію акустиковъ. Объ этихъ спеціальныхъ тонахъ см. Гельмгольца Die Lehre von den Tonempfindungen стр. 175—178 (4-го изданія).

съ нотой долгой дѣло обстоитъ иначе. Чтобъ продержать ее твердо, не съѣхавъ ни на одинъ изъ сосѣднихъ съ нею тоновъ—для этого нужно быть хорошимъ пѣвцомъ. А народъ, тотъ будничный, сѣрый народъ, который и даетъ настоящую жизнь языку—скорѣе можетъ быть сравниваемъ съ пѣвцомъ неумѣлымъ, плохимъ.

Въ его, по большей части, протяжной, величавой рѣчи длинными переливами выливаются гласные звуки. Онъ ихъ выпѣваетъ, какъ выпѣваетъ свою старую пѣсню деревенскій бандуристъ; онъ пускаетъ ее на прихотливые, подъ-часъ неуловимо тонкіе лады, онъ *играетъ* ея причудливо разнообразными оттѣнками, и—мы глубоко убѣждены въ этомъ—въ его игрѣ не малый просторъ имѣетъ *фантазія*.

Да, фантазія. Не та свободная, индивидуальная фантазія, которую правильнѣе называть прихотью, но фантазія «безсознательная», фантазія въ частностяхъ, при относительной устойчивости цѣлаго *).

Когда мы говоримъ напр. слово «платье», то большая ошибка думать, будто между *л* и *т* мы произносимъ всего одну гласную *а*. Непривычному уху правда, трудно распознать, одна ли здѣсь гласная или нѣсколько. Но мы укажемъ способъ, который доставитъ возможность фактически убѣдиться въ справедливости нашего замѣчанія. Пусть попробуютъ произнесть это слово такъ чтобъ сдѣлать удареніе тотчасъ послѣ того момента, когда отъ артикуляціи *л* наши органы начнутъ переходить къ артикуляціи *а*: тогда гласная неизбѣжно окрасится замѣтнымъ колоритомъ *о*, или даже почти *у*. На оборотъ, если мы, медленно произнося наше слово, постараемся

---

*) Нѣкоторый примѣръ подобный фантазіи можно видѣть въ свободѣ съ которой русскій народъ варьируетъ мотивы своей народной музыки. Онъ даетъ каждой мелодіи всевозможную обрисовку въ частностяхъ, но настолько крѣпко держится при этомъ основнаго характера или типа, что собранныя вмѣстѣ, всѣ эти варіаціи даютъ стройное гармоническое цѣлое. Это начало проведено чрезъ весь Сборникъ Русскихъ народныхъ пѣсенъ, Ю Н. Мельгунова (Москва, 1879).

сдѣлать удареніе въ самый моментъ перехода артикуляціи *а* въ артикуляцію *т*, мы столь же неизбѣжно замѣтимъ какъ чистая въ своей срединѣ гласная *а* получитъ окраску *е*, и даже (что неудивительно послѣ всего сказаннаго о древнебактрійской эпентезѣ) начнетъ звучать какъ будто слабое *і*. Причина же, почему мы, въ обычномъ выговорѣ слова *платье*, не замѣчаемъ этихъ, реально въ немъ присутствующихъ звуковыхъ элементовъ, исчерпывается единственно тѣмъ фактомъ, что главное удареніе или *тонъ* падаетъ на среднюю часть гласнаго комплекса, и тѣмъ самымъ выдвигаетъ ее предъ всѣми остальными нюансами. Кромѣ того, въ образованной русской рѣчи, отъ характера которой намъ весьма трудно бываетъ отвлечься—нѣтъ совершенно или почти, долгихъ, протяжныхъ гласныхъ, поэтому и то, что въ сущности есть полифтонгъ, является нашему уху какъ монофтонгъ, лишь только мы отдаемся нашей коренной привычкѣ быстро произносить вокалы. Но въ точной транскрипціи мы должны будемъ слово *платье* изобразить такъ:

пъл$_{o}$а^{e}тье,

или даже:

пъл$_{yo}$а́^{ei}тье.

Основываясь на предыдущемъ можно легко показать, какъ одно и тоже слово можетъ поперемѣнно принимать разную форму въ различныхъ нарѣчіяхъ одной и той же семьи, смотря по тому, какую часть полифтонга (его начало, средину или конецъ) будемъ мы выдвигать посредствомъ ударенія.

Возьмемъ напр. понятіе *corpus*. По церковно-славянски оно звучитъ **тѣло**. Но мы знаемъ, уже, что истинная транскрипція этого слова не ограничится 4-мя знаками. Русскому достаточно произнесть медленно это слово, дабы сразу замѣтить, что между *т* и *л* лежитъ не монофтонгъ, а цѣлый полифтонгъ. Поэтому въ точной транскрипціи, это слово получитъ такой видъ:

т'э$_{a}$ло.

Попробуемъ теперь, посредствомъ перемѣщенія ударенія, поочереди выдвигать всѣ составныя части этого полифтонга,

и начнемъ съ праваго конца его: 1) Положивъ удареніе на переходное *a*, мы получимъ *польскую* форму нашего слова: *ciało* (причемъ *i* есть графическая замѣна истинной гласной *e*, что становится ясно послѣ сказаннаго Сиверсомъ о составныхъ частяхъ дифтонговъ (стр. 86—87, особенно примѣчаніе на стр. 87; это правило Сиверса имѣетъ мѣсто и въ соединеніяхъ полугласной съ гласной; см. на стр. 88 предпослѣдній абзацъ). 2) Положивъ удареніе на *e*, мы получимъ *русскую* форму нашего слова (оба переходные элемента не выражаются графически, но они слышны чуткому уху). 3) Кладя удареніе на *i*, мы получаемъ *сербскую* форму слова, которая звучитъ въ западномъ говорѣ *) *tijelo* (здѣсь, наоборотъ, графически стушевался переходный элементъ *a*, хотя мы положительно утверждаемъ, что въ выговорѣ напр. профессора Ягича, мы слышали его въ качествѣ почти незамѣтнаго призвука передъ *l*).

Другой примѣръ: изъ теоретической схемы $bu^{ei}ti$, мы, кладя поочередно удареніе на разныя части полифтонга, можемъ получить: лит. *būti*, ц. сл. бꙑти (Зогр. Ев.), фрейз. бити.

Совершенно такимъ же способомъ объясняется и интересная смѣна *ю* съ *i* въ ново болгарскомъ нарѣчіи **). Здѣсь мы встрѣчаемъ *кличъ* рядомъ съ *ключъ*, *либъ* (люблю) рядомъ съ *любъ*, *слюнъ* рядомъ съ *слинь*, *шюрокъ* рядомъ съ *широкъ* и т. д. Эта двойственность вполнѣ зависитъ отъ того мѣста полифтонга, на которое падаетъ удареніе. Упадетъ оно ближе къ *i*, получится *клíучъ*; упадетъ оно ближе къ *y*—*клúучъ*. Такія перемѣны возможны въ различныхъ говорахъ хотя бы и очень близко одна отъ другой лежащихъ мѣстностей.

Такимъ образомъ оказывается, что во всѣхъ этихъ случаяхъ *матеріалъ* слова въ различныхъ нарѣчіяхъ остается одинъ и тотъ же; вся разница зависитъ отъ того отношенія которое имѣетъ удареніе къ постоянному матеріалу.

---

*) Миклошичъ стр. 391.

**) См. Миклошича Ср. грамм. I² 266. Кромѣ того Іоганнесъ Шмидтъ Beitr. VI стр. 137.

Итакъ, если мы не пожелаемъ отвергать фактовъ, то мы должны будемъ признать, что въ очень многихъ словахъ, гласный элементъ коихъ мы пріобыкли считать монофтонгомъ, въ дѣйствительности мы говоримъ и слышимъ *полифтонгъ* *).

*) Что ощущеніе полифтонга является однако подъ-часъ столь сильнымъ, что можетъ привесть къ ошибкамъ въ начертаніи, мы думаемъ доказать слѣдующимъ можетъ быть слишкомъ оригинальнымъ разсказомъ. Въ Лондонѣ мы прочли однажды въ англійскихъ газетахъ извѣстіе о случаѣ, бывшемъ съ русскимъ клиперомъ *Plastoon*. Естественно было подумать, что имя клипера звучало по русски *Пластунъ*. Однако черезъ пять дней, получивъ русскую газету, мы узнали изъ нея, что клиперъ назывался *Пѣстунъ*. Какъ объяснить эту случайность? Конечно, можно думать о неправильности свѣдѣній, собранныхъ англійскимъ корреспондентомъ. Но дѣло могло произойти и такъ. Услышавъ слово „пѣ́стунъ" (въ транскрипціи п'е$_a$стунъ) корреспондентъ не задумался изобразить е$_a$ (ѣ) въ видѣ своего англійскаго *a*. Появленіе же *l* легко допустить, припринявъ въ соображеніе всегда возможную смѣну этой согласной съ *j* или *i*, особенно ярко выступающую при сравненіи франц. *place* напр. съ итал. *piazza* или нашего *земля* съ теоретическимъ *зем-я.

Пользуемся случаемъ, чтобъ разсказать еще о слѣдующемъ лингвистическомъ куръезѣ. Одинъ староста (Смол. губ.) въ своихъ реляціяхъ помѣщику, регулярно пишетъ слово *баба* такъ: *бамба*. Что это значитъ? Нельзя же думать здѣсь о діалектическомъ назализаціи столь чисто появляющагося во многихъ языкахъ звука *a* (*o*) этого слова (ср. Βαβώ лиг. *bóba*, баба, свп. *bâbe*, *bôbe*, скр. *Babā f. nom. propr.* см. Фикка, Сравн. Слов. I³ 684; въ Петерб. Слов. этого имени нѣтъ; и лат. *Baba nom. propr*). Дѣло вполнѣ удовлетворительно объясняется теоріей полифтонговъ. Сказавъ *ба* перваго слога, мы должны для произношенія втораго *ба* закрыть губы, и такъ какъ звучаніе голосовыхъ струнъ за все время не прерывается, то тембръ перваго *a* въ концѣ своемъ долженъ существенно измѣниться, наклоняясь къ нижней полярности. Это измѣненіе его тамбра наивная рука и изображаетъ знакомъ *м*. Совершенно аналогическій случай мы находимъ въ греч. Βαύβω, имя кормилицы Деметры. Разница только та, что грекъ точнѣе изобразилъ полифтонгъ чѣмъ русскій.

Такое же неправильное выраженіе полифтонга встрѣчаемъ мы и въ одной глоссѣ Гезихія. Онъ говоритъ: βάμβαλον· ἱματιον καὶ τὸ αἰδοῖον. Φρύγες; и кромѣ того: βάβαλον· αἰδοῖον. Для обоихъ значеній Фиккъ (Beitr VII, 370, 371) принимаетъ за основныя формы не имѣющія носовыхъ (лит. *bab-*, герм. *vab*, *vib* и лат. *vib* въ vibrare). Формы какъ βάμβαλον при βάβαλον даютъ точную аналогію русскому апорѳографическому *бамба*.

Это чаще всего бываетъ въ такихъ словахъ, гдѣ гласная съ одной стороны имѣетъ *низкое* (твердое) съ другой же стороны *высокое* (мягкое) соединеніе съ окружающими ее согласными. Такихъ примѣровъ можно подыскать весьма много. Говоря напр. «*брось*», мы въ этомъ словѣ отъ низкой ступени вокализма при *р* переходимъ непосредственно къ высокой ступени при *с* (за коимъ слѣдуетъ показатель высокаго призвука ъ). Поэтому «брось» есть, въ сущности, бро^{a}сь, а если сказать эмфатически, съ достаточнымъ протяженіемъ вокальнаго элемента, то даже—бр$_{y}$о^{a}сь; найдутся люди, въ индивидуальномъ выговорѣ которыхъ навѣрно послышится возвышеніе гласной еще далѣе за *а*, такъ что для этихъ людей мы напишемъ уже такую схему нашего слова:

бър$_{y}$о^{ae}сь.

Прим. Въ этомъ и подобныхъ примѣрахъ, мы просимъ читателя запомнить, что крайніе переходные звуки (въ нашемъ случаѣ *у* и *е*) должно представлять себѣ совершенно иначе чѣмъ болѣе близкіе къ основной гласной; слѣдуетъ помнить, что сила или напряженіе, съ которымъ мы произносимъ ихъ, постепенно *уменьшается*, и вѣроятно въ геометрической прогрессіи, что̀ чрезвычайно мѣшаетъ правильной концепціи самого звука. Тѣмъ не менѣе хотя и *теоретически* поставленные, звуки *у* и *е* въ приведенномъ примѣрѣ и другихъ подобныхъ,—правильны. Читатель увидитъ скоро, почему.

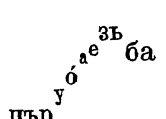
Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду другаго, весьма важнаго обстоятельства.

Стараясь прилежно и обдуманно произнесть какое нибудь слово, мы нерѣдко «искусственно» произносимъ его, не такъ, какъ то мы дѣлаемъ обыкновенно. Напр. стараясь по возможности медленно произнесть слово *брось*, мы можемъ, сами не замѣчая того, разбить его на два слога, и тогда эффектъ полифтонга весь сразу исчезнетъ. Но мы должны, хотя и медленно произнося слова, все-таки оставить неприкосновенными внутреннія соотношенія ихъ звуковъ, другими

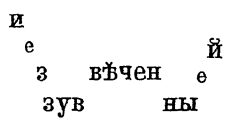
словами какъ бы увеличить предметъ, не искажая его формы. Для настоящаго случая достаточно помнить, что это слово произносится въ одинъ слогъ, и что гласный элементъ безъ всякой примѣтной паузы подходитъ къ самому *с*. Пожалуй нагляднѣе дѣло будетъ, если слово «*бросъ*» мы замѣнимъ словомъ «*просьба*» здѣсь *с* становится звучнымъ (переходитъ въ *з*) вслѣдствіе сосѣдства со звучной *б*, и потому гласный потокъ ни разу не имѣетъ причины прерываться.

Полифтонги восходящіе и нисходящіе.

Мы не безъ причины изображали полифтонги косвенными рядами, въ которыхъ средній или главный звукъ былъ написанъ на самой строкѣ, а боковые или переходные подъ и надъ нею. Этимъ графическимъ пріемомъ мы получаемъ возможность, наглядно для взора, представить направленіе полифтонга, не прибѣгая ни къ какимъ другимъ знакамъ, вродѣ стрѣлочекъ и под., къ чему мы сначала думали прибѣгнуть. Зато возникаетъ та неточность, что согласныя, къ краямъ полифтонга примыкающія, оказываются не рядомъ съ этими краями написанными, хотя въ дѣйствительности онѣ имѣютъ ту же высоту гласнаго колорита, да, скажемъ болѣе, самъ колоритъ краевъ полифтонга во многихъ случаяхъ этими самыми согласными опредѣляется; поэтому было бы очень удобно писать окружающія согласныя на одной высотѣ съ обоими краями полифтонга. При такой системѣ, слово *просьба* пришлось бы изобразить такъ:



Или слово изувѣченный:



Но вслѣдствіе чрезвычайной причудливости подобной транскрипціи, и отчасти изъ соображеній типографическихъ, мы не станемъ держаться этой методы, а предоставимъ читаю-

щему мысленно соединить колоритъ концовъ полифтонга съ колоритомъ близь нихъ лежащихъ консонантовъ.

Удвоеніемъ длительныхъ согласныхъ: з, в, н, мы хотимъ выразить то что начало ихъ звучанія, примыкающее къ одному вокальному полюсу, не соотвѣтствуетъ концу его примыкающему къ другому полюсу. Отсюда выходитъ, что въ то время какъ мы произносимъ длительное *в* начиная съ низкаго его края (какъ напр. въ предлогѣ *въ*), *а* кончаемъ высокимъ (какое слышится въ сочетаніи *въ*), языкъ непрерывно перемѣняетъ артикуляцію, причемъ его кончикъ описываетъ приблизительно четверть круга: отъ прямой линіи соединяющей вершину угла подъязычной полости съ альвеолами верхнихъ зубовъ — до прикосновенія съ нижними зубами. Поэтому во время произношенія *в* въ *изувѣченный* языкъ проходитъ въ своемъ движеніи всѣ стадіи своихъ положеній между *и* и *і*, и самъ звукъ *в* становится такимъ образомъ *сложнымъ консонантомъ*, что мы и стараемся выразить различными высотами его написанія. Обратное движеніе дѣлаетъ языкъ при произношеніи *з* (въ томъ же словѣ); здѣсь онъ переходитъ отъ артикуляціи *і* къ артикуляціи *и*, т.-е. отъ соприкосновенія съ нижними зубами поднимается до вышеописанной линіи. Таково же движеніе его и во время произношенія *н*. Въ послѣднемъ приведенномъ нами примѣрѣ встрѣчаются два вида полифтонговъ: одни идутъ отъ верхняго полюса къ нижнему, другіе наоборотъ. Сообразно этому двоякому ихъ направленію мы и будемъ дѣлить всѣ полифтонги на двѣ категоріи: восходящіе и нисходящіе.

Физіологическое объясненіе полифтонговъ.

До сихъ поръ мы ограничивались указаніемъ на фактъ, не представляя его объясненія. Теперь постараемся дать послѣднее.

Такъ какъ вся мысль о полифтонгахъ почерпнута не изъ чего иного какъ изъ непосредственнаго наблюденія нашей обычной рѣчи, то само собою разумѣется, что и объясненіе

этого факта не можетъ быть заимствовано ни изъ графики ни изъ грамматики, ни изъ какой либо другой «исторической» науки. Единственная компетентная область—есть область физическаго естества, и къ ней то мы намѣрены обратиться, чтобы дать возможно полное истолкованіе занимающему насъ вопросу.

Впрочемъ врядъ ли потребуется подробное толкованіе; явленіе само по себѣ настолько просто, что — мы увѣрены въ этомъ—многіе изъ нашихъ читателей уже предугадали главную ось вокругъ которой будетъ вертѣться наше объясненіе.

При произнесеніи отдѣльныхъ монофтонговъ какъ *a*, *e*, *o*, совершается два акта. Вопервыхъ, для увеличенія давленія воздуха въ горловомъ каналѣ ниже голосовыхъ струнъ (что необходимо для первоначальнаго приведенія послѣднихъ въ колебаніе *) отверстіе между струнами на мгновеніе замыкается. Затѣмъ, скопившійся воздухъ прорываетъ ихъ (при этомъ мы слышимъ какъ бы беззвучную взрывную согласную— это spiritus lenis Грековъ) послѣ чего наступаетъ равномѣрное, неопредѣленно продолжительное звучаніе голосовыхъ струнъ. Со своей стороны, органы резонаціи, въ силу безсознательной дѣятельности нашей нервной системы еще до наступленія звука принявшіе соотвѣтствующую гласной артикуляцію, сразу принимаютъ волны нейтральнаго голоса, и усиливая одни, ослабляя другіе изъ сопровождающихъ его оберътоновъ, даютъ звуку нужный вокальный колоритъ или тембръ. Сколько бъ мы затѣмъ ни длили звучаніе нашего голоса его оттѣнокъ остается неизмѣнно тѣмъ же самымъ. Это есть простое или «неподвижное» дѣйствіе голосовыхъ органовъ.

Явленіе видоизмѣняется когда отъ отдѣльныхъ монофтонговъ мы перейдемъ къ слогамъ. Выше мы упомянули уже о томъ что органы нашей рѣчи неизбѣжно исполняютъ двѣ физическія функціи, звукорождающую и резонаціонную. Важно то что они исполняютъ ихъ не разновременно, а заразъ. И

---

*) Этотъ процессъ подробно описанъ у Сиверса Lautphys. стр, 78.

въ самомъ дѣлѣ: въ то время какъ одна часть языка уходитъ на звукорожденіе той или другой согласной, вся остальная свободная его часть, занимая всегда извѣстное положеніе въ полости рта, даетъ послѣдней резонацію опредѣленной гласной. Эти гласныя, разумѣется, не могутъ быть чистыми (т.-е. не могутъ вполнѣ замѣнять собою тѣхъ основныхъ пять вокальныхъ ступеней, которыя мы съ дѣтства отличаемъ), тѣмъ не менѣе онѣ всегда болѣе или менѣе близко подходятъ къ нимъ, и уже во всякомъ случаѣ онѣ способны своимъ тембромъ опредѣлить ту полярность вокальной скалы къ которой онѣ принадлежатъ.

Итакъ, всегда, одновременно со звукомъ согласной несется и звукъ какой нибудь, верхней или нижней, гласной. Ошибочно думать, что это явленіе возможно только при т. н. *звучныхъ* консонатахъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ участвуетъ голосъ. Не однѣ волны *голоса* способны окрашиваться вокальнымъ тембромъ. Этому окрашивающему вліянію артикуляцій подчиняются и волны нѣмыхъ согласныхъ звуковъ, въ коихъ нѣтъ ни малѣйшаго участія голоса. Такъ напр., фонетическая разница между *съ*.... и *сь*.... исчерпывается исключительно формой резонаціонной трубы, т. е. той формой полости рта, которую даетъ ей въ обоихъ случаяхъ языкъ.

Но возвратимся къ вопросу о произношеніи слоговъ. Мы сказали уже выше, что гласная (въ такихъ случаяхъ гдѣ это практически возможно) *заранѣе* приготовляется. Это происходитъ, вообще, отъ безсознательнаго дѣйствія нашей нервной системы. Но это опредѣленіе слишкомъ обще чтобы можно было имъ удовлетвориться. Поэтому мы приведемъ вполнѣ удачную формулу Винтелера, которою онъ опредѣляетъ участіе нашей безсознательной дѣятельности. Вотъ эта формула:

«Когда произношеніе простаго или сложнаго звука требуетъ двухъ актовъ или артикуляцій голосовыхъ органовъ, то наша природа старается всегда поступить такъ, чтобъ сдѣлать одинъ актъ или артикуляцію».

Итакъ, когда мы произносимъ слогъ, обѣ его составныя

части (согласная и гласная) взаимно сближены въ своемъ тембрѣ, и потому самъ слогъ является звукомъ двойственнымъ по *темпу* (наше ухо всегда ясно различаетъ тѣ два слагаемыхъ изъ коихъ онъ состоитъ) но одиночнымъ по *акту, артикуляціи,* и, слѣдовательно, — одиночнымъ по *тембру.* Поэтому, если въ противность отдѣльнымъ монофтонгамъ, мы назовемъ слоги: «подвижнымъ» дѣйствіемъ нашихъ голосовыхъ органовъ, то все-таки намъ нужно будетъ помнить, что они, во всей своей цѣлости, состоятъ лишь изъ *одного движенія,* конецъ котораго обдуманъ и практически приготовленъ еще прежде начала. При этомъ оба слагаемыхъ являются уже не какъ самостоятельныя единицы, а лишь какъ *два момента* одного и того же акта или движенія.

Но что же будетъ, если вмѣсто отдѣльныхъ или изолированныхъ слоговъ мы произнесемъ ихъ нѣсколько подрядъ, напр. два? Прежде чѣмъ дать отвѣтъ, мы должны оговорить случай, когда въ произношеніи двухъ слоговъ не представляется ничего новаго сравнительно съ произношеніемъ отдѣльныхъ слоговъ—это тогда когда между обоими слогами лежитъ пауза. Послѣдняя можетъ быть однако психическая и можетъ быть физическая. Въ нашъ разсчетъ входитъ только первая, именно та которую мы сами кладемъ между слогами, непрерывному произношенію коихъ ничто не препятствуетъ (напр. когда первый принадлежитъ концу одного, а второй началу другаго слова). Такая пауза дѣйствительно изолируетъ слоги, разрывая ихъ органическую связь. Но вторая пауза, физическая, зависящая отъ необходимости прервать потокъ воздуха (напр. когда второй слогъ начинается со взрывной) не входитъ въ нашу оговорку, такъ какъ органическая цѣльность обоихъ слоговъ физической паузой не нарушается. Послѣднему доказательствомъ служитъ эпентеза, которая напр. въ зендѣ, съ особенной охотой появляется передъ *p*, *b*, *t* и другими взрывными согласными.

Въ этомъ случаѣ, т. е. при произнесеніи заразъ двухъ или нѣсколькихъ слоговъ, все сказанное объ изолированномъ

произношеніи послѣднихъ — существенно измѣняется. Аккомодація къ удобнѣйшему выговору, уже давно замѣченная въ человѣкѣ, и нѣкоторыми остроумными людьми охарактеризованная какъ «лѣность»,—эта аккомадація должна теперь съ одного слога разшириться на два и болѣе. Но это замѣчаніе можетъ имѣть въ нашемъ случаѣ лишь относительное и такъ сказать условное значеніе. Ей подпадаютъ народы въ своемъ вседневномъ, будничномъ языкѣ; ей подпадаетъ невольно всякій кто при быстромъ говореніи часто одинъ за другимъ слѣдующихъ слоговыхъ комплексовъ не имѣетъ возможности, или вѣрнѣе, охоты отчетливо отчеканивать каждый изъ нихъ.

Есть другая сторона вопроса, болѣе намъ близкая, именно—физіологическая. Что дѣлается съ органами нашего слова, когда они произносятъ два или болѣе слога?

Каждый слогъ состоитъ изъ согласной и гласной: иной формулы слога мы не знаемъ. Слѣдовательно, когда соединяются два слога, то гласная перваго сопоставляется съ согласной втораго. Но каждая гласная составляетъ тембровое цѣлое лишь со своей согласной, по этому, при приближеніи ея къ консонанту чужаго слога, возникаетъ важное обстоятельство о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи ихъ обоюдныхъ колоритовъ или полюсовъ. Въ словахъ какъ «*бурунъ*» затрудненіе устранено: полюсъ слога *бу* совершенно одинаковъ съ полюсомъ слога *ру*, и когда мы ихъ послѣдовательно произносимъ то физіологически дѣйствіе совершенно равно тому какъ если бы мы произносили одно *у*, но въ серединѣ прерывали бы его дрожаніемъ задней части языка *). Но дѣло приметъ совершенно иной характеръ, когда мы захотимъ сказать «*буря*». Здѣсь полюсъ перваго слога не равенъ полюсу втораго, и дабы слитно сказать ихъ, наши органы резонаціи должны будутъ прійти въ движеніе. Для произнесенія

*) Всякій можетъ убѣдиться въ правильности сказаннаго, положивъ палецъ на заднюю часть языка, и произнося звукъ *ррррууу*.... Онъ замѣтитъ, что положеніе языка почти вовсе не измѣняется.

слога *бу* требуется пассивное, возможно плоское положеніе языка и закругленныя губы. Въ слогѣ *ря*, напротивъ, языкъ сильно приподнятъ къ небу въ средней своей части, а губы раздвинуты широко. Еслибъ мы говорили съ паузами, сначала *бу*, а потомъ *ря*, тогда въ явленіи не было бы никакого посредствующаго момента: каждому звуку просто предшествовало бы беззвучное и безсознательное приготовленіе. Но вѣдь мы говоримъ это слово безъ паузы; голосовыя струны не перестаютъ у насъ звучать, и потокъ воздуха ни на мгновеніе не прерывается. Слѣдовательно, приготовленіе къ слогу *ря*, можетъ, правда, совершиться безсознательно, но оно уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ беззвучно: мы его должны будемъ услыхать. Какое же впечатлѣніе получитъ наше ухо? Отвѣтъ не трудно предугадать: такъ какъ наши органы резонаціи будутъ *двигаться* въ то самое время какъ голосъ будетъ не переставая звучать, то мы услышимъ сложный звукъ (полифтонгъ), каждый моментъ котораго будетъ соотвѣтствовать извѣстному моменту движенія. Но движеніе идетъ отъ артикуляціи *у* къ артикуляціи *я* (т. е. *і*, ибо *я* есть *і*+*а*) ergo и звукъ, резонируемый постепенно измѣняющеюся формой артикуляціи—будетъ идти отъ *у* къ *і*. Другими словами, между *у* и *р* въ словѣ *буря*, мы должны будемъ услышать всю вокальную гамму, отъ одного ея предѣла до другаго.

Написавъ: «мы должны будемъ услышать» мы не думали писать пустую фразу. Вопросъ въ томъ, слышимъ ли мы въ дѣйствительности всѣ эти вокальные переходы? т. е. есть ли слово буря въ нашемъ произношеніи:

$$\text{бу}^{\text{оаеі}}\text{ря}$$

или что нибудь иное, менѣе сложное?

Какъ мы сказали уже выше, важный моментъ въ вопросѣ составляетъ усиленіе и ослабленіе голоса. Голосъ не прерывается, паузы нѣтъ, но, поелику вся сила ударенія или акцента ложится на первую изъ составныхъ частей полифтонга, то

послѣдующія должны получать все менѣе и менѣе силы. Это обстоятельство и мѣшаетъ намъ фактически услышать ясно то, что̀ мы, въ силу самыхъ законныхъ умозаключеній, должны предполагать теоретически. И все-таки ослабленіе голоса послѣ ударенія не такъ велико чтобы безслѣдно стереть всѣ послѣдующія вокальныя ступени. Мы ихъ несомнѣнно слышимъ, хотя не въ ихъ чистой, ясно сознаваемой формѣ. Вторымъ доказательствомъ *) этой слышимости переходныхъ ступеней полифтонга послужитъ намъ слѣдующій фактъ.

Въ чемъ заключается тайна національныхъ выговоровъ? Почему мы тотчасъ замѣтимъ, когда русскія слова примется произносить нѣмецъ и наоборотъ? Почему англичанинъ, напр· почти совершенно не въ состояніи произносить правильно звуки иностранныхъ языковъ, но въ каждый изъ нихъ непремѣнно вноситъ элементъ своего національнаго выговора, по которому тотчасъ же его обознаешь?—Это обстоятельство, сколь бы ни казалось оно намъ естественнымъ и знакомымъ, достойно однако теоретическаго изученія.

Анатомія не открыла до сихъ поръ ни малѣйшихъ существенныхъ различій въ устройствѣ голосовой системы однихъ народовъ (или правильнѣе расъ) сравнительно съ другими. Въ этомъ отношеніи все человѣчество создано по одному образцу. Поэтому указанное нами обстоятельство не можетъ относиться къ анатомическому устройству горла. Но если не здѣсь слѣдуетъ искать его причины, то остается искать ея въ *привычкѣ*. И въ самомъ дѣлѣ: нашъ языкъ есть результатъ съ малолѣтства усвоеннаго навыка говорить такъ а не иначе. Этимъ опредѣленіемъ объясняется и то, почему дѣти, съ ранняго возраста изъ своей національности изъятыя, пріобрѣтаютъ для своей обычной рѣчи тотъ языкъ, на которомъ ихъ первоначально учатъ, а родной языкъ своихъ родителей изучаютъ впослѣдствіи какъ совершенно чуждый имъ иностранный.

Сиверсу удалось указать на одну важную сторону въ во-

*) Первое представлено нами на стр. 118.

просѣ о національныхъ выговорахъ. Онъ справедливо утверждаетъ, что, желая говорить на какомъ нибудь языкѣ съ его національнымъ выговоромъ, достаточно разъ на всегда извѣстнымъ образомъ поставить органы резонаціи (языкъ и губы) и затѣмъ заботиться о неизмѣнномъ сохраненіи этого ихъ искусственнаго положенія во все время говоренія. Такъ, чтобы правильно выговаривать по англійски, необходимо от весть назадъ заднюю часть языка (какъ будто немного проглотить ее) и дать губамъ возможно нейтральное положеніе. Для другихъ выговоровъ нужны другіе пріемы.

Но эти правила Сиверса относятся собственно къ самому тембру звуковъ, къ ихъ общей вокальной окраскѣ (такъ напр. объясняется, почему столь многія *а* обратились у англичанъ въ *е*: растягивая губы и давая имъ пассивную роль въ производствѣ звука, мы сами неизбѣжно придемъ къ такому же результату; или: проглатывая языкъ и произнося , мы невольно получимъ тотъ самый полутвердый, полумягкій англійскій *l*, который всякаго пріѣзжающаго въ Англію прежде всего поражаетъ въ словѣ *Hôtel*).

Слѣдующія соображенія будутъ болѣе непосредственно относиться къ нашему вопросу. Когда мы говоримъ «ночь», «бѣлый», мы неизбѣжно должны ставить полифтонги въ коренныхъ слогахъ этихъ реченій. Но какіе? — Опредѣлить нетрудно согласно вышесказанному о вокальныхъ полярностяхъ. «Ночь» имѣетъ возвышающійся полифтонгъ (въ транскрипціи—но́ᵃчь), а «бѣлый» имѣетъ полифтонгъ опускающійся (·б¹э₂лый). Но попросите нѣмца сказать вамъ слово «ночь». Вы не преминете услыхать послѣ *н* звукъ, который вы правильнѣе всего напишите какъ *óу*, такъ что все слово будетъ звучать какъ *нóутшъ*. Тотъ же нѣмецъ скажетъ вамъ *бэйлій* вмѣсто бѣлый. *Мы видимъ, что въ нѣмецкомъ выговорѣ нашихъ словъ направленіе полифтонговъ обратно направленію ихъ въ русскомъ выговорѣ.* Это явленіе убѣдительно доказываетъ, что крайнія ступени полифтонговъ, хотя бы отчасти и стираемыя ослабленіемъ потока воздуха или

голоса, все-таки слышатся нами настолько чтобъ отличить ихъ направленіе. Еслибъ мы не слышали на этихъ мѣстахъ ничего кромѣ однихъ моноѳтонговъ, то мы не могли бы и замѣтить разницы въ выговорахъ русскаго и нѣмца. А вмѣстѣ съ тѣмъ, вы будете тщетно стараться истолковать нѣмцу характеръ нашихъ гласныхъ *о* и *е*, онъ останетсь при своемъ выговорѣ, или же кончитъ тѣмъ, что пытаясь уловить составныя части русскихъ звуковъ, начнетъ произносить совершенно ясные дифтонги.

Сочетая одни звуки съ другими, мышечной дѣятельности говорящаго всегда предстоитъ задача, произнесть ихъ такъ, чтобъ потребныя для того артикуляціи 1) пришлись къ артикуляціямъ сосѣднихъ звуковъ, и 2) чтобы при этой работѣ затратить возможно меньшее количество мышечной силы (по закону Винтелера). Это есть дѣйствительная *задача*, и если мы не ощущаемъ ея значенія, то только потому что съ малолѣтства пріучаемся обходиться съ нею. Тѣмъ не менѣе всѣ трудности ея раскрываются предъ взоромъ теоретика. Относительно же практической ея стороны замѣтимъ покуда, что всякій народъ, въ своей вѣковой жизни, всегда создаетъ себѣ опредѣленныя формулы, по которымъ и разрѣшаетъ фонетическую задачу своего языка.

Спеціальный обзоръ полифтонговъ.

До сихъ поръ мы приводили примѣры наугадъ, безъ системы и по мѣрѣ требованія нашего изложенія. Теперь мы обратимся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ языкамъ индо-европейскаго семейства и постараемся обозрѣть встрѣчающіеся въ нихъ полифтонги. Но предварительно мы должны сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

Такъ какъ дифтонгъ—частный случай полифтонга (строго говоря, дифтонговъ нѣтъ, ибо между каждыми двумя конечными звуками мы всегда должны предположить извѣстный рядъ пе-

реходныхъ ступеней), то мы вообще дифтонгами интересоваться не будемъ, тѣмъ болѣе, что у насъ не хватило бы ни времени ни терпѣнія приводить всѣ примѣры дифтонгическаго сочетанія звуковъ встрѣчающіеся хотя бы только въ главнѣйшихъ индо-европейскихъ языкахъ. Мы прибережемъ поэтому наши страницы: 1) для такихъ звуковыхъ комплексовъ которые являютъ въ себѣ болѣе гласныхъ вмѣстѣ сопоставляемыхъ чѣмъ обыкновенные дифтонги и 2) если изъ числа ихъ и будутъ дифтонги, то лишь болѣе или менѣе замѣчательные. Для опредѣленія же ихъ замѣчательности намъ послужатъ два критеріума: a) появленіе двухъ гласныхъ звуковъ тамъ гдѣ въ ближайше родственныхъ языкахъ встрѣчается всего одинъ гласный звукъ, и b) явленія эпентезы и ассимиляціи. Послѣднія для насъ будутъ особенно важны.

Что касается нашего выбора языковъ, то можетъ быть многіе назовутъ его произвольнымъ. Мы не отвергаемъ того что нѣкоторая доля произвольности въ этомъ выборѣ замѣтна. Однако въ нашемъ выборѣ мы всегда руководились однимъ соображеніемъ: мы старались преимущественно останавливаться на тѣхъ нарѣчіяхъ, которыя по природѣ своей представляютъ наибольшую любовь къ полифтонгамъ.

Полифтонги въ индо-эранской вѣтви.

Мы сказали выше что тѣ языки которые рано стали языками литературными не представляетъ богатаго поля для изслѣдователя полифтонгическихъ явленій. Вотъ почему въ санскритѣ, этомъ языкѣ грамматиковъ, мы не въ состояніи указать ни на одинъ иной полифтонгъ кромѣ извѣстныхъ *âi* и *âu*. Зато зендъ изобилуетъ полифтонгами. Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы приводимъ рядъ примѣровъ, въ коихъ монофтонгу въ санскритѣ соотвѣтствуетъ полифтонгъ въ зендѣ. Случаи какъ *e*=*aê* и *o*=*aô* само собою разумѣется исключены.

Зендъ.	Санскритъ.
âat затѣмъ	āt
izaêna adj сдѣланный изъ звѣриной кожи.	iǧína
aêkha болѣзнь.	√ ıkh, īkh, íṅkhati
aêçma дрова.	idhmá
khshaêna adj. худой.	kšiṇá
gaoyaoiti пастбище.	gavyūti
geusha слушающій.	ср. Vghuš, ghošati (*eu* въ др.-б. не есть подъемъ, а нѣкое самостоятельное фонетическое явленіе, что доказывается между прочимъ такими прилагательными какъ *deusmanahya* (дурно думающій) *deusçravañh* (имѣющія дурную славу) гдѣ *deus*=скр. *dus*, хотя Юсти (Handb. стр. 357.) принимаетъ дифтонгъ *eu* за луну
daoya adj. такой котораго можно обмануть.	dábhya
boiwra предметъ страха.	bhirú
baêshaza лѣкарство.	bišaǧ
mâonh мѣсяцъ.	māsa (mas)
vâêjanh происхожденіе.	vīǧa сѣмя
voighna затрудненіе.	vighná
yaoiti соединеніе.	yūti
çaêpa обработка.	ç.pi
çtâiti стояніе.	sthiti
çtaora домашній скотъ.	sthūrá

Обращаясь спеціально къ Эрану, этой странѣ полифтонговъ по преимуществу, мы находимъ что и въ этой области монофтонги въ однихъ на ѣчіяхъ соотвѣтствуютъ полифтонгамъ въ другихъ. Прилагаемая таблица укажетъ намъ на нѣкоторые не безынтересные примѣры.

Полифтонгъ.	Монофтонгъ.
д.-б. aŋ̃tarenaêma adj внутренній.	гзв. andarnîmak
д.-б. aŋ̃taremâonha n. interlunium (новолуніе).	гзв. andarmâh
	гзв. ér
д.-б. adhairi предл. подъ.	парси azher
	нп. zér, zîr
	бел. îr
	южн. осс. dalia
д.-б. aothra n. сапогъ.	арм. ód
д.-б. khavza (изъ khauza.)	нп. kûzah
арм. kouz. Ср. *ковшъ*.	(скр. kubga)
д.-б. kshnaoma n. удовлетвореніе.	гзв. shnum
д.-б. khshvasч. б (изъ khshuas).	парси sas
сир., цыг. sheish	нп. shash
	бух. shesh
курд. sheir молоко (ср. *сыръ*)	др.-б. khshîra молоко
др.-б. khshuîs молоко снѣсть	гзв. shîr
вост.-афг. shaudah	парси sîr
	нп. shîr
	скр. kšu
	др.-б. khshvidha n. молоко сладость
др.-б. khrvîdru (изъ khruîdru) со страшнымъ оружіемъ.	гзв. khrudrush
др.-б. qaêpaithya adj. собственный.	др.-б. gâpaithya
др.-б. gaona краска	гзв. gûn
арм. goyn	парси gûna
	др.-п. Ἀλογούνη
	афг. ghûn, gûn
	осс. gun
	(ср. скр. guṇá)

Полифтонгъ.	Монофтонгъ.
др.-б. gaoçûra копье	гзв. gâçûr
др.-б. gâo быкъ, скотъ	гзв. gûb
лик. gwedê (изъ guede).	
др.-б. zoizhda нечистый.	парси zist
	нп. zisht
др.-б. dusmainyaadj. вражескій	гзв. dushmînashu
др.-б. paourva	др.-д. paruva
др.-б. raozha родъ дикаго животнаго	нп. rûç русый
	индуст. lûktî
	(ср. *лисица*; нѣм. List хитрость).
др.-б. raêsha m. борода	гзв., нп., бух., rîsh, курд. rih
др.-б. shôitra (отъ khshi) n. мѣсто жительства	парси sihir
	нп. shahar
	(скр. kshetra)
др.-б. hûdaêna вѣрующій	гзв., парси: hûdin
др.-б. çaêna орелъ	гзв. çîn, çînmru парси çînamrû нп. çîmurgh (скр. çyená
др.-б. maêga облако	гзв. mîznia miznak
	южн.-осс. migh
	арм. még
	(скр. meghá)
др.-б. maoṅh мѣсяцъ.	др.-п. mâha
гил. maunghe	бух., гузв., парси., нп., mâh
афг. miyâsht (къ этой формѣ ближе всего подходитъ слав. **мѣсѧцъ**)	
эол. μεὶς (Ahrens. I, 122)	
др.-б. yâoṅh, yâh снаряжать	скр. yas. caus. yâsayáti
raodha m. ростъ, видъ, лица	гзв. rût
	нп. rûi
	скр. róha

не получили широкаго распространенія, преимущественно вслѣдствіе указанной нами причины. Тѣ не многіе примѣры на которые мы могли бы указать здѣсь мы предпочитаемъ оставить безъ упоминанія, такъ какъ вопервыхъ число ихъ слишкомъ незначительно, а вовторыхъ при современной разработкѣ греческаго языка каждое новое мнѣніе высказываемое по поводу его вокализма неизбѣжно должно будетъ встрѣтоться съ цѣлой литаратурой иныхъ, прежде высказанныхъ мнѣній, что сразу перевело бы наше разсужденіе изъ области общей въ область частную. Поэтому мы оставляемъ за собою право высказаться о полифтонгахъ греческаго языка въ другомъ, болѣе спеціальномъ трудѣ чѣмъ этотъ.

Полифтонги италійскихъ нарѣчій.

Всматриваясь въ вокализмъ нѣкоторыхъ семействъ языковъ, напр. италійскаго, невольно приходишь къ заключенію, что чѣмъ древнѣе эпоха къ которой принадлежатъ памятники тѣмъ послѣдніе богаче какъ отдѣльными гласными такъ и гласными сочетаніями (полифтонгами).

Языкъ Этрусковъ (въ древнѣйшую эпоху своей жизни) отличался удивительной полнотой вокализма. Для этой поры его безспорное приложеніе имѣло правило: не дозволять взаимной встрѣчи двухъ согласныхъ, лишь *l* и *s* могли соединяться со всѣми другими согласными; *r* и *v* въ концѣ слова допускали послѣ себя *p* и *h* въ началѣ слѣдующаго слова. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ каждыя двѣ согласныя разставлялись одна отъ другой гласнымъ звукомъ *). Однако вслѣдствіе темности и загадочности этого языка мы не рѣшаемся

*) См. у Моммсена Unteritalische Dialecte стр. 18. То же у Steub'a Die Urbewohner Rätiens стр. 12 и у Ottfried'a Müller'a Etrusker I, 451.

приводить изъ него примѣровъ, такъ какъ не вполнѣ удовлетворительно рѣшенъ еще и вопросъ, къ какой семьѣ принадлежалъ языкъ древнихъ Этрусковъ *).

За то нарѣчія: Мессапійское, Оскское и Умбрское могутъ насъ обильно снабдить примѣрами.

I) Въ Мессапійскомъ діалектѣ: τανομανινιιεαστιβεραδαμ... (Бриндизійская надпись, строка 9-я **). Здѣсь всѣ согласныя разставлены гласными кромѣ στ; но и для мессапійскаго діалекта имѣетъ силу то правило, что λ, ς, ν, σ могутъ соединяться съ согласными.

На надписи найденной въ Vaste (строка 4-я) мы имѣемъ: βειλιιι (т.-е. beiliihi), а на той которая найдена въ Lecce (строка 1-я) мы читаемъ: ταστιναιιαιιι. На Бриндиз. же надписи мы встрѣчаемъ βλαοιιι.

Если не считать ι за согласную (этотъ знакъ выражаетъ лишь очень слабое придыханіе) тогда царство гласныхъ обозначится въ мессапійскомъ діалектѣ еще рѣзче.

Но главное къ чему мы ведемъ настоящее разсужденіе, это то, что чѣмъ древнѣе надпись, тѣмъ болѣе въ ней гласныхъ сочетаній. Такъ Моммсенъ не колеблясь признаетъ за надписями съ дифтонгомъ αο дату болѣе древнюю чѣмъ за надписями съ монофтонгомъ ο ***) напр. въ словахъ: χλαοιι и χλοιι (на надписяхъ Бриндизійской и Вастейской; кромѣ того на могилахъ встрѣчаются подобныя же замѣны).

Въ нарѣчіи Оскскомъ то же изобиліе вокаловъ и полифтонговъ. Изъ огромнаго числа примѣровъ которые мы находимъ въ оскскомъ словарѣ Моммсена †) и глоссаріѣ Цвѣтаева ††) укажемъ лишь на слѣдующіе:

---

*) Извѣстна неудачная попытка Корссена включить языкъ Этрусковъ въ индо-европейскую семью.

**) У Моммсена стр. 77.

***) Стр. 50, 52.

†) Находящемся въ Unterital. Dialecte.

††) Сборникъ осскихъ надп. II-ой отдѣлъ стр. 61—138.

deiuaid conj. praes. 3 *)

dekmanniúís abl. pl. 2 decl.=decimanis.

íúvkiíúís dat. s. 2 decl. Имя собственно произведенное отъ iúv=Iov (слѣд.=*Iovicio* или чему нибудь въ этомъ родѣ).

κοττηιεις=Cottius; paei nom. s. f.=quae; staíet=stet.

Для нашихъ цѣлей интереснѣе другихъ слѣдующая стѣнная надпись въ Casa della Medusa, на strada di Mercurio, въ Помпеяхъ **):

maamiieiise. mefítaiiaís

/////// iíkín /////

Моммсенъ ***) переводитъ первую строку такъ: Mammius Meditianus. Вторая строка неясна и, какъ кажется, не принадлежитъ къ первой.

Умбрійскіе памятники вообще менѣе богаты полифтонгами, но и въ нихъ мы встрѣчаемъ напр. такія формы:

vereir, treif, vesteis, teio, sei (Tab. VI, a. стрк. 22—25)

habiest, deitv, etaians (Tab. VI, b. стрк. 62—65).

Большинство этихъ дифтонговъ есть *ei*. Относительно послѣдняго комплекса мы читаемъ у Ауфрехта и Кирхгофа †):

«Не смотря на частое появленіе дифтонга *ei* едвали найдется одинъ достовѣрный случай гдѣ онъ представляетъ настоящую двоегласную, т. е. соединеніе *a* ослабленнаго до *e* съ *i*. Его происхожденіе и его частая смѣна съ *i* или *e*,

---

*) По Моммсену значеніе этого глагола неясно. Этимологически онъ приближаетъ его къ *divus*, или къ *dives*, которое само родственно съ корнемъ *div*. Онъ коструируетъ поэтому теоретическій глаголъ *divare=juvare, locupletare*. *U* здѣсь нельзя принимать за *v* такъ какъ въ оскскомъ, въ противность древне-латинскому алфавиту, *u* (*V*) и *v* ([) выражаются совершенно различными знаками. Ср. однако Цвѣтаева l. c. 30 31.

**) По Ленсіусу Inscriptiones Umbricae et Oscae N. 11, Tab. XXII.

***) Unterit. Dial. стр. 187.

†) Umbrische Sprachdenkmäler стр. 28. Тоже на стр. 31.

особенно въ раннемъ возрастѣ языка, заставляютъ насъ полагать, что *ei* было лишь графическимъ выраженіемъ звука колеблющагося между долгимъ *e* и долгимъ *i*.»

Мы привязываемся къ этому мѣсту чтобы высказать слѣдующія соображенія по поводу этихъ «графическихъ выраженій». Нерѣдко случается встрѣчать подобныя же мнѣнія и относительно разныхъ знаковъ въ другихъ языкахъ (такъ, напр. относительно оскскаго í (ẹ́), лат. *ei* *) и др). Но всѣ эти мнѣнія ничего не доказываютъ. Невозможно себѣ представить что-бы народъ, особенно въ младенческую эпоху своей грамотной жизни, забавлялся писаніемъ цѣлыхъ двухъ знаковъ только для того чтобы *точно* выразить не вполнѣ ясный звукъ. При способѣ писанія на мѣдныхъ и каменныхъ доскахъ (способѣ болѣе медленномъ чѣмъ скользкій бѣгъ нашихъ перьевъ по хорошей, гладкой бумагѣ) каждая буква давалась писцамъ слишкомъ трудно, чтобъ они забавлялись еще высѣканіемъ лишнихъ буквъ ради точнаго выраженія звука. Непослѣдовательная орѳографія всѣхъ италійскихъ надписей рѣшительно не даетъ права предполагать такую церемонность въ обращеніи съ алфавитомъ у древнихъ умбрскихъ грамотѣевъ. Да наконецъ это выраженіе: «между *ê* и *î* колеблющійся звукъ» намъ совершенно непонятно. *E* и *i* лежатъ такъ близко другъ къ другу что лишь очень тонкое ухо можетъ открыть между ними какое нибудь посредствующее звено. А такой опытности въ распознаваніи звуковъ мы тоже не можемъ надѣяться встрѣтить у народовъ грамотность которыхъ еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Поэтому мы признаемъ эти *ei* и подобныя имъ сочетанія за настоящіе дифтонги. Намъ дѣла нѣтъ до того что они не оправдываются историко-грамматически: есть много дифтонговъ которыхъ нельзя возвесть ни къ санскриту ни тѣмъ паче къ

*) Напр. Schneider Lat. Gramm, I, 1, стр. 63 слл. говоритъ что подъ ei нужно разумѣть не дифтонгъ а монофтонгъ, *шире чѣмъ i и острье чѣмъ e*. Точно также Фортунатовъ (Sāmaveda Āraṇyaka Saṁhitā, прилож. стр. 63): „*oveis*, гдѣ ei выражаетъ звукъ средній между *î* и *ê*“.

индо-европейскому языку, и которые однако, въ устахъ живыхъ людей, не менѣе дифтонги чѣмъ и тѣ которые грамматически «оправдываются».

Мы переходимъ теперь къ древнелатинской письменности. Здѣсь обиліе примѣровъ не менѣе значительно. Стоитъ вспомнить надпись на гробницѣ Луція Корнелія Сципіона (HONC OINO PLOIRUME COSENTIONT R[omai]... AIDILIS, AIDE *). Или на гробницѣ Л. Корнелія Сципіона Барбата:

... GNAIVOD PATRE PROGNATVS QVOIVS
VIRTVTEI AIDILIS QVEI
LOVCANAM ABDOVCIT **).

Или еще (на Соранскомъ камнѣ ***):

VERTVLEIEIS AFLEICTA
LEIBEREIS HERCOLEI

На одной изъ таблицъ Ритшеля къ C. I. L. †) помѣщено изображенія небольшаго жертвенника Ara Bovillensis надпись котораго (ничего не представляющая замѣчательнаго въ культурномъ или грамматическомъ отношеніи) важна для насъ тѣмъ что въ каждомъ ея словѣ заключается дифтонгъ. Вотъ эта надпись

VEDIOVEI. PATREI
GENTEILES. IVLIEI

а на другой сторонѣ:

LEEGE. ALBAANA. DICATA
VED.....AARA

---

*) C. I. L. I, № 32.
**) C. I. L. I, № 30.
***) C. I. L. I, № 1,175.
†) Priscae Latinitatis Monumenta Epigraphica № LVI, F.

Впрочемъ эти послѣднія геминаціи слѣдуетъ понимать не иначе какъ по толкованію .Квинтильяна *): «veteres geminatione vocalium velut apice utebantur». Но для насъ особенное значеніе имѣютъ слѣдующіе эпиграфическіе примѣры:

PRAEITOR **) CONQVAEISIVI
CAEICILIVS, CAEICIANVS ***)

Если первый изъ этихъ примѣровъ есть простое сложеніе изъ PRAE + ITOR, †) то въ трехъ послѣдующихъ комплексъ *aei* играетъ очевидную роль физіологическаго полифтонга, направленіе котораго отъ нижней полярности къ верхней опредѣлено высокимъ тембромъ слѣдующихъ за этими комплексами слоговъ.

Если въ надписи:

Q. CAECILIVS. CN. A. Q.
FLAMINI. LEIBERTVS
IVNONE. SEISPITEI
MATRI. REGINAE ††)

слово *seispitei* не есть грубая описка каменотеса, то это слово становится для насъ драгоцѣннымъ. Въ немъ смягчающее дѣйствіе втораго *i* (въ слогѣ *pi*) оказалось такъ сильно, что въ полифтонгѣ *oei* въ *so*^{ei}*spiti* дало очевидный перевѣсъ его концу, стушевавъ его начало.

Интересный случай встрѣчается и въ пѣснѣ Арвальскихъ братьевъ (строфа 2-ая): *luaerve*, и затѣмъ два раза, *luerve* †††)

*) Inst. or. 1, 4, 10 ср. тоже Шнейдера l. c. I, 1, 96.

**) Ritschl P. L. M. E. p. 120.

***) Ib. 46.

†) Обычная форма этого слова на старыхъ надписяхъ *praitor* но ср. оск. kvai'stur.

††) Ristchl tab. LXI.

†††) Ср. Іордана: Kritische Beiträge zur Geschichte der Lateinischen Sprache стр. 192 сл.

темность этого мѣста не позволяетъ обсуждать его этимологически, но *физіологически* первое написаніе раціональнѣе втораго.

Этотъ краткій обзоръ полифтонговъ въ области италійской эпиграфики *) мы закончимъ указаніемъ на слово

VIEAM **)

которое по всѣмъ вѣроятіямъ есть вин. пад. ед. числа отъ слова via, хотя Ритшль и сомнѣвается въ этомъ (ср. однако оск. vi^{e}u, имен. ед.; vi^{e}ai^{e} vi^{e}am вин. ед.) Это слово, такъ же какъ и всѣ предыдущія, показываетъ намъ что въ медленномъ, плавномъ выговорѣ древнихъ обитателей Лаціума, переходъ отъ одной полярности вокализма къ другой не могъ совершаться быстро, мгновенно, а представлялъ ясно ощутимыя посредствующія ступени.

Нѣкоторыя изъ этихъ ступеней отразились, какъ мы видѣли, и на письмѣ. ***)

Полифтонги въ кельтскихъ нарѣчіяхъ.

Переходя къ разсмотрѣнію кельтскихъ нарѣчій, особенно интересныхъ для насъ своимъ неимовѣрнымъ богатствомъ по-

---

*) Подробный перечень всѣхъ примѣровъ можно найти у Корссена Aussprache, Vocalismus und Betonung der Lateinischen Sprache.

**) Ritschl P. L. M. E. tab. LXXI B.

***) Слово *hiems*, задавшее такъ много работы лингвистамъ (ср. напр. Корссена Krit. Beiträge zur lat. Formenlehre стр. 250) объясняется по нашему мнѣнію удовлетворительно полифтонгаціей дотолѣ чистаго *i* подъ вліяніемъ окончанія *os*, нѣкогда этому слову принадлежавшаго. Изъ **himos* (ср. скр. himas, др.- бактр. zimô, χιών зима) образовалось *hiemos*, *hiems*. Краткость *i* (напр. въ санскритской формѣ) есть однако явленіе неисконное. Всѣ языки (за исключеніемъ развѣ церк.-славянскаго и древне-бактр.) показываютъ дифтонгъ въ формахъ, несомнѣнно родственныхъ: χεῖμα, скр. *hēmanta*, лит. *žëma*, др.-ир. *gaim* (см. Курціуса Et^{4} стр. 201) Сама долгота въ *hīems*, *hībernus*, есть можетъ быть, остатокъ этого дифтонга.

лифтонгическихъ явленій, мы сразу сталкиваемся съ однимъ изъ важнѣйшихъ затрудненій когда либо смущавшихъ лингвиста. Это — вопросъ о правописаніи. Врядъ ли какой либо другой языкъ болѣе кельтскаго испытывалъ на себѣ всю тяжесть ига внѣшнихъ иноземныхъ вліяній, и врядъ ли для какого-либо другаго изъ употребляемыхъ арійскимъ человѣчествомъ идіомовъ иноземный алфавитъ, все изъ той же Финикіи занесенный и на отдаленныя побережья Арморики и Ирландіи, былъ болѣе чуждъ и недостаточенъ. Въ рукописныхъ памятникахъ кельтскихъ нарѣчій царитъ такое разнообразіе орѳографическихъ пріемовъ, въ которомъ даже люди подобные Цейссу съ трудомъ могли обознаться. Самъ Цейссъ приводитъ одно и тоже слово изъ одного и того же мѣста трижды въ трехъ различныхъ написаніяхъ; О'Доваиъ впадаетъ въ такую же погрѣшность *). Само собою разумѣется, что несчастный вокализмъ и здѣсь оказывается болѣе всего искаженнымъ.

То смущенное состояніе гласныхъ, въ сравненіи съ относительною твердостью согласныхъ, о которомъ мы уже говорили по отношенію къ общей совокупности всѣхъ индо-европейскихъ языковъ, съ такой же точностью повторяется и на болѣе тѣсномъ поприщѣ, именно на почвѣ однихъ кельтскихъ нарѣчій. Мы ограничимся приведеніемъ словъ Эбеля, одного изъ достойнѣйшихъ изслѣдователей кельтской вѣтви нашей семьи. Указывая на возможность провѣрять орѳографію древне-ирійскаго языка помощью нарѣчія ново-ирійскаго, онъ замѣчаетъ **): «Ново-ирійское нарѣчіе оказываетъ здѣсь (т.-е. въ явленіяхъ перезвучія и перелома) мало пользы, такъ какъ неясность древне-ирійской орѳографіи (которая напр. Umlaut *a* черезъ *i* то оставляетъ вовсе безъ обозначенія, а то изображаетъ чрезъ *ai, oi, ui, e, i,* и даже чрезъ *ae* и *oi*) не только въ большинствѣ случаевъ здѣсь сохранилась... но

*) См. объ этомъ Эбеля Beitr III, 1.
**) l. c. стр. 7.

даже получила особенное распространеніе чрезъ произвольную смѣну простыхъ гласныхъ, такъ что *каждая краткая гласная можетъ стоять на мѣстѣ каждой другой.* Такъ *а* появляется вмѣсто *и* въ *chugam=сисситт* (ad me); въ вин. мн. *chuca* вм. *сисси* (ad eos); *а* вмѣсто *і* передъ *n* въ членѣ *an=ind, ant=int,* въ предлогѣ *a(n)*=in...; *и* вмѣсто *і* въ предлогѣ *um=imm...*; *о* вмѣсто *е* въ *romam, roimpe=remi*» и под.

Но въ этихъ замѣнахъ (на которыя мы указываемъ съ особенной силой) мы далеко не видимъ погрѣшность одной письменности, напротивъ, мы признаемъ въ этихъ явленіяхъ нѣкоторое, хотя и слабое отраженіе живой рѣчи, и спѣшимъ благодарить ее за то что она донесла до насъ это отраженіе, не поспѣшивъ съ пагубной склонностью многихъ другихъ письменныхъ системъ изъ живой *графики* обратиться въ мертвую *орѳографію.*

Уже выше мы имѣли случай высказать нашъ взглядъ на значеніе находимыхъ нами буквенныхъ сочетаній въ древнихъ памятникахъ языковъ. Мы постоянно старались утвердить то воззрѣніе, что написанный знакъ въ большинствѣ случаевъ выражаетъ и слышимый звукъ; что въ младенческую эпоху письменности не можетъ быть рѣчи о чисто условныхъ «беззвучныхъ» знакахъ; что если мы встрѣчаемъ два знака, то слѣдовательно и ухо первоначальнаго писца ощущало здѣсь по меньшей мѣрѣ два звука. Однако несомнѣнно существуетъ и тотъ фактъ, что знаки часто утрачиваютъ свое звуковое значеніе, или по крайней мѣрѣ весьма замѣтно видоизмѣняютъ его, почему для всякаго пишущаго исторію какого-нибудь даннаго языка всегда интересно опредѣлить соотношеніе между дѣйствительными звуками въ данную эпоху произносимыми и графическими знаками ихъ на письмѣ.

Но при теоретическомъ изученіи фонетики, безъ отношенія къ исторіи письменности и чрезъ нее къ исторіи звуковъ, такой методъ оказывается и невозможнымъ и вреднымъ. Невозможнымъ потому, что точнаго толкованія звука намъ все-

таки не доставитъ даже и самое тщательное изученіе историческихъ судебъ данной графической системы; вреднымъ— потому что оно безполезно разобьетъ наши силы на частности и (что̀ нерѣдко бываетъ) можетъ совершенно исказить намъ картину общаго. Вотъ почему мы рѣшаемся и въ настоящемъ случаѣ, не мудрствуя лукаво, принимать за чистую монету всякій находимый нами въ рукописяхъ знакъ, хотябы мы и рисковали при этомъ навлечь нареканія тѣхъ которые съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ занимались исторіей звуковъ и звуковыхъ знаковъ кельтскихъ языковъ. *) Безъ сомнѣнія, мы должны бы обратить болѣе строгое вниманіе на всѣ результаты подобныхъ изслѣдованій, еслибы наша теорія о полифтонгахъ (въ томъ видѣ въ какомъ она нами выше изложена) уже была признана несомнѣнной истиной. Тогда всѣ эти многочисленные варіанты вродѣ *ae, ai, ao, ou, oi, oe, ui, ue* и т. д. и т. д., мы могли бы весьма удобно соединять подъ общія рубрики, называя ихъ полифтонгами поднимающимися или опускающимися, смотря по соотношенію ихъ конечныхъ полярностей. Но вѣдь наша непосредственная задача заключается еще въ томъ, чтобы защитить самую идею полифтонга, чтобы показать, на возможно бо́льшемъ числѣ разнообразныхъ примѣровъ, что отдѣльная гласная въ ряду другихъ звуковъ стоящая есть чистая фикція, что она не выражаетъ истиннаго звука потому что не показываетъ тѣхъ колебаній, которымъ при тѣхъ или другихъ сосѣдствахъ неизбѣжно подвергается звукъ живаго человѣка къ какому бы онъ племени

*) Напр. Эбрарда (Handbuch der Mittelgälischen Sprache). Онъ приводитъ на стр. 19—22 довольно подробныя правила относительно выговора кельтскихъ гласныхъ и сочетаній гласныхъ. Такъ напр. по его толкованію, *ea, eu,* и *ei*—„только модификація тона—E^a: *ea* звучитъ какъ краткое, закрытое *e* или *ä*; *eu*—какъ звукосочетаніе *ehe* въ нѣмецкихъ словахъ *gehen, stehen; ei* есть долгое, острое и закрытое *e* съ краткимъ *i*, подобнымъ *j*. Точно также *ia* и *io* лишь модификаціи тона I. Правила Эбрарда относятся однако повидимому лишь къ современному выговору, и во всякомъ случаѣ на немъ основаны.

ни принадлежалъ; наконецъ, въ томъ, чтобы доказать, что сами писцы древнѣйшихъ памятниковъ нашихъ литературъ ощущали невозможность выразить живой звукъ *одним* знакомъ, и ставили двѣ буквы и даже болѣе тамъ гдѣ сухой систематизаторъ нашего времени ожидалъ бы встрѣтить одну.

Поэтому мы дорожимъ пока двойственностью въ написаніяхъ избираемыхъ нами примѣровъ; мы согласны даже на время называть ихъ дифтонгами (хотя имѣли уже случай высказаться о нелѣпости этого термина), но предоставляемъ себѣ только свободу не дѣлать различія между т. н. «истинными» и «неистинными» дифтонгами *) такъ какъ это дѣленіе въ фонетическомъ отношеніи не имѣетъ никакого разумнаго смысла.

Всѣ кельтскія нарѣчія отличаются весьма строго проведеннымъ закономъ эпентезы. Это вещь до такой степени общеизвѣстная что намъ достаточно сослаться на спеціальныя сочиненія (напр. Цейсса Grammatica Celtica, Эбрарда Handbuch der Mittelgälichen Sprache и др.) чтобъ освободить себя отъ необходимости подробно останавливаться на этихъ чрезвычайно интересныхъ явленіяхъ. Важнѣе всего то, что не одни края вокализма (*i* и *u*) какъ напр. въ древнебактрійскомъ, производятъ эпентентическое дѣйствіе на предшествующую гласную, но и срединныя ступени, напр. *a* вызываютъ смущеніе ея, опредѣляемое обыкновенно терминомъ *Umlaut*.

На эпентезѣ, какъ извѣстно, основанъ въ кельтскомъ весь процессъ склоненія (т. е. *внутренняго* склоненія основъ на гласную) который состоитъ въ томъ, что тѣ или другія падежныя окончанія проникаютъ въ ближайшую согласную темы и, по объясненному уже нами способу, вызываетъ между нею и предшествующею ей гласною новую гласную, тождественную имъ, или, по крайней мѣрѣ, одинаковой съ ними полярности, при чемъ сами вызвавшія эти явленія гласныя могутъ отпадать (что почти всегда и бываетъ). Такимъ образомъ

*) См. Сиверса Lautphysiologie стр. 87.

вышло, что род. пад. ед. отъ слова *ball* (членъ тѣла) звучитъ *baill* (*изъ* **balli*), дат. ед.—*baul* (изъ **ballu*); им. мн. *baile* (изъ **balli*), вин. мн. *baulln* (изъ **balluns*) и т. д. Иногда это вліяніе падежнаго окончанія выражается не въ чисто эпентетическомъ видѣ, а въ претвореніи самой гласной темы безъ приставленія на ней новой гласной (Umlaut). Такъ отъ основы *fira* (=*viro*—мужъ) им. ед. звучитъ *fer* (изъ **firas*); но им. мн. *fir* (изъ **firi*); *u* однако переносится, и потому дат. ед. звучитъ *fiur* (изъ **firu*). Мы освобождаемъ себя отъ приведенія дальнѣйшихъ примѣровъ изъ области склоненія, такъ какъ явленіе эпентезы и перезвучія (Umlaut) здѣсь представляютъ не исключенія, а строгое правило *). Но само правило мы считаемъ нужнымъ формулировать, и такъ какъ оно уже было вполнѣ удовлетворительно формулировано Эбелемъ то намъ остается только привесть подлинныя слова этого уважаемаго ученаго.

Вотъ его формулы для древне-ирійскаго **):

«Подъ вліяніемъ слѣдующаго *a*: *i* обращается въ *e*, *u* въ *o*; подъ вліяніемъ слѣдующаго *i* (въ видѣ исключенія и *e*) *a* обращается въ *i*, или въ *ai* (или въ *e*) *e* въ *ei*, *u* въ *ui*, *o* въ *oi*; подъ вліяніемъ слѣдующаго *u*: *a* переходитъ въ *u* или въ *au* (или въ *o*) *i* въ *iu*, *e* въ *eu*». Другими словами, мы здѣсь наглядно видимъ, какъ одновременно въ языкѣ сосуществуютъ три сродныхъ, но грамматиками строго различаемыхъ явленія: 1) полная ассимиляція (какъ въ санскр. *giri* изъ **gari*); 2) эпентеза (какъ въ зендѣ *pairi* вм. *pari*); и 3) перезвучіе въ собственномъ смыслѣ ***).

Этимъ свойствомъ своимъ языкъ древнихъ кельтовъ и отчасти его современные потомки сразу становятся на ступень отличающую ихъ отъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ многихъ

---

*) Относительно той формы, которую послѣ перезвучія, принимаютъ различныя гласныя и дифтонги, см. у Эбрарда Handbuch стр. 38 § 53.

**) Beitr I. стр. 164.

***) Эбель l. c. стр. 163.

другихъ языковъ Ихъ необыкновеная чувствительность къ полярностямъ гласныхъ является свойствомъ въ высшей степени замѣчательнымъ, и тѣмъ болѣе, что здѣсь мы видимъ не одиночныя явленія какъ въ большинствѣ другихъ языковъ, а правильно дѣйствующій законъ.

Однако приведеннымъ закономъ далеко не исчерпывается область ассимиляціи въ кельтскомъ. Кромѣ т. н. регрессивнаго уподобленія здѣсь получило широкое распространеніе и обратное явленіе, уподобленіе прогрессивное Особенно ярко выступаетъ оно наружу въ языкѣ *средне-гельскомъ*. Здѣсь имѣютъ приложеніе слѣдующія два правила: 1) послѣ гласныхъ и дифтонговъ низкой полярности въ основѣ—*i* окончанія обращается въ *ai*; 2) послѣ гласныхъ и дифтонговъ высокой полярности въ основѣ—*a* окончанія переходитъ въ *ea*, Такъ напр. *caomh+inn* даетъ *caomhainn* (пощада); но *thig+inn* даетъ *thiginn* (приходъ). Изъ *caism+achd* выходитъ *caismeachd* но изъ *cleas+achd* выходитъ *cleasachd*.

Такимъ образомъ оказывается, что здѣсь дифтонги фунгируютъ по отношенію къ своимъ полярностямъ какъ ихъ конечныя гласныя. Но указывая на это обстоятельство мы должны оговориться. Такое опредѣленіе полярности дифтонговъ имѣетъ приложеніе *только* къ случаю прогрессивнаго уподобленія, и теряетъ всякій свой смыслъ когда дѣло идетъ объ уподобленіи регрессивномъ. Эбрардъ не замѣчаетъ этой двойственности и не дѣлаетъ приведенной нами оговорки *). Однако условность подобнаго толкованія очевидна. Самый простой примѣръ покажетъ намъ почему. Уже въ древне-ирійскомъ замѣчается склонность предлога *con* обращаться передъ слогами высокой полярности въ *coin* или просто *coi* (въ гельскомъ въ *coim* или въ *coimh*). Такъ въ др.-ир. изъ *con+tchen* выходитъ *coitchen* (общій), а въ гельскомъ изъ *con + eadh* (=ἰδεῖν) получается *coimhead* (видѣть; также точно образованы *coimhthional* (собраніе) *coimlion* (столькіе же) и под. Спра-

*) См. § 29 на. стр. 22, 23.

шивается: если держаться опредѣленія Эбрарда *) что глухими (dumpfe) дифтонгами мы должны считать тѣ, которые исходятъ на *a*, *o*, *u*, а ясными (helle) тѣ, которыхъ конечная гласная есть *e* или *i*, то остается только удивляться какимъ образомъ *глухіе* дифтонги какъ *ea*, *io* въ *coimhead* или въ *coimhlion* могли вызвать *i* въ предлогѣ?

Это противорѣчіе происходитъ отъ того, что дифтонгъ или вообще полифтонгъ, никакой спеціально-своей полярности имѣть не можетъ; что онъ всегда представляетъ двѣ полярности, начальную и конечную (исключеніе составляютъ только тѣ полифтонги, которые какъ напр. *ao*, *ou*, *ei* имѣютъ всѣ свои члены одной и той же полярности); и потому единственно возможная для полифтонговъ квалификація есть только слѣдующая: «поднимающійся» и «опускающійся».

Удалить противорѣчіе въ приведенныхъ нами правилахъ мы можемъ только тогда, когда измѣнимъ формулу указаннаго нами закона, весь смыслъ котораго будетъ состоять отнынѣ въ томъ, что:

«a. При встрѣчѣ гласныхъ и полифтонговъ принадлежащихъ различнымъ словообразовательнымъ элементамъ, кельтскія нарѣчія безсознательно наблюдаютъ то правило чтобы полифтонги были обращены къ гласнымъ и другимъ полифтонгамъ тѣми своими краями которые имѣютъ съ ближайшими къ нимъ гласными элементами одинаковыя полярности;

b. Гдѣ этому требованію не могутъ удовлетворить наличные гласные элементы, тамъ, для оправданія вышепоставленнаго правила, вызываются новыя гласныя, которыя могутъ присоединяться къ монофтонгамъ и образовывать дифтонги, и также къ дифтонгамъ и образовывать трифтонги (въ родѣ *aoi*, *eoi*, *eai*, *uai* и под.)

c. При этомъ: суффиксы падежные осиливаютъ гласные элементы корней; (ассимиляція регрессивная) а эти послѣд-

*) l. c. стр. 23 въ прим.

ніе — гласные элементы темо-образовательныхъ суффиксовъ (ассимиляція прогрессивная) и приставокъ (ассимиляція регрессивная).»

Этимъ послѣднимъ правиломъ мы находимъ возможность соединить подъ общій законъ и тѣ явленія, которыя нѣмецкіе лингвисты называютъ *перезвучіемъ* (Umlaut вмѣстѣ съ эпентезой) и тѣ которыя они опредѣляютъ терминомъ *прираженія гласныхъ* (Infection der Vocale).

Полифтонги романскихъ нарѣчій.

Весьма поучительна и интересна система полифтонговъ романскихъ нарѣчій. Скажемъ даже болѣе: изо всѣхъ языковъ нашей семьи эта группа заслуживала бы на нашихъ страницахъ наиболѣе тщательнаго изученія, еслибы задача эта по своей сложности не являлась во всемъ величіи обширнаго спеціальнаго труда. Приступить здѣсь къ ея полному разрѣшенію мы не считаемъ дѣломъ оправдываемымъ, такъ какъ всякій вопросъ поспѣшно рѣшенный хуже не рѣшеннаго вовсе. Съ другой стороны многіе законы романскаго вокализма безспорно выяснились бы и освѣтились еслибы мы имѣли для ихъ *ударенiй* нѣсколько болѣе точныя и опредѣленныя свѣдѣнія, другими словами, еслибъ и романская филологія могла указать намъ на своего Мазинга. Къ сожалѣнію по сію пору мы таковаго не знаемъ.

Романскія нарѣчія представляютъ то удобство что будучи прямыми потомками латинскаго языка они всегда даютъ возможность прослѣдить развитіе какого-нибудь звука отъ его первообраза до современнаго намъ произношенія. Хотя и то не вполнѣ, такъ какъ то что́ мы называемъ латинскимъ языкомъ не есть отецъ романскихъ: это́ лишь одинъ діалектъ болѣе сложной и многообразной рѣчи, изъ которой онъ получилъ свой матеріалъ 'какъ прудъ получаетъ воду изъ бѣгущей рѣки, по по мѣткому сравненію Макса Мюллера.

Прежде всего изъ общаго числа всѣхъ полифтонговъ романскихъ нарѣчій мы должны элеминировать тѣ которые образовались: 1) посредствомъ *синерезы*, какъ напр. итал. *pietà* (два слога) изъ лат. *pietas* (3 слога); 2) вслѣдствіе *выпаденія согласной*, напр. провансальское *mei* (*medius* если это только не есть *me(i)dius*) *pluia* (*pluvia*) и под. За тѣмъ, всѣ прочіе полифтонги романскихъ языковъ мы раздѣляемъ на двѣ главныя группы: первые изъ нихъ образовались вслѣдствіе вліянія суффиксильныхъ полярностей (Umlaut, перезвучіе); другіе по болѣе сложнымъ и на первый взглядъ не вполнѣ яснымъ законамъ.

Первая группа проста, и мы не будемъ долго заниматься ею. Замѣтимъ только, что врядъ ли гдѣ еще удастся наблюдать съ такой поразительной ясностью процессъ постепеннаго перехода гласной отъ одной полярности къ другой.

И здѣсь слѣдуетъ отмѣтить тотъ важный и по сію пору необъясненный фактъ, что гласная, вызвавшая эпентезу въ предыдущемъ слогѣ, сама исчезаетъ.

Въ испанскомъ эпентезѣ обязанъ своимъ происхожденіемъ дифтонгъ *ue* (изъ *u—i*) напр. въ *mastuerzo* (*nasturtium*), *sagueso* (*segusius*), *vergüenza* (*verecundia*), *Duero* (*Durius*) *). Въ португальскомъ *ai* появляется при тѣхъ же условіяхъ: *aipo* (*apium*), *raiva* (*rabies*). Точно также и *oi*: *coiro* (*corium*), *agoiro* (*augurium*). Наконецъ *ou* тоже появляется въ силу эпентезы вмѣсто *a—u*: *houve* (*habui*), *jouve* (*jacui*). Замѣчательно однако, что въ португальскомъ *u* эпентезу можетъ вызывать и *i*: напр. *mouro* (*morior*), *Douro* (*Durius*), *agouro* **). Это странное обстоятельство кажется менѣе удивительнымъ, когда подумаешь о томъ, что *u* можетъ имѣть весьма различные діалектическіе оттѣнки. Еслибъ оно въ латинскомъ звучало совершенно чистымъ губнымъ звукомъ, тогда изъ *optumus* никогда не могло бы образоваться *optimus* ***).

---

*) Дицъ, Грамм. I,[4] стр. 358.

**) Ib. стр. 379, 380.

***) Ср. тоже каталонское *au* при провансальскомъ *ai*: *trau* вм. *trai* изъ *trahit*. Дицъ Гр. I[4], 395 прим.

Но особенно богатъ этимъ явленіемъ языкъ провансальскій. Здѣсь эпентезѣ обязано своимъ происхожденіемъ *ai*: *vaire (varius)*, *glai* (*gladius*), *vai* (*vadit*). Съ нимъ чередуется и имѣетъ одинаковое происхожденіе *ei*: *feira (feria)*, *primeira (primaria)*. Далѣе *oi*: *moira (morior)*, *foison (fusio)*; *ui*: *vuidar (viduare) cuirassa (coriacea)*. *Oi* и *ui* такъ же чередуются діалектически какъ *o* и *u* и какъ *ai* и *ei*. Наконецъ *au* въ *caup (capui* вм. *cepi)* и *eu* въ *ereup (eripui)* объясняются эпентезой. Дицъ объясняетъ «аттракціей» (это его терминъ для всѣхъ разбираемаго рода явленій) и *iu* въ *niu* изъ *nubis*, *niule (nubilum)*, *piuze (pulicem)*, *piucela (pullicella)* *). Но здѣсь трудно видѣть подобный случай, такъ какъ дѣйствіе аттракціи исходящее изъ слога послѣдующаго должно прежде всего распространяться на конецъ полифтонга, а не на его начало. Конечно, всегда можно допустить неправильное физіологическое исполненіе мускулами психической задачи. Но нѣтъ надобности прибѣгать къ такому толкованію когда есть возможность объяснить эти вещи фонетически. Мы видимъ въ этихъ примѣрахъ простую дифтонгацію *u*, примѣровъ которой множество.

Французскій языкъ представляетъ такое же богатство эпентетическихъ полифтонговъ: напр. *contraire* изъ *contrarius*, *gloire* изъ *gloria*, *cuivre* изъ *cupreum*. Про происхожденіе *ie* въ словахъ какъ *collier* изъ *collarium* и под. мы только что говорили.

Въ валашскомъ языкѣ эпентетическому объясненію подвергается *oa*, хотя объ этомъ не упоминаетъ Дицъ. Однако всѣ приводимые имъ примѣры показываютъ во второмъ слогѣ гласную высокой полярности. Вотъ эти примѣры: *oare* изъ (*hora*), *boale* (серб. *bôl*), *coaze* (коза), *scoale* (*schola*), *foarte (fortis)* **).

---

*) Грам. I^{4}, 394. Такое же толкованіе прилагаетъ онъ и къ французскому *ie* въ *premier* (*primarius*) и под. (стр. 441), и къ итальянскому *ie* въ *primiero* (стр. 340).

**) Грамм. I^{4}, 477. Буква *e* хотя имѣетъ, по словамъ самого Дица,

Вторую группу романскихъ полифтонговъ мы считаемъ нужнымъ снова раздѣлить на два отдѣла. Первый изъ нихъ будетъ обнимать собою всѣ полифтонги произшедшіе изъ вокализаціи согласныхъ, второй — настоящую дифтонгацію дотолѣ чистыхъ вокаловъ.

Первый отдѣлъ—довольно многочисленъ въ романскихъ языкахъ *). Чаще всего вокализуются *l*, *c* и *g*. Но и губныя (*p*, *b*) а также *v* нерѣдко подпадаютъ тому же принципу. При этомъ нужно замѣтить, что *l* и послѣднія три преимущественно разрѣшаются въ *u*: напр. сицил. *autu* изъ *alto*, исп. *sauce* изъ *salix*, порт. *paupar* изъ *palpare*, пров. *mau* изъ *malum;* франц. *haut* изъ *altus;* исп. *cautivo* изъ *Captivus*, *ausente* изъ *absente*; пров. *cau* изъ *cavus*, *neu* изъ *nivem;* франц. *autruche* изъ *avis struthio* и т. д.; тогда какъ *c* и *g* чаще всего даютъ изъ себя *i*: напр. порт. *direito* изъ *directus*, *inteiro* изъ *integrum*, *noite* изъ *noctem*, *oito* изъ *octo;* провансальское *flairar* изъ *flagrare*, *verai* изъ *veracus*, даже *d* и *t* вокализуются въ провансальскомъ: изъ *quadrum* выходитъ *caire*, изъ *patrem*, *matrem*—*paire*, *maire*. То же явленіе замѣчается и во французскомъ: такъ *seier* образовалось изъ *secare*, *reial* изъ *regalis* и под. Точно такъ же *coxa* дало *cuisse*, *noctem* дало *nuit*. Случайно удалось намъ встрѣтить интересную форму этого послѣдняго слова, наглядно показывающую, какъ постепенно наклонялось *o* подъ вліяніемъ *c* до *i* въ своемъ концѣ, прилегающемъ къ исходу рѣченія.

выговоръ сходный съ нашимъ ц.-сл ъ, однако, поелику фонетики изображаютъ ее какъ *a*, *à*, *â*, *ä*, *e*, и даже *i*, и далѣе, такъ какъ этимологически она соотвѣтствуетъ преимущественно *a* склоняющемуся къ *e* (напр. s'coalę школа coaźę коза) то мы рѣшаемся принять за основной ея типъ *e*, а твердый выговоръ ея признаемъ за явленіе діалектическое.

*) Подробно мы не станемъ излагать здѣсь всѣхъ случаевъ вокализаціи, такъ какъ послѣ прекраснаго труда Фридриха Дица всѣ подобныя изложенія неизбѣжно походятъ на слѣпое заимствованіе.

Эта форма звучитъ *noeyt* *). Въ другомъ мѣстѣ она появляется въ видѣ *nueyt* **), но очевидно, что ея первый варіантъ болѣе древенъ.

Къ этому краткому обзору полифтонговъ изъ вокализаціи согласныхъ мы должны прибавить еще слѣдующее замѣчаніе. Большая ошибка думать, что всякій данный консонантъ въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ разрѣшается всегда въ одну и ту же гласную. Самое поверхностное наблюденіе тотчасъ убѣждаетъ въ противномъ. Возьмемъ напр. языкъ португальскій. Въ немъ одно и то же *c* въ одномъ случаѣ обращается въ *i*, напр. въ *direito (directus)*, въ другомъ въ *u*, напр. въ *doutor (doctor)*. Точно такъ же и *p* съ *b* далеко не всегда разрѣшаются въ своего естественнаго сосѣда *u*. Португ. *receitar* (изъ *receptare*), прованс. *caitiu* (изъ *captivus*), французское *beivre* (изъ *bibere*) весьма скоро докажутъ это. Поэтому все сказанное нами выше о разрѣшеніи согласныхъ имѣетъ не безусловное приложеніе, а заключено въ рамки болѣе обычнаго и менѣе обычнаго ***).

Мы должны перейти теперь ко второму отдѣлу невызываемыхъ эпентезой полифтонговъ. Для нашихъ цѣлей онъ самый важный. Но къ сожалѣнію полная неподготовленность матеріала для изложенія спеціально романскихъ правилъ дифтонгаціи первоначальнаго монофотнга, побѣдить которую было бы недостаточно однихъ нашихъ усилій, лишаетъ возможно-

---

*) Ренуаръ, Choix de poésies originales des troubadours. Парижъ 1816, I, стр. 110. См. тоже Revue des Langues Romanes, 1879 г. № 9—10 стр. 14.

**) R. d. L. R. ib. стр. 27.

***) Физіологически эта двойственность намъ не вполнѣ понятна. Первоначально мы думали объяснить ее изъ качества предшествующей гласной: послѣ *e*, *k* дѣйствительно представляетъ наклонъ къ *i*, а послѣ *o*—къ *u*. Но отъ этой правильности приходится отказаться, въ виду такихъ случаевъ какъ *oito* изъ *octo*, которое будучи совершенно аналогично съ *doctor* представляетъ отличное отъ него разрѣшеніе согласной (въ португальскомъ).

сти высказать въ настоящую минуту что-нибудь существенно важное. Поэтому и этотъ отдѣлъ мы должны отложить до поры болѣе спеціальныхъ изслѣдованій въ указываемомъ нами смыслѣ.

Примѣры полифтонговъ въ современныхъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ.

Подъ рубрикой «Svarabhakti und Vocaldehnung im Germanischen» Іоганнесъ Шмидтъ приводитъ въ своемъ Волализмѣ *) богатое собраніе различнаго вида дифтонговъ развившихся, по его толкованію, подъ вліяніемъ плавной. Насъ не интересуетъ въ данную минуту причина явленія, мы укажемъ лишь на нѣкоторые изъ собранныхъ имъ фактовъ.

Такъ, напр. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Баваріи и Австріи *a* передъ *r* + согл. обращается въ *aə* **) *aərm*, *haərt*, *gaərten*, *waərm*, а въ другихъ въ *uə*: *uərm*, *huərt*, *wuərten;* въ нижней Австріи это же *a* становится *åa: åart*, *bå̊art* и т. д.

e передъ конечнымъ *r*, или передъ такимъ, за которымъ слѣдуетъ согласная, обращается: 1) въ *eə*: *eər*, *deər*, *beərg* и т. д. 2) въ *ea: dear*, *stearn*, *hearz;* это же имѣетъ мѣсто и передъ конечнымъ *l: gcal* (*gelb*) *meal*, *feal.*

Замѣчательнѣе всего то, что по свидѣтельству Шо́пфа ***) «изъ устъ одного и того же человѣка можно часто, смотря по способу выговора, разслышать весь рядъ: *ēa*, *ea*, *eə*, *ōə*, *iə*, и притомъ въ одномъ и томъ же словѣ». Это послѣднее замѣчаніе вполнѣ оправдываетъ то что мы выше сказали о фантазіи или свободѣ, съ которой многіе индивидуумы относятся къ выговору собственной рѣчи.

---

*) Voc. II, стр. 373 слл. Эти примѣры заимствованы имъ изъ нѣсколькихъ спеціальныхъ сочиненій по германской діалектологіи.

**) *ə* есть тотъ гласный звукъ который Лепсіусъ назвалъ indistinct vowel-sound.

***) Lautlehre des Oberdeutschen in Tirol въ Mundarten Frommann'a.

i (при тѣхъ же условіяхъ) уже съ XII столѣтія переходитъ въ *ie: mier, dier, wiert (wird) hiersch* и т. д. Въ Нижней Австріи появляется даже *ia: wiard, stiarb*. Есть тоже и варіанты съ *ea* (въ Тиролѣ): *eardan (irden) weart (wird)*.

o обращается передъ конечнымъ *r* или передъ *r* + согл. въ *oa* (въ Тиролѣ): *voar, zoarn, woart, koarn, doarf, koarb*. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Баваріи въ *ua*: *duart, wuart, fuart*. Въ другихъ — въ *ua*: *wuart, duarf, kuarn;* въ Меранѣ появляется *ou*: *vour, kourn, hourn*. Между Лехомъ и Инномъ слышится въ этихъ случаяхъ *āə*: *vāər, dāərn, verdāərben, dāərf, kāərn*.

Наконецъ, рядомъ со всѣми этими дифтонгами, можетъ появляться и монофтонгъ, именно *ā*: *dārf (=Dorf) dārn (=Dorn) kārn (=Korn) verlārn, gstārbn, gwārfn,* въ странѣ на востокъ отъ Леха, и *u* въ другихъ мѣстахъ *(dūrf, kūrn, ūrt* и т. д.). Такимъ образомъ, одно и тоже слово напр. *Dorf*, деревня можно услышать въ различныхъ мѣстностяхъ Южной Германіи и Австріи или какъ *doarf*, или какъ *duarf*, или *duarf*, или какъ *duərf*, или какъ *dārf*, или какъ *dūrf*.

u обращается въ *ua: wuarm, kuarz, wuarscht,* а также въ *uə*: *duərscht, kuərz, stuərm*. Кромѣ того есть и обращенія въ *aə*: *waərzl,* и наконецъ въ чистое *ā*: *dārscht, kārz, wārm* и въ долгое *ū* (что совершенно естественно).

Особенно интересны для насъ такія формы какъ *hǎelden, gǎerden, bǎert, kǎerl* *). Замѣтимъ что у Іоганнеса Шмидта не пояснено: слѣдуетъ ли a^0 признавать за a^0 или за o^a. При подвижности голосовыхъ органовъ во время выговора этихъ трудныхъ сочетаній монофтонгами они быть не могутъ; общее же направленіе тембра указываетъ на o^a. Такимъ образомъ *hǎelden* есть собств. $h_o a^e lden$.

Читая Іоганнеса Шмидта, можно думать, что эти замѣны мыслимы лишь передъ *r* и *l*. Конечно, нельзя спорить, что эти двѣ согласныя болѣе всѣхъ другихъ способны измѣнять

---

*) Voc. II, 386.

тембръ предшествующаго вокала и производить вслѣдствіе этого глубокія качественныя и количественныя смущенія вокализма. Но съ другой стороны, самъ авторъ говоритъ *), что «происхожденіе *eo*, *ío*, *jo* изъ *ë* вслѣдствіе дѣйствія слѣдующаго за нимъ *u* или *v* общепризнано». Слѣдовательно и *v* смущаетъ вокализмъ. Кромѣ того подобныя же явленія давно замѣчены передъ *m*, а богатое поле эпентезы еще болѣе расширитъ нашъ кругъ вліянія послѣдующей согласной на предыдущую гласную. Фактъ лишъ тотъ, что многіе продукты подобныхъ вліяній, неоспоримо признаются въ случаѣ новыхъ языковъ (напр. въ вышеприведенныхъ діалектическихъ варіантахъ германской рѣчи), когда на лицо за основную принимаемая форма главнаго литературнаго языка, хотя и въ этомъ принятіи слышится отголосокъ лишь школьной привычки; но эти же самыя явленія тотчасъ подпадаютъ подъ самыя хитрыя теоретическія толкованія, какъ скоро они относятся къ древнимъ, мертвымъ языкамъ.

Примѣры полифтонговъ въ древне-прусскомъ языкѣ.

Рядомъ съ литовскимъ языкомъ, котораго изъ нѣкоторыхъ соображеній мы въ настоящемъ очеркѣ не касаемся, мы встрѣчаемъ его ближайшаго родственника, прусское нарѣчіе, часто показывающее полифтонги тамъ гдѣ литовскій языкъ имѣетъ монофтонги.

Въ пр. *seamis* озимь (при *semo* зима) *ea* соотвѣтствуетъ ė въ *žėmà* **). Но это не должно насъ удивлять, такъ какъ еще Шлейхеръ ***) и Куршатъ указали на значеніе ė какъ e^a или даже какъ $\overset{a}{\underset{i}{e}}$. Поэтому въ прусскомъ *seamis* мы видимъ только аналитическую орѳографію. Далѣе *ea*

*) Voc. II стр. 394.

**) Pauli, Preussische Studien въ Beitr. VI, 417.

***) Litauische Sprache, 9.

стоитъ въ *geasnis* куликъ, *mealde* молнія, *peadey* носки, когда въ литовскомъ (напр. *pádai*) мы встрѣчаемъ на этомъ мѣстѣ *a*. Паули *) толкуетъ это *ea* какъ способъ написать звукъ лежащій между *e* и *a*. Но мы не вѣримъ въ такое добросовѣстное и научно-тонкое отношеніе Гольцвешера писавшаго нѣмецко-прусскій словарь изъ коего Паули заимствуетъ свои примѣры. Если Гольцвешеръ написалъ *ea* то вѣроятно онъ такъ и слышалъ этотъ звукъ. Въ XV столѣтіи люди съ буквами еще не церемонились.

Рядомъ съ литовскимъ ë встрѣчается въ прусскомъ: *ai*, *ay*, напр. въ *snaigis* (лит. snė́gas) снѣгъ; *caimys* (лит. kė́mas) деревня; а также *ei*, *ey*, напр. въ *reisis* (лит. rė́szutas) орѣхъ; *deywis* (лит. dė́vas) богъ и т. д. Одинъ разъ написано: *plieynis* въ соотвѣтствіи лит. *plënýs* **).

Рядомъ съ лит. *a* появляется въ прусскомъ нерѣдко *oa* напр. въ *doalgis* коса = лит dàlgis ***). Тотъ же звукъ въ *moargis* утро соотвѣтствуетъ лит. *u* въ mùrgas. Кромѣ того пр. *oa* соотвѣтствуетъ лит. *o*, напр. въ *woaltis* локоть, (мѣра) при лит. ólektis, въ *soalis* трава, при лит. zólés; *ploaste* простыня при лит. plósztė. Относительно этого *oa* Паули †) дѣлаетъ то же замѣчаніе что и объ *ea*.

Далѣе *oa* можетъ отвѣчать лит. ů, напр. въ *woasis* ясень лит. ůsis. Также въ *broakay* (переломъ) мы встрѣчаемъ *oa* на мѣстѣ нѣм. *u* (это слово по мнѣнію Паули заимствовано) и

---

*) l. c. стр. 420, 421.

**) Паули (l. c. стр. 422) проводитъ мысль, что лит. *ai* соотвѣтствуетъ помезанское *ai*, и лит. *ei* помезанское *ei*, что слѣдов. различіе между обоими дифтонгами не фонетическое, а этимологическое (стр. 421) Но Брауне (Beitr. VIII, стр. 91—101) приводитъ на это правило справедливыя возраженія.

***) Мы можемъ указать еще на слово *woapis* краска, которое стоитъ рядомъ съ ц.-сл. **вапъ**, что по Миклошичу есть старое заимствованіе изъ βαφή (См. Fick, Vergl. Wörterb II, 660).

†) Стр. 426, 427.

свн. *uo* (*bruoch*). Особенно замѣчательны тѣ случаи, въ которыхъ Гольцвешеръ пишетъ *oa* когда въ лит. имъ отвѣчаетъ *ė*, напр. въ *moasis* ячмень лит. *mė́·zei*. Тоже слово moasis, но въ другомъ значеніи: раздувательный мѣхъ, соотвѣтствуетъ слав. мѣхъ. Въ этихъ словахъ, также какъ въ *lopis* пламя при лит. *lėpsnà*, слышится несомнѣнное вліяніе губной.

Изъ числа случаевъ гдѣ появляется *au* (хотя во многихъ такихъ случаяхъ прусскій языкъ представляетъ положительное старшинство передъ литовскимъ (который на этихъ же мѣстахъ являетъ *u*) особенно интересуютъ насъ тѣ примѣры въ коихъ дифтонгу *au* предшествуетъ еще *e*. Такихъ словъ Паули *) приводитъ три: *geauris* **) водяной воронъ, *greauste* верша и *teausis* дышло. Параллельно этимъ примѣрамъ мы можемъ указать еще и на литовское *sziaurys*, сѣверный вѣтеръ. Литовскій языкъ совершенно самостоятельно развилъ *i* передъ *au* (ср. лат. *Caurus, Corus*, сѣверо-западъ) хотя, если это слово заимствовано изъ славянскихъ языковъ, оно могло придти и изъ родственнаго говора. Во всякомъ случаѣ, въ лит. *sziaurys* и въ прусскихъ *geauris* и под. мы имѣемъ примѣры трехзначныхъ, одинаково направленныхъ полифтонговъ.

Яснѣе чѣмъ предыдущіе являются намъ (въ теоретическомъ отношеніи) слѣдующія прусскія замѣны литовскихъ монофтонговъ. Лит. *u* въ *lúszis* рысь соотвѣтствуетъ въ прусскомъ *iuy: luysis*. Пр. *iuysis* дворовая собака Паули не находитъ литовскаго коррелата. Но если основываться на русск. *выжлецъ*, и на томъ, что слав. *ы* въ лит. обыкновенно соотвѣтствуетъ *ú* ***), то можно и въ этомъ случаѣ подразумѣвать

---

*) Стр. 430.

**) Вѣроятно это слово находится въ близкомъ родствѣ со слав. *гавранъ*. Рядомъ съ *geauris* Фикъ (Vergl. Wörterb. II, 554) приводитъ еще и форму *giauros*

***) Кромѣ словъ заимствованныхъ изъ русскаго (см. Миклошича Vergl Gramm. I³ стр. 151).

какое-нибудь *wúszis. Впрочемъ пр. *tuylis* ручной кабанъ отвѣчаетъ лит. *kuilýs*.

Въ мемельскомъ діалектѣ мы находимъ *builis* волъ тамъ гдѣ въ верхне-литовскомъ является *bùlius* *).

Эти примѣры мы потому назвали болѣе ясными, что на нихъ выказывается такое же соотвѣтствіе вокальныхъ полярностей, какое мы уже признали за живымъ великорусскимъ языкомъ. Такъ, съ точки зрѣнія всего вышесказаннаго, прусское правописаніе *luysis* представляется гораздо болѣе раціональнымъ чѣмъ литовское *lúszis*.

Полифтонги въ полабскомъ нарѣчіи.

Прекрасный трудъ Шлейхера о полабскомъ языкѣ **) даетъ возможность наглядно обозрѣть фонетику этого весьма интереснаго нарѣчія. Изо всѣхъ славянскихъ діалектовъ мы потому даемъ предпочтеніе языку Полабскихъ славянъ, что онъ болѣе другихъ представляетъ обильное поле для нашихъ цѣлей. Въ немъ мы больше встрѣчаемъ полифтонговъ чѣмъ во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ. Этотъ фактъ былъ бы необъяснимъ еслибы на помощь не приходила намъ теорія, высказанная Іоганнесомъ Шмидтомъ въ его брошюрѣ о родственныхъ отношеніяхъ индо-европейскихъ языковъ ***). Хотя, излагая однажды содержаніе вышепомянутой брошюры †), мы не рѣшились отнестись къ ней съ полной вѣрой въ ея непогрѣшимость, однако въ данномъ случаѣ невольно приходитъ на мысль географическое сосѣдство Полабскихъ славянъ съ племенами германскаго корня, въ языкахъ которыхъ

---

*) Паули, l. c. стр. 431.

**) Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache. Петербургъ 1871.

***) Die Verwartschaftsverhältnisse der Indo-germanischen Sprachen von Iohannes Schmidt. Weimar 1872.

†) См. нашу статью „Три экскурса въ области языковѣдѣнія“ (Русскій Вѣстникъ, ноябрь 1877 года) глава I.

вообще гораздо болѣе замѣтно склонности къ *выпѣванію* звуковъ чѣмъ въ нарѣчіяхъ нашей семьи *).

Ц.-сл. ъ появляется въ полабскомъ въ видѣ *a, aa, o, oa, oo* **). Напр. къ = пол. *ka, koa*; дъждь = *dâst, doúst, doast;* ръть=пол. *rât, roat, roath, raath;* окръстъ = пол. *wackaarst, wakóarst, wahârst, wakôrst.* Иногда появляется полифтонгъ даже тамъ гдѣ въ ц.-сл. нѣтъ никакой гласной, и именно послѣ нѣмыхъ мгновенныхъ (здѣсь гласная собственно есть, согласно тому что мы сказали про образованіе слога. Но важно то что трудно было бы ожидать на этихъ мѣстахъ полифтонги, когда достаточно было бы монофтонга). Напр. *popadóalsa* = попа(д)лъ ся. Въ другихъ случаяхъ появляется монофтонгъ: *täu krodahl* ты кра(д)лъ, хотя и здѣсь *h* (внесенное нѣмецкимъ писцомъ) указываетъ на долготу и нечистый тембръ гласной.

Ц.-сл. ь соотвѣтствуетъ въ полабскомъ *a, e, o*, обыкновенно со смягченіемъ предшествующей согласной, слѣдовательно въ сущности мы имѣемъ здѣсь опускающійся полифтонгъ. Такъ, напр. ц.-сл. мьгла отвѣчаютъ въ пол. *meágla, miógla, miocla.* Ц.-сл. пьсъ является въ полабскомъ въ видѣ: *pyas piâs, pijahss, piõs.* Мн. число отъ этого слова звучитъ *passay, pjessi,* и притомъ такъ, что та рукопись, которая даетъ *piâs*, представляетъ *passay*, а та, въ которой мы читаемъ *pijahss*, даетъ намъ *pjessi* ***). Это соотвѣтствіе очень важно,

---

*) О вліяніи нѣмецкихъ нарѣчій на консонантизмъ полабскаго Шлейхеръ говоритъ на стр. 123, хотя и въ очень нерѣшительныхъ выраженіяхъ.

**) Мы должны предупредить читателя, что всѣ нижеприводимые примѣры пишутся нами такъ какъ они пишутся въ памятникахъ, а не по той транскрипціи которую изобрѣлъ для нихъ Шлейхеръ.

***) Шлейхеръ стр. 41.

Тоже самое повторяется и съ *e*: передъ слогами высокой полярности оно часто уступаетъ мѣсто *i*, а передъ слогами низкой (напр. когда за ними слѣдуетъ слогъ съ *o*) оно не только не появляется въ памятникахъ въ видѣ *i*, но даже обращается въ *a*, напр. *tangnato* =тангета (3 дв.) *sammatona* сметана и т. д. (Шлейхеръ стр. 50, 51).

такъ какъ указываетъ на зависимость полифтонга корня отъ полярности гласной исхода (ср. д.в.н. *vatar* отецъ и *vetir* отцы). Впрочемъ объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Не менѣе интересны для насъ и полабскія замѣны ц.-сл. *о*. Въ началѣ словъ къ этому *о* присоединяется обыкновенно *v* (что̀ бываетъ часто и въ другихъ предѣлахъ славянской рѣчи, ср. напр. русское *восемь*). Ц.-сл. **отрокъ** является въ полабскомъ въ видѣ: *woatrik, woatrick, wâtrik, wódrük;* **опако** въ видѣ: *woapak, wapak*; **вода** въ видѣ: *wóada, woda, vóda;* **козъ** въ видѣ: *woasa, wahss*; **коскъ**, въ видѣ: *woask; seiwóatak* (сердце) не имѣетъ себѣ ц.-сл. коррелата. Если бы онъ былъ, то онъ звучалъ бы ***животъкъ**. Но начальное *о* появляется въ полабскомъ нерѣдко и въ формѣ *vi*, напр. въ *vinnéy* = **они**. При этомъ можно замѣтить то же соотвѣтствіе между качествомъ полифтонга и полярностью исходной гласной. Такъ, *oko* звучитъ по полабски *watgy, watgi* (по видимому *y, i* представляютъ изъ себя полярность низкую, такъ какъ не оказываютъ смягчающаго дѣйствія на согласную. Можетъ быть, они звучали здѣсь какъ наше *ы*, или какъ *i* въ нѣм. *Tisch*). Но множественное число отъ этого же слова являетъ намъ совершенно другую гласную въ корнѣ: *witséssa* = **очеса**, *witsey* (двойств.) = **очи**. Шлейхеръ самъ на пути къ признанію такой зависимости, хотя не рѣшается окончательно признать ее въ виду такихъ дублетовъ какъ *wirre* и *wahre* (= **орѣть**) *).

а передается въ полабскомъ по большей части монофтонгами **) и потому представляетъ для насъ менѣе интереса.

Замѣны **н** подвержены дѣйствію очень простаго и чрезвычайно точно дѣйствующаго закона, крайне для насъ важнаго. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: **н** внутри и въ концѣ реченій, подъ ударенiемъ, обращается въ *ai* (*ei*); то же самое обращеніе претерпѣваетъ внутреннее **н** и въ слогахъ предшест-

*) § 32 (стр. 64).

**) См. §§ 37—42.

вующихъ ударенію. Изъ множества примѣровъ, собранныхъ у Шлейхера *) приведемъ нѣсколько:

нить = *neit*; **листъ** = *leist*; **лисица** = *leiseitza*; **жито** (по полабски ὀξύτονον) *seitó*; **оуши** (ὀξύτονον) = *waussáy* и т. д.

Всякое внутреннее и конечное и, не стоящее въ вышесказанныхъ условіяхъ, остается какъ *i* (*e*): **напити** = *nópit* (ср. **пити** = *pcit*) **прибити** = *preibit* (ср. *preibety*=**прибитъ** прич.) **карить** (παροξύτονον)=*wore* и т. д. Исключенія изъ этого закона незначительны.

Можно было бы ожидать, что нѣчто подобное встрѣтится и относительно оу. Пфуль, замѣчанія котораго о языкѣ Люнебургскихъ Полабовъ **) даже при своей сжатости и краткости могутъ все-таки дать нѣкоторое понятіе о занимающемъ насъ нарѣчіи, говоритъ ***): «точно такъ же и *и*, *и притомъ снова подъ ударенiемъ*, появляется нерѣдко въ видѣ *аи* и *еи* или же какъ *оі*»... Но Шлейхеръ, болѣе подробно изучившій полабскую фонетику, положительно отрицаетъ вліяніе на дифтонги замѣняющіе ц.-сл. оу (*аи*, *ои*, *еі*, *еу*, *оу*, *оі*) какъ слѣдующихъ за ними звуковъ такъ и ударенія †). Съ этимъ не трудно согласиться a priori, если принять въ соображеніе, что обще-славянскій языкъ (на сколько по крайней мѣрѣ приложимо свидѣтельство церковно-славянскаго) унаслѣдовалъ отъ индо-европейской рѣчи одни долгія *и*, слѣдовательно уже какъ бы дифтонгированныя и неспособныя къ дальнѣйшимъ усиленіямъ. Читатель имѣлъ бы полное право сказать, что мы противорѣчимъ собственнымъ словамъ, говоря объ *усиленіи* звука. Изъ того, что мы сказали нельзя вывесть убѣжденія что мы такое усиленіе признаемъ. Но вѣдь мы отвергали его лишь какъ словообразовательное средство.

Намъ осталось разсмотрѣть полабскія замѣны ѣ и ъ.

---

*) §§ 44—47.

**) Beitr. V, 194 слл.

***) Стр. 116.

†) Стр. 108 въ концѣ.

Замѣны *ѣ* потому пріобрѣтаютъ для насъ особенную важность, что, подобно вышеуказаннымъ случаямъ съ *ъ* и *о*, онѣ представляютъ тѣсную зависимость своихъ полифтонговъ отъ полярности гласной исхода. Такъ напр. лѣсъ звучитъ по полабски *ljôs* но лѣси (мн. ч.) будетъ уже *lessáy* (должно замѣтить, что здѣсь *i*, хотя, согласно правилу, иподнимающееся надъ удареніемъ до *ai*, все-таки настолько помнитъ о своей высокой полярности что не рѣшается перейти въ своемъ новомъ видѣ въ областъ низкой полярности). Пол. *bjol, bjola, biola* (бѣлъ) обращается въ *bêle, bêlt* (неопр. накл. вм. **belet* или **belit,* бѣлити); *sjoní* сѣно (о низкой полярности *í* сказано было выше) даетъ изъ себя прилагат. *senéna* = сѣньнъй; рядомъ съ *mioró* = мѣра 3-е лицо ед. наст. звучитъ *mere, mehre* = мѣрити. Слово свѣтъ даетъ въ полабскомъ даже три ступени полифтонга: мы встрѣчаемъ *syôt* (свѣтъ), *no swaté* (на свѣтѣ) и *swete* (свѣтити 3 л.) Гласныя *ô, a, e* мы потому здѣсь называемъ полифтонгами, что вопервыхъ, всѣ онѣ выражаютъ собою долгій звукъ (ср. скр. çvêta); во вторыхъ этотъ долгій звукъ склоняется, сгибается подъ вліяніемъ сосѣднихъ съ нимъ звуковъ. Онъ не можетъ слѣдовательно быть гомогеннымъ на всемъ своемъ протяженіи; другими словами, онъ не можетъ быть монофтонгомъ.

Совершенно аналогическое явленіе замѣчаемъ мы и въ тѣхъ случаяхъ, когда ц.-сл. ѣ соотвѣтствуетъ въ полабскомъ *ia, a* (т. е. *a* съ предшествующей мягкой согласной). Стоитъ сравнить *môm* (имамь) или *né mam* (нѣ имамь) съ *mét, meht* (имѣти); *eyriazona* (оүрѣзанъй) съ *eyrése* (*оүрѣзѣти) и под.

Ц.-сл. ѣ соотвѣтствуетъ въ полабскомъ еще и *e, eh* (по Шлейхеру *ë,* т. е. *e-fermé* французовъ) и *i*. Эти послѣдніе случаи, какъ не являющіе намъ графически очевидныхъ полифтонговъ, не интересуютъ насъ, ибо при нихъ мы должны лишь догадываться о полифтонгаціи, не видя ея изображенною на письмѣ.

Замѣны ѣ въ томъ смыслѣ интересны для лингвиста, что

звукъ этотъ повидимому совершенно слился съ и *). Это доказывается вопервыхъ тѣмъ, что знаки, его выражающіе, почти во всѣхъ случаяхъ одинаковы со знаками выражающими и; во вторыхъ, и главнымъ образомъ, тѣмъ что ъі получаетъ способность подниматься до *oi, oy, iu, ei, ai, ay,* совершенно при тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ и (подъ удареніемъ, или въ слогѣ предшествующемъ удареню) Такая его способность окончательно роднитъ его съ и, и потому дѣлаетъ для насъ подробное изложеніе его судебъ въ полабскомъ нарѣчіи—излишнимъ.

Полифтонги въ церковно-славянскомъ нарѣчіи

При рѣзкомъ отвращеніи церковно-славянскаго языка отъ полифтонговъ (вѣрнѣе сказать: отъ долгихъ гласныхъ) мы изначала не должны надѣяться на значительную поживу въ этой области. Тѣмъ не менѣе есть нѣкоторые вопросы, обсудить которые мы считали бы нелишнимъ, и именно о двоегласныхъ ъі и ѣ.

Экскурсъ I—Ъі.

Во первыхъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что знакъ этотъ изображаетъ собою звукъ, не бывшій въ началѣ монофтонгомъ. Давно доказано (и физіологія вполнѣ подтверждаетъ это положеніе) что ъі есть не что иное какъ сложеніе $u + i$. Хотя Миклошичь и отвергаетъ, что литовскіе примѣры вродѣ *kùila, mùilas, smùikas, mùita* имѣли какое нибудь самостоятельное значеніе (онъ ихъ всѣ принимаетъ за заимствованія изъ русскаго **), однако, если даже и соглашаться съ его мнѣніемъ, все-таки оказывается, что звукъ ъі производилъ на

*) Ср. Шлейхера, стр. 99.

**) Ср. грамм. I² стр. 151. Эти заимствованія однако еще раньше были замѣчены Шлейхеромъ (см. Beitr. V стр. 115—117).

Литвина впечатлѣніе не монофтонга, а дифтонга. Ни на минуту нельзя думать, чтобъ ухо Литвина теоретически разлагало ы на его составныя части (*и* и *і*); народъ, въ своихъ безсознательныхъ операціяхъ, не поступаетъ такъ тонко; онъ не задумался бы обратить чуждый ему славянскій звукъ въ какое нибудь *û* и *î* *) еслибъ онъ слышалъ на этомъ мѣстѣ монофтонгъ.

Очень интересенъ вопросъ: когда ы перестало быть дифтонгомъ? Что оно еще долго существовало въ этомъ видѣ послѣ обобщенія славянскаго языка, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, глаголическій списокъ Евангелія, именуемый Зографскимъ, недавно изданный проф. Ягичемъ **). Въ этомъ спискѣ встрѣчается пять знаковъ для обозначенія ы: ꙋꙋ (по транскрипціи Ягича ы), ꙋꙋ (ъь), ꙋꙋ (ъи) и наконецъ ы и ы (въ той части списка, которая писана кириллицею). Знаки ъи ы и ы повидимому не представляютъ никакого звуковаго различія. Одни и тѣ же слова часто пишутся то съ однимъ изъ нихъ, то съ другимъ, то съ третьимъ, Напр. **бывшаа** и **бъившаа** (Матѳ. XVIII, 31) **бывъшоу** (Матѳ. XX, 8) **бывъ** (Марка IX, 33) **бъıстъ** (во многихъ мѣстахъ) и **бъıстъ** (Мѳ. XIX, 8) или: **прѣлюбы** и **прѣлюбъи** (Матѳ. XIX, 9) **слышавъше** (Матѳ. XIX, 25) **слышавъ** (Матѳ. XIX, 22) и даже **сльишавше** по поправкѣ Ягича (Матѳ. XX, 24) **вы** (Матѳ. VI, 9; Марка XI, 17), **въи** (Мѳ. XIX, 28) **вы** (ibid) и т. д. ***). Но если между знаками: **ъи**, **ы**, **ы** и **ы** не наблю-

---

*) Что̀ онъ и сдѣлалъ напр. въ словѣ *kytrus* которое есть парафраза ц.-сл. **хытръ** (см. Миклош. Lexicon palaeoslovenicum s. v.) Не есть ли это впрочемъ наше *хитрый* или даже *хитеръ*? Во всякомъ случаѣ правильнѣе всѣ эти заимствованія приводить въ связь со спеціально-русскими формами чѣмъ съ церковно-славянскими.

**) Quattuor Evangeliorum codex glacoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Edidit V. Jagič. Berolini MDCCCLXXIX.

***) Въ Ассеманіевомъ евангеліи тоже не наблюдается никакихъ правилъ въ употребленіи знаковъ: ꙋꙋ (ъи) и ꙋꙋ (ъı). Такъ напр. Ассем. кодексъ пишетъ **бъıше**, **бъıстъ** и **въıстъ** на пространствѣ одно-

дается различія, то между знаками ы и ъь оно существуетъ несомнѣнно. Самый важный относящійся сюда фактъ есть тотъ, что Заграфское евангеліе нигдѣ не ставитъ ъь въ корняхъ словъ, а всегда ы. Область, въ которой наибольшее приложеніе имѣетъ знакъ ъь есть область приставокъ и словообразованій.

Изъ числа примѣровъ достаточно указать на слѣдующіе: **мрътвъь** им. ед.; **малъьхъ, мрътвъьхъ, ꙁъванъьмъ, невѣрънъьми** *). Кромѣ того въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ (въ сложныхъ словахъ) встрѣчаются ъ и і всегда появляется ъь: напр. **въьнѫ** (Лук. XXIV, 53) **отъъьметъ** (Марка II, 20; IV, 15, 25; Лук. X, 42), **отъьмѧтъ** (Лука XIX, 26). То обстоятельство, что ъь не встрѣчается вовсе въ корняхъ, очень важно. Въ силу его возможнымъ становится полагать, что ы звучало какъ монофтонгъ, а ъь какъ дифтонгъ.

Къ такому результату приходитъ Ягичъ **). Но то обстостоятельство, что въ префиксахъ и суффиксахъ весьма часто стоитъ ы, и даже чаще чѣмъ ъь, наводитъ на необходимость нѣсколько ограничить вышеприведенное опредѣленіе. Поелику рядомъ съ **мрътвъь** (им. пад.) встрѣчаются **вѣрънъı, мѫдръı** (Лук. XII, 42); рядомъ съ **селънъьхъ** (Лук. XII, 27: здѣсь придыханіе на ь ясно указываетъ на дифтонгичность всего комплекса), съ **ꙁъванъьмъ** (Лук. XIV, 17) **невѣрнъьми** (ibid 46) встрѣчаются: **ꙁванъıхъ** (Лук. XIV, 8), **ꙁъванъıмъ** (ib. 7), **ꙁъванъıми**, то мы не вправѣ уже говорить что ы вездѣ монофтонгъ: оно монофтонгъ лишь въ корняхъ, гдѣ оно никогда не чередуется съ ъь, а въ суффиксахъ оно дифтонгъ, если только само ъь дифтонгъ. Но это

го и того же стиха (Іоанна I, 3); **бънстъ** (Іоан. I, 10) и **въıстъ** (ib. 14); **иноуѩдъıи сынъ сънı** (ib. 18).

*) См. Введеніе Ягича глава XIV (стр. XXIV).

**) „in ъı quasi duplex sonus est, ut sit vera diphongus, ы simpliciter sonat, eodem scilicet modo ac russicum ы, in *сынъ*. Itaque codex noster in radicibus verborum nunquam plane ъı semper ы habet .. contra in praefixis aut suffixis ubi ъ cum и conveniunt persaepe ъь quamvis aliquanto rarius quam ы invenitur, (Введеніе, стр. XXIV).

послѣднее можно считать доказаннымъ. Такія написанія какъ: таковъі́хъ (Марка IX, 37) сєлънъі́хъ (Луки XII, 27) съ дыханіемъ на ь способны особенно утвердить насъ въ этомъ мнѣніи *).

Итакъ, если ы въ корняхъ есть самостоятельный, цѣльный звукъ, то ъь и ы въ приставкахъ—правильный полифтонгъ. Хотя мы и не можемъ его представить себѣ какъ совершенно чистое *и* + *і* (сравни литовскіе примѣры), однако мы все-таки вправѣ признавать его за продуктъ нѣкоего красиса изъ гласной низкой полярности и гласной высокой полярности.

При какихъ же условіяхъ происходитъ этотъ красисъ? Очевидно что не при всякихъ. Хотя Ягичъ и приравниваетъ мрътвъь къ русскому написанію *мертвой* **) однако такія слова какъ: мои, свои, не думаютъ обращаться въ мы, свъь, равно какъ и повелительныя наклоненія: помилоуі (Мѳ. XX, 30 при помилоуи ib. 31) радоуіса (Мѳ. XXVIII, 29) радоуіта са (ib. XXVIII 9) и т. д. всегда сохраняютъ свою форму. Какая же причина препятствовала этимъ формамъ развить ъь подобно множеству другихъ, совершенно аналогическихъ формъ, развившихъ его и проведшихъ по большинству современныхъ славянскихъ нарѣчій? Удареніе здѣсь повидимому ни въ чемъ не повинно, такъ какъ звукъ ъь появляется и въ слогахъ предъ удареніемъ, и подъ нимъ, и послѣ него. Съ другой стороны, при тѣхъ же условіяхъ *у*+*і* часто остаются раздѣльными, ср. напр. русскія слова: *бѣ́лымъ*, *слы́шать*, *услыха́ть* и слова: *ра́дуйся*, *балу́й*, *Балдуи́нъ* (у Даніила Паломника *Балдвинъ*, не *Балдынъ*), *уйми́*. О славянскихъ удареніяхъ судить труднѣе, такъ какъ древнѣйшіе списки не имѣютъ для него никакихъ знаковъ.

---

*) Если въ строкѣ: ӑште обложатъ камєнь жръновъны о̆ вы є̆го (Марка IX, 42) слово вы вм. вын не есть грубая ошибка писца, то этотъ случай можетъ служить вѣскимъ свидѣтельствомъ въ пользу дифтонгичности и ы въ суффиксахъ.

**) Стр. XXV.

Все однако заставляетъ думать, что первоначально ы являлось лишь въ слогахъ подъ удареніемъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ такихъ словахъ какъ *бѣ́лымъ*, *услыха́ть* всегда возможно прійти къ первоначальной формѣ * *бѣлъи́мъ*, *у-слы́шу* въ которыхъ занимающая насъ часть слова окажется подъ удареніемъ. Такимъ образомъ мы весьма близки къ тому предположенію, что слав. ы представляетъ изъ себя всегда звукъ первоначально долгій. Эту истину уразумѣлъ Іоганнесъ Шмидтъ *), но не уразумѣлъ Шлейхеръ **), для котораго ы есть парафраза индо-европ. *и*, т. е. того самаго (краткаго *и*) которое онъ признаетъ однимъ изъ трехъ «столповъ» вокализма. Лескинъ ***) тоже не противорѣчитъ этому мнѣнію.

Въ тѣхъ немногихъ славянскихъ примѣрахъ, въ которыхъ, при несомнѣнномъ тождествѣ ихъ съ санскритскими, не появляется никакихъ другихъ запутывающихъ дѣло звуковъ, (такими словами не могутъ быть глаголы) нашему ы всегда соотвѣтствуетъ долгое *и* въ санскритѣ. Такъ:

Славянскому-	быть †)	соотвѣтствуетъ	скр.	*bhūti f.*
»	дымъ	»	»	*dhūmas.*
»	нынѣ	»	»	*nūna-m.*
»	сынъ	»	»	*sūnu-s.*
»	мышь	»	»	*mūš*, *mūša*, *mušī*

Этимъ образованіемъ ы изъ *ū* не исчерпывается конечно вся область случаевъ въ коихъ появляется ы. Это образованіе мы можемъ назвать какъ бы *предъ-славянскимъ*, т. е. такимъ, съ появленіемъ котораго, на ряду конечно съ другими столь же спеціальными явленіями, и появился тотъ го-

---

*) Voc. I, стр. 177. Впрочемъ его разсужденія относятся только къ ы въ окончаніи гдѣ оно замѣняетъ *ans*.

**) Comp. § 82 стр. 122 и еще § 84 стр. 125.

***) См. напр. Die Declination im Slavisch-littauischen und Germanischen. Лейпцигъ 1876 стр. 104: „slav. *syny*=**sununs*, *vluky*=**vilku-ns*“ и въ др. мѣстахъ.

†) Въ сложеніяхъ вродѣ забыть, побыть и т. д. Ср. Фикка Слов. I³, стр. 161.

воръ который мы именуемъ славянскимъ. Есть еще множество случаевъ, въ коихъ ѣ образовалось гистерогенически, т. е. уже на почвѣ обособившейся славянской рѣчи. Таковы всѣ ѣ въ приставкахъ и суффиксахъ, причемъ мы должны различать двѣ категоріи: 1) ѣ изъ очевиднаго ъ+ї произшедшее, и ѣ изъ **an* (по Шлейхеру) или **ans* (по Іоганессу Шмидту *). Въ фонетическомъ отношеніи, эту послѣднюю категорію можно безошибочно отнесть къ первому роду ѣ (изъ *ū*) или ѣ *корневому* **). Рядомъ съ этими родами ѣ стоятъ еще ѣ изъ *i* происшедшія, или вѣрнѣе, такія ѣ которымъ соотвѣтствуютъ *i* прочихъ языковъ. Къ этому разряду, кромѣ суффикса ѣнн (рабѣнн, книгѣнн: въ герм. нарѣч. здѣсь является *in*) принадлежитъ еще неотдѣляемый префиксъ вѣ-, которому мы видимъ соотвѣтствіе въ санскритской частицѣ *vi*. И вотъ почему:

По Боппу (Крит. грамм. стр. 77, 78) предлогъ *vi* имѣетъ слѣдующія значенія: «удаленіе разлученіе, отдѣленіе, разсѣяніе» (ср. наши *вы-ити*, *вы-рвать*, *вы-гнать* и т. д.) «часто однако онъ оставляетъ основное значеніе глагола безъ перемѣны, или усиливаетъ его, выражая при этомъ распространеніе (Verbreitung)». Тоже самое значатъ и наши: *вы-топтать*, *вы-спѣть*, *вы-красить*, *вы-стлать*; даже въ переносныхъ значеніяхъ санскритъ иногда поразительно сходится со славянскимъ: напр. *bhárāmi* значитъ ношу, а *vibhárāmi* («ertragen») значитъ *вы-ношу*, какъ напр. въ слѣдующей фразѣ: *vibhartum tava teǧo 'rdham na çakšyāmaḥ* (MBhar. VIII, 1463): «мы не въ силахъ будемъ *вынести* и половины твоего блеска». Если двумъ послѣднимъ изъ приводимыхъ Боппомъ значеній *vi: vípriya* непріятный и *vímaḥat* очень великій не находится буквальныхъ соотвѣтствій въ славянскомъ языкѣ, то это, намъ кажется, лишь вслѣдствіе неправильно понятаго значенія санскритскихъ примѣровъ. Такую разнообразную

*) Замѣть однако возраженія Миклошича на это правило Шмидта (Lautlehre стр. 155).

**) Ср. Іоганнеса Шмидта Voc. I, стр. 149, и также. I, 177.

силу *vi* получило не потому, чтобъ дѣйствительно обладало способностью замѣнять въ однихъ случаяхъ отрицат. частицу *a*, а въ другихъ усил. частицу *su*, но потому что въ прилагательныхъ: *vipriya vimahant* инвольвированы цѣлыя предложенія, какъ бы въ родѣ слѣдующихъ: «вы-ходящій изъ числа пріятнаго», «вы-ходящій за предѣлъ большаго».

Послѣ всего вышесказаннаго трудно намъ кажется сомнѣваться въ тождествѣ санскр. частицы *vi* и слав. **вы**, хотя ни Фикъ и кто другой изъ извѣстныхъ намъ этимологизаторовъ не дѣлаютъ этого сближенія. Нѣкоторые думаютъ видѣть въ **вы**-разойтися русск. частицы *y*. Не рѣшаемся судить окончательно.

Такимъ образомъ оказывается что слав. **ы** имѣетъ три происхожденія. Оно есть: 1) парафраза основнаго *ū*, 2) продуктъ сложенія *u*+*i*, 3) коррелатъ германскаго-индійскаго *i* (послѣднее въ томъ случаѣ если наше объясненіе частицы *vi* вѣрно). Мы сказали что **ы** въ корняхъ звучало монофтонгически. Это несомнѣнно относительно эпохи непосредственно предшествовавшей древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ. Но такъ ли это было и *до* указанной эпохи? Мы почти готовы утверждать что нѣтъ. Доказать этого конечно нѣтъ никакой возможности. Но *вѣрить* въ это почти слѣдуетъ. И вотъ на какомъ основаніи. Почему нашъ славянскій языкъ не могъ бы помириться съ долгимъ *y*? Вѣдь не претворялся же этотъ звукъ въ прочихъ языкахъ индо-европейской семьи. Отчего же онъ претворился въ славянскомъ? Ходячія теоріи не даютъ на это никакого отвѣта и всякія ученія по этому поводу неизбѣжно носятъ характеръ догматизма *)

Физіологическое объясненіе **ы** данное Миклошичемъ **) (ы есть де неопредѣленная гласная Лепсіуса, e_o, только энергически произнесенная), и съ другой стороны его заявле-

*) См. напр. Миклошича Lautlehre 149—152.

**) L. c. стр. 149.

ніе *) что толкованіе ы какъ продукта сложенія *u*+*i* не вѣрно физіологически—оба эти положенія знаменитаго слависта совершенно неправильны. Мы приглашаемъ его сдѣлать тотъ же простой опытъ посредствомъ котораго намъ удалось однажды заставить кореннаго нѣмца, проф. Германна Якоби, произнесть совершенно чистое славянское ы: стоитъ только приготовиться сказать *u*, и затѣмъ, не перемѣняя положенія языка, но единственно раздвинувъ губы, произнесть *i*: выйдетъ тотъ самый звукъ который въ русскомъ выражается знакомъ *ы*, въ польскомъ *y*, и который по всѣмъ вѣроятіямъ соотвѣтствуетъ тому звуку церковно-славянскаго языка (ы) который мы признали за принадлежность поздней (предлитературной) даты этого нарѣчія. На какомъ основаніи поэтому Миклошичъ говоритъ: «представленіе, что ы есть звукъ составленный изъ *ъ* и *i* (*ъ* у Миклошича=основному *u* **) по моему разсужденію физіологически невѣрно,» мы рѣшительно не въ силахъ себѣ объяснить. Очень можетъ быть, впрочемъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе слѣдующимъ обстоятельствомъ. Если произнесть Лепсіусовъ неопредѣленный гласный звукъ (для этого достаточно подготовить языкъ для *o* но губамъ дать артикуляцію для *e*) не просто, а съ достаточной энергіей, т. е. громко и быстро, тогда выйдетъ нѣчто весьма похожее на *ы*. Однако это лишь физическій обманъ. Дѣло въ томъ, что если энергично произнесть даже простое *o*, то звукъ получитъ окраску весьма близкую къ *u*. Точно такъ же, при энергичномъ произнесеніи *e*, мы получимъ гласную близкую къ *i*. Наблюдая это интересное явленіе мы думали сначала, что оно объясняется какимъ нибудь измѣненіемъ въ мышечной системѣ щекъ и языка, происходящемъ отъ болѣе сильнаго напряженія мышцъ грудной полости. Но это совершенно невѣрно. Причина здѣсь — чисто физическая. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности ясно изложить тотъ акустическій процессъ который вызываетъ

*) Ib. стр. 151.

**) Стр. 141, 142.

эти явленія; повидимому онъ даже невполнѣ выясненъ самой физикой. Единственное что мы можемъ сказать по этому поводу, такъ это то, что свойство полости нашего рта можно въ извѣстномъ смыслѣ сравнить со свойствомъ простыхъ деревенскихъ дудочекъ, которыя при слабомъ вдуваніи въ нихъ воздуха даютъ одинъ звукъ, а при болѣе сильномъ другой (иногда отстоящій на цѣлую октаву).

Такимъ образомъ оказывается, что появленіемъ *ы* при энергичномъ произношеніи Лепсіусова e̊ мы обязаны исключительно измѣненію обѣихъ составныхъ частей его, въ смыслѣ приближенія ихъ къ обоимъ полюсамъ вокализма, (*u* и *i*), что имѣетъ своимъ слѣдствіемъ естественное появленіе нашего ы (*u*+*i*) *).

Итакъ, несомнѣнно что слав. **ы** есть продуктъ сложенія изъ *u* (представляемаго здѣсь начертаніемъ **ъ**) и *i*. Подобно тому какъ въ Индіи изъ *nara*+*indra* вышло *narendra*, такъ точно и въ области славянской рѣчи изъ **къ**+**нж** образовалось **кынж**. Процессъ сложенія и здѣсь и тамъ совершился крайне схоже. При быстромъ сочетаніи обоихъ элементовъ, языкъ въ своихъ движеніяхъ словно отстаетъ отъ губъ; въ то время какъ эти послѣднія переходятъ уже къ артикуляціи втораго звука, языкъ на мгновеніе остается при своемъ прежнемъ положеніи, отчего и происходитъ красисъ, продуктомъ котораго является новый, не бывшій дотолѣ звукъ.

Если спросить теперь: тотчасъ ли появляется этотъ новый звукъ, или оба элемента его еще пребываютъ нѣкоторое время въ слито-раздѣльномъ состояніи—то отвѣтъ будетъ конечно на сторонѣ втораго предположенія. Уже Боппъ, и при-

*) Невозможность толкованія Миклошича выступаетъ уже изъ того, что нѣтъ никакихъ средствъ объяснить, почему тѣ слоги, въ которыхъ изъ **ъ** должно было развиться **ы**, произносились съ усиленной энергіей: „es sind dies fälle, in deren dem **ъ** eine energischere aussprache nothwendig zukommen muss“ (стр. 150) причемъ приводится въ примѣръ прилагательное **добрын**, которое однако мы, русскіе, произносимъ совершенно легко не дѣлая никакого ударенія на слогѣ съ **ы**.

томъ еще въ первомъ изданіи своего безсмертнаго труда, сдѣлалъ замѣчаніе *) о предполагаемомъ имъ выговорѣ индійскихъ $\bar{e}$ и $\bar{o}$, которые, по его мнѣнію, въ древнѣйшее время звучали какъ дифтонги *ai* и *au*. Совершенно такое же предположеніе вправѣ мы сдѣлать и относительно нашего ы, такъ что рядъ развитія былъ по всѣмъ вѣроятіямъ такой: два звука: къ нижъ, (къ ижъ); дифтонгъ: къниж, къиж (Остромиръ), монофтонгъ: кыиж (Ассем.) **) Точно также и въ суффиксахъ: добрѣ нхъ (ихъ), добрѣнхъ(-ыхъ) добрѣнхъ (ыхъ), добрѣхъ.

Но вѣдь это все относится только къ ы въ сложеніи и ы въ суффиксахъ. Вправѣ ли мы еще предположить, что ы въ корняхъ было первоначально тоже дифтонгомъ? Да вправѣ. Миклошичъ полагаетъ ***), что онъ блистательно опровергъ такое предположеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство литовскихъ словъ представляющихъ *ui* на мѣстѣ слав. ы заимствовано изъ русскаго. Намъ кажется наоборотъ, что фактъ этого заимствованія блистательнѣйшимъ образомъ говоритъ въ пользу вышеизложеннаго предположенія. Если-бы всѣ слова какъ *smuikas* и *смыкъ*, *muilas* и *мыло* и т. д. имѣли лишь общее индо-европейское родство, тогда можно было бы говорить, что общій звукъ $\bar{u}$ въ литовскомъ получилъ форму *ui* а въ славянскомъ далъ отъ себя рефлексъ въ видѣ монофтонга ы. Но когда очевидно, что литовскія рѣченія заимствованы изъ славянскаго, то гораздо правильнѣе намъ кажется, судить о погибшемъ звукѣ по оставшемуся отъ него отголоску.

Можно возразить однако, что литовскій языкъ, передавая черезъ *ui* несвойственный ему славянскій монофтонгъ, лишь разложилъ его на его составныя части. Такъ; но поелику мы видѣли, что *u* и *i* единственно вѣрныя физіологически состав-

*) Ср. грамм [1] § 688 (стр. 943 и 944). Шлейхеръ, какъ извѣстно, еще далѣе развилъ это положеніе, возведя его на степень закона.

**) См. Миклошича стр. 155.

***) Стр. 151.

ныя части звука ъ, то не слѣдуетъ ли изъ этого, коль скоро онъ такъ легко на нихъ распадается, что онъ столь же легко изъ нихъ и составился? И наконецъ: о мертвыхъ языкахъ мы можемъ судить лишь по начертанію оставшихся отъ нихъ памятниковъ. Почему, встрѣчая въ иныхъ старыхъ рукописяхъ *ui*, мы принимаемъ это сочетаніе за дифтонгъ, а встрѣчая въ старыхъ славянскихъ рукописяхъ сочетаніе ъи мы должны принимать его за монофтонгъ? Развѣ знакъ ъи не въ такой же мѣрѣ сложенъ изъ ъ+и какъ знакъ *ui* изъ *u*+*i*? Если бы знакомъ ъи первосоздатели славянской письменности желали выразить: 1) монофтонгъ; 2) звукъ не похожій ни на *y* ни на *i*, то почему же они не изобрѣли для него какого нибудь спеціальнаго начертанія, коль скоро они сдѣлали это для прочихъ, не подходящихъ подъ схему греческаго алфавита славянскихъ звуковъ? *).

Миклошичъ говоритъ **): «Въ **сынъ** не привступаетъ *i*, а что̀ мы утверждаемъ относительно **сынъ**, то имѣетъ мѣсто и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ». Безспорно, такого рода соображенія могутъ сильно поколебать вѣру въ первоначальную полифтонгичность **ы**. Но намъ не мѣшаетъ помнить, что истинный выговоръ мертвыхъ языковъ для насъ навсегда потерянъ. Притомъ всякій знаетъ, что простое на видъ звукосочетаніи * *sunu* можетъ быть произнесено живымъ человѣкомъ на сотню различныхъ манеръ, всѣхъ оттѣнковъ коихъ не въ силахъ выразить даже самая совершенная теоретическая графика, и тѣмъ паче та несложная письменная систе-

---

*) Начертаніе нашего звука въ польской письменности (*y*) представляетъ, правда, только одинъ знакъ. Но онъ очевидно появился лишь послѣ окончательнаго сліянія обоихъ элементовъ звука. Въ болѣе древнихъ памятникахъ польской письменности мы находимъ *ui*, *ui* Premuiscel=**прѣмыслъ** (Миклош. стр. 531). Въ новословинскомъ нарѣчіи, въ которомъ **ы** соотв. *i*, древнѣйшіе памятники (Фрейзингенскіе отрывки) показываютъ *u*, *ui*, и под., даже *uji* (т.-е. *iji*) и *e* (mui = **мы**) стр. 326.

**) Ibid. стр. 151.

ам которую приняли Славяне отъ первоучителей своего христіанскаго закона. Очень можетъ быть, что тематическій исходъ *и* прежде чѣмъ исчезнуть, имѣлъ мягкую гласную (высокую полярность) въ своемъ началѣ, вслѣдствіе чего *п* стало тоже мягкимъ, и вызвало эпентетическое *і* передъ собою. Намъ скажутъ: мы строимъ воздушныя гипотезы. Но мы отвѣтимъ на это, что доказать твердость *п* въ * *sunu* также трудно намъ доказать его мягкость. Первое намъ кажется вѣроятнѣе только потому, что *п* твердо нынѣ; наоборотъ, если бы оно было мягко теперь, намъ прежняя твердость его казалась бы невѣроятной.

А что подобные переходы одной артикуляціи въ другую возможны—это хорошо извѣстно каждому слависту, хотя бы уже изъ частой смѣнѣ ъ съ ь, даже въ хорошихъ памятникахъ (напр, **азъ** при **азъ**, **домь** при **домъ**, **глазъ** при **глазь** **снѣдь** при **ѣдъ** τροφή и т. д. Остр.) *) Въ этихъ случаяхъ видятъ обыкновенно несовершенство графики; не правильнѣе ли будетъ отнесть ихъ къ несовершенству фонетики, т.-е. къ одинаковой возможности заканчивать согласныя краткой гласной высокой и краткой гласной низкой полярности? Но коль скоро это допущено, тогда предлитературныя * *sūnь*, * *dūmь*, не представляютъ уже ничего необычайнаго. А отъ этихъ формъ до * *suinь*, * *dūimь* и отъ нихъ до **сынъ**, **дымъ** —не болѣе одного фонетическаго шага. **)

---

*) См. Миклошича стр. 115, сл., 146, 5.

**) Прекрасную иллюстрацію такого отверденія конечной согласной послѣ слитія гласной корня съ гласной эпентезы, представляютъ намъ нѣкоторыя явленія романскихъ языковъ. Что *т* во французскомъ *j'aime* звучалъ мягко, доказываетъ тѣмъ, что онъ. 1) вызвалъ *і*-эпентезу въ корнѣ и 2) съузилъ *о* перваго лица до *е*. Послѣ же, когда *а* и *і* слились въ общій звукъ и дали открытое *е* (ä) представляющее низкую полярность, мягкій до толѣ *т* сдѣлался твердымъ звукомъ, какимъ мы его и слышимъ теперь въ устахъ любаго француза. Въ выговорѣ нѣмцевъ этого слова звукъ *е* обыкновенно является въ видѣ *e fermé* и *т* у нихъ остается мягкимъ: французы говорятъ *жэмъ*, нѣмцы *же̂мъ*.

Экскурсъ II-ѣ.

Если ы есть полифтонгъ поднимающійся, то ѣ есть несомнѣнно полифтонгъ опускающійся. Примѣры живыхъ славянскихъ языковъ доказываютъ это до степени очевидности (ѣ= болг. *ja;* сербо-хорв. *ije, je,* при *e* и *i* *); мало-росс. *iè, ìe ьji, ji,* русск. *je;* чешск. *e, é (i)* смягчающее предшествующую согласную, слѣд. *je;* польск. *ie, ia;* верхнелужицкое *ě* (по Пфулю **)=*i* въ нѣм. *mir,* кромѣ того *e, a, o, y;* нижнелужицкое *je;* если мы прибавимъ сюда вымершее полабское нарѣчіе, въ которомъ ѣ соотвѣтствуютъ: *'o, 'a, a, ë, i, jë, ja* ***), тогда окажется, что примѣры девяти славянскихъ нарѣчій говорятъ въ пользу пониженія полифтонга ѣ; лишь одинъ ново-слов. языкъ можетъ представить нѣкоторое сомнѣніе своимъ восточнымъ говоромъ, гдѣ по свидѣтельству Миклошича †) ѣ получило выговоръ близкій къ франц. *é,* т. е. *e*ᶻ *(ej);* но за то на западѣ оно звучитъ какъ *je* или же какъ *ī.*

Итакъ, исключеніе составляетъ лишь одинъ говоръ одного нарѣчія ††); на всемъ остальномъ пространствѣ славянскаго слова ѣ несомнѣнно ближе къ схемѣ * *i—a* чѣмъ къ схемѣ * *a—i.* Однако Шлейхеръ говоритъ †††): «ѣ (=первн. *ai* и удлинненію *e*) есть долгое, мягкое *e* (é fermé). Его, можетъ быть діалектическое, значеніе *ja,* а послѣ согласныхъ

---

*) О распредѣленіи этихъ діалектическихъ варіантовъ см. Микл. стр. 391.

**) Laut-und Formenlehre der Oberlausitzisch - Wendischen Sprache, стр. 9.

***) Шлейхеръ, Laut- und Formenlehre der Polab. Spr. стр. 83—98. *) означаетъ здѣсь смягченіе предыдущей согласной.

†) Стр. 310, 311. Ср. тоже 4, на стр. 312.

††) Если не обращать вниманія на полаб. *ė,* которое появляется преимущественно передъ мягкими согласными (сл. Шлейхера, стр. 89).

†††) Comp. ⁴ § 76, стр. 116.

a съ палатализаціей предыдущаго звука, повидимому, новое, такъ какъ кое-гдѣ сохранилось болѣе древнее *ê* при *ja* напр. ѵѣсъ при ѵасъ; за древность перваго ручается лит. *czèsas,* заимствованное изъ славянскаго; кор. ѣд- при ꙗд- (ср. лит. *ed).* Въ застарѣломъ македонскомъ говорѣ новоболгарскаго нарѣчія ѣ вездѣ слышится еще какъ *ë,* (т. е. какъ *e* склоняющееся къ *i* *)». Такъ какъ Миклошичъ не дѣлаетъ никакой оговорки относительно упоминаемаго Шлейхеромъ говора македонскихъ Болгаръ, то мы считаемъ себя вправѣ считать нѣмецкаго ученаго недостаточно извѣщеннымъ; тѣмъ не менѣе, перемѣняя названія, мы все-таки не можемъ отвергать того факта, что наряду съ понижающимся значеніемъ ѣ встрѣчается и повышающееся. Какъ же согласить выступающее при этомъ противорѣчіе? Съ одной стороны намъ говорятъ, что ѣ есть индо-евр. * *ai,* съ другой стороны, въ громадномъ большинствѣ случаевъ (которые было бы весьма рискованно называть вмѣстѣ со Шлейхеромъ «діалектическими варіантами»), ѣ оказывается * *ia,* или же монофтонгомъ, и ужь въ исчезающе рѣдкихъ случаяхъ e^i).

Если оба толкованія положить на вѣсы статистики, то безъ сомнѣнія перетянетъ то изъ нихъ, которое представляетъ ѣ полифтонгомъ опускающимся; если же держаться традиціональной доктрины, тогда придется принять за правило меньшинство и за исключеніе большинство. Миклошичъ дѣлаетъ компромиссъ, признавая за церк.-сл. ѣ *два* звука, *ja* и e^i (франц.) **).

Такое предположеніе, сколько бы ни защищалъ его величайшій славянскій лингвистъ, страдаетъ однако сильной степенью невѣроятности. Какъ объяснить себѣ, въ самомъ дѣлѣ,

---

*) Принятое Шлейхеромъ для слав языковъ обозначеніе *ê* не слѣдуетъ смѣшивать съ его обозначеніемъ *è* въ литовскомъ: первое выражаетъ *é* fermé, а второе *è* съ призвукомъ *ĕ*: (по Куршату *iè*). Въ Компендіумѣ ‘ стр. 132 (§ 90) мы находимъ еще третье значеніе лит. *ĕ,* какъ e^a, i^a, во всякомъ случаѣ полифтонгъ опускающійся.

**) Стр. 47.

что два такихъ различныхъ звуки какъ *ja* и *e'* могли выражаться однимъ и тѣмъ же знакомъ? То обстоятельство, что въ глаголицѣ для обоихъ этихъ звуковъ (ѣ и ꙗ) только *одинъ* знакъ, вѣско говоритъ, намъ кажется, за то, что эти звуки не различались. Къ сожалѣнію, рѣшеніе подобныхъ вопросовъ находится въ неизбѣжной зависимости отъ другаго болѣе важнаго и доселѣ столь же мало разрѣшеннаго вопроса: именно вопроса объ историческомъ отношеніи обѣихъ славянскихъ грамотъ. Миклошичъ устраняетъ противорѣчіе, прямо заявляя, что глаголица древнѣе кириллицы и принимаетъ, на стр. 51 въ противность стр. 47, что глаголическое ѣ первоначально выражало одно *ja* Такимъ образомъ то, что мы называемъ церковно-славянскимъ языкомъ оказывается у него разбитымъ на два періода: на періодъ—*ja* (глаголица) и на періодъ—*ja*, *e'* (кириллица) *).

Это послѣдчее дѣленіе мы признаемъ вполнѣ. Такія начертанія какъ: ѣкова, тьмнѣна, продьѣда, днѣволъ, при іерихѫ встрѣчающіяся въ одномъ изъ лучшихъ кодексовъ глаголическаго письма (Зографскомъ Евангеліи) не оставляютъ никакого сомнѣнія, что ѣ означаетъ здѣсь *ja*, а если оно означаетъ *ja*, то оно не можетъ обозначать здѣсь *e'*. Ибо какой критерій былъ бы у читателя въ распознаваніи этихъ столь различныхъ значеній одного и того же буквеннаго начертанія?

Окончательно признать этотъ фактъ мѣшаетъ Миклошичу то обстоятельство, что ѣ въ ново-слов. нарѣчіи получило зна-

---

*) Не можемъ не обратить вниманія читателя на это крупное самопротиворѣчіе автора. На стр. 47 онъ говоритъ. эти памятники, именно болѣе „древніе, глаголическіе, такъ же какъ и происшедшіе изъ нихъ кириллическіе заставляютъ признать, что чрезъ ê, ѣ, выражался двойной звукъ, именно звукъ *ja* и звукъ французскаго *è*ᵃ. А на стр. 51· „періодъ—*ja* находитъ еще свое выраженіе въ глаголическихъ памятникахъ древне-славянскаго, ê которыхъ (кирилл. ѣ) первоначально по всему вѣроятію обозначало только *ja*, и которые соединенія *ja* (кирилл. ꙗ) не знаютъ“.

ченіе франц. *é fermé* и выражается звукомъ отличнымъ отъ всѣхъ прочихъ разновидностей *е* *). А это нарѣчіе у него—въ противность теоріямъ нѣмецкихъ славистовъ—прямой наслѣдникъ церковно-славянскаго языка. Если бы даже дѣло и дѣйствительно обстояло такъ, какъ то полагаетъ Миклошичъ, (а это еще далеко не доказано) то все-таки естественнѣе было бы видѣть въ этомъ случаѣ діалектическое отступленіе языка-потомка чѣмъ приписывать такой странный характеръ языку-предку.

Двойственности въ объясненіи ѣ держался и Шлейхеръ, только онъ не распространялъ ея на выговоръ этого звука, а ограничивался указаніемъ на его двойственное этимологическое происхожденіе. Дѣйствительно, загадочный фактъ представляется въ томъ явленіи, это одно и тоже ѣ пишется и въ вѣмь *(vid)* и въ имь *(ad)*. Объяснить эту странность, дѣло не шуточное. Мы не считаемъ достойнымъ науки разрѣшать подобные вопросы мимоходомъ; но съ другой стороны не желали бы и упустить случай высказать одно, можетъ быть слишкомъ смѣлое предположеніе.

Пріемы посредствомъ которыхъ мы произносимъ наши звуки могутъ отличаться безконечнымъ разнообразіемъ. Комплексъ *ad* мы можемъ, правда, произнесть чисто и рѣшительно, заставляя звучать наши струны лишь когда вполнѣ установится артикуляція для *a*. Но то же самое *ad* можетъ быть произнесено и такъ, что *a* начнетъ звучать когда мышечная система полости рта еще находится въ движеніи приготовляясь къ своей конечной артикуляціи *a*. Но такъ какъ всякое другое положеніе языка и губъ представитъ всегда узость бо́льшую чѣмъ при *a*, то естественно, что слѣдствіемъ такого опереженія звучанія въ моментъ неприготовленной артикуляціи застанетъ наши органы или при высокой или при низкой полярности. Передъ *a* появится новый звукъ, который постепенно измѣняясь, будетъ въ концѣ своемъ пере-

*) Стр. 312, 4.

ходить въ чистое *a*. При этомъ мы всегда можемъ наблюсти двѣ категоріи этого призвука: онъ будетъ или губной (низкая полярность, типъ — *v*) или небный (высокая полярность, типъ—*j*). Изъ сказаннаго не слѣдуетъ что онъ долженъ быть непремѣнно или *v* или *j*. Передаваясь изъ устъ въ уста онъ можетъ принимать весьма различные колориты и оттѣнки, подробно разбирать которые значило бы лишь удаляться отъ нашей главной цѣли. Такой-то призвукъ появился въ русскомъ «восемь» (при *осьмой*) въ церк.-славянскомъ ѫзъ (при др. бактр. *azem*). Въ различныхъ славянскихъ языкахъ эти призвуки принимаютъ весьма различныя формы. Такъ, кромѣ *v* и *j* появляются *h, g* (въ сербскомъ, въ полабскомъ *woatrik* (отрокъ) и под. Такой же призвукъ появился и при *ad*, давъ настоящее ѧмь (уцѣлѣвшее въ Остромірѣ и др. хорошихъ спискахъ). Не нужно думать, чтобъ *v* было исключительно пріурочено къ гласнымъ низкой, а *j* къ гласнымъ высокой полярности такъ, въ серб. появляется *vis* (ἵσσα), въ чешскомъ *viskati*; съ другой стороны русск. діал. *йонъ* вм. *онъ* и т. д.

Нѣтъ основанія думать, что такое приставленіе высокаго призвука совершилось еще въ ту эпоху, когда *a* звучало чисто (если оно вообще когда-нибудь такъ звучало). По всѣмъ вѣроятіямъ это совершилось лишь когда *a* обратилось въ *e*. И вотъ тому очень простое доказательсво. Если бы *j* приставлялось къ *a*, тогда тѣ ѧ которыя образовались на памяти исторіи (ѫзъ при ѧзъ, ѧблоко при аблоко и под.) не должны были бы ничѣмъ отличаться отъ тѣхъ ѧ которыя дали изъ себя ѣ. Однако, они отличаются что видно напр. изъ русскаго: мы говоримъ, *ѣсть*, но: *я, яблоко*. Звукъ же *ja* появился въ ѣмь и под. вѣроятно вслѣдствіе *контраста*, какъ въ силу того же контраста появляется для уха *i* тамъ гдѣ въ сущности стоитъ лишь *e* (именно въ дифтонгѣ *ai* *).

Если же бы оказалось, что такое объясненіе не выдерживаетъ критики, то у насъ есть другое, хронологическое. *J*

---

*) См. Сиверса Lautphysiol. стр. 86, 87.

могло приступить къ *а*, когда оно еще не обратилось въ *е*; но тогда вышло, что тѣ комплексы *ja*, которые образовались *еще до* эпохи нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ, должны въ наше время быть по возрасту старше тѣхъ *ja* которые, какъ **мѧ** и **мѧлоко**, образовались на памяти литературы; естественно поэтому что *j* первыхъ успѣло съузить *а* до русскаго *ѣ*, а *j* вторыхъ такого дѣйствія оказать не успѣло.

Однако, если дѣйствіемъ контраста мы могли пренебречь въ данномъ случаѣ, то оно получаетъ высокую степень вѣроятія въ случаѣ ѣ изъ *і*. Въ **вѣмь** при *vid а* никакого нѣтъ, все что мы можемъ предположить здѣсь, это *е* *). Можетъ статься, что въ обоихъ случаяхъ *ѣ* и звучало нѣсколько различно: *ѣ* изъ *і* нѣсколько уже чѣмъ ѣ изъ *а* (*е*). Но вовсякомъ случаѣ такой двойственности какую признаетъ Миклошичъ не было и быть не могло **).

Читатель можетъ быть удивляется тому что мы такъ sans façon перешли отъ звуковъ въ началѣ рѣченія къ звукамъ въ срединѣ рѣченія стоящимъ. Но то явленіе, на которомъ мы главнымъ образомъ строимъ наше толкованіе *ѣ* (появленіе полярнаго призвука передъ гласной) отнюдь не касается одного начала рѣченій. Намъ, русскимъ, извѣстно лучше чѣмъ другимъ, какъ можетъ смягчаться *е* въ срединѣ слоговъ. Но и не только *е* можетъ подвергаться этому процессу, а и многія другія гласныя. Мы говоримъ *пять*, *пядь*, хотя прочіе индоевропейскіе языки свидѣтельствуютъ за чистое *а* въ этихъ словахъ. Мы говоримъ далѣе *любовь*, хотя такіе примѣры какъ *лучъ*, давали бы право ожидать здѣсь *у*. Но и не въ однихъ славянскихъ языкахъ встрѣчаются подобные случаи. Нѣмецкіе языки (особенно англосакс. и дрвн. со своими Brechungen) стоятъ въ этомъ отношеніи на совер-

---

*) Согласно первой главѣ нашей книги мы принимаемъ за корень его подъятую форму.

) Хорошій примѣръ еще неустановившейся іотаціи *а*, изъ которой выросло впослѣдствіи *ѣ*, представляютъ два рѣченія въ Зографскомъ евангеліи **мѣ да имѣтъ сѧ (Іоон. I, 31) и **і имѣи славѣ своѣ** (Іоан. II, 11).

шенно одинаковой доскѣ со славянскими: англ.-сакс. *meolc* молоко, др.в.н. *Fiall, giald,* или готск. *thiuda* (при умбр. *tutu* народъ) совершенно образованы по законамъ славянскаго языка. Но если въ германскихъ нарѣчіяхъ это явленіе ограничено лишь слѣдующими за гласною плавными *r* и *l* *), то весьма оказывается поучителенъ старо-французскій языкъ: въ немъ изъ *bel* образовалось *biel*, потомъ *bial, biau,* и наконецъ bô **) То же самое повторяется и въ итальянскомъ: *fiero* (лат. *ferus* ***) въ испанскомъ *(tiempo* †) въ валашскомъ *(diede-dedit, piept-pectus* ††) и т. д. Но не только перечисленныя нами нарѣчія, даже древне-бактрійскій языкъ обнаруживаетъ спорадически сходный же процессъ: напр. *dĕusmanahya* (изъ *dush*+*m*⁰) дурнодумающій; *dĕusçravañh* дурной славы. Комплексъ *ĕu*, хотя Юсти и принимаетъ его за гуну отъ *u* †††) въ этихъ словахъ очевидно не есть подъемъ, что доказывается другими, совершенно параллельными образованіями, напр. *dusmananh* (то же самое значеніе: дурно думающій). Это есть простая іотація *u*, какъ въ осскскомъ *tiurrí* при лат. *turris* *†) какъ въ литовскихъ *siùlau, siulýti* (русск. *сулить*) *prudýti* подстрекать (ср. русск. діал. *пудить*) и многочисленныхъ другихъ *††). Обратное явленіе (лабіализація, появленіе *v)* встрѣчается вообще рѣже. Но и оно хо-

---

*) Физіологическое объясненіе у Шерера Zur Geschichte стр. 69, 70. Замѣтимъ, что приведенные примѣры говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и за дѣйствіе контраста (*eo, ra* изъ *e*).

**) Дицъ Грамм. I. стр. 437.

***) ibid. стр. 340.

†) ibid. стр. 357.

††) ibid. стр. 476.

†††) Handbuch стр. 357. Шлейхеръ не признаетъ такой гуны: Comp. стр. 38 (§ 17).

*†) Цвѣтаевъ Сборникъ Глосс. стр. 117.

*††) См. объ этомъ Іог. Шмидта: Die Entwickelung von unurspr. *j* im Slawischen und Litauischen въ Beitr. VI, стр. 129—151. Куртатъ Грамм. §§ 39—46 (стр. 15—17).

рошо знакомо лингвистамъ. Достаточно вспомнить про наши *вутро*, лит. *vénas* одинъ, или про латинскія *qu* (изъ * *k*) *gv* (изъ * *g*) и под.

Но мы удалились слегка отъ нашей главной цѣли. Мы хотѣли утвердить ту мысль, что *ѣ* есть древняя іотація *е* (или *а*?). Мы прибавляемъ «древняя» потому, что исторія смягченія гласныхъ въ славянскихъ языкахъ представляетъ нѣсколько періодовъ, можетъ быть весьма далеко отстоящихъ одинъ отъ другого хронологически. Въ большинствѣ живыхъ славянскихъ языковъ звукомъ іотированнымъ является не одно *ѣ*, но и *е*. Однако можно почти съ достовѣрностью сказать, что нѣкоторые изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской письменности (и именно глаголическіе) представляютъ эпоху, въ которую *е* еще не іотировано. Миклошичъ отвергаетъ это мнѣніе и говоритъ, что если допустить отсутствіе іотаціи передъ *е*, тогда **копіе** должно было бы звучать **копіо** *) Не думаемъ, такъ какъ достаточно уже одного *і* чтобы смягчить *о* до *е* **); а если послѣ *і* *е* ранѣе чѣмъ въ другихъ случаяхъ получаетъ *j* и въ графикѣ, то это понятно само собою.

Если бы **є** въ эпоху написанія нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ имѣло уже опредѣленно выразившуюся іотацію, то оставалось бы удивляться, почему глаголическое письмо, такъ строго отличающее **ж** отъ **ѫ** и **а** отъ **ѧ**, не создало спеціальнаго знака для іотированнаго **є** подобно тому какъ то сдѣлала кириллица? Конечно, нельзя утверждать, чтобы выго-

---

*) Ср. грамм. ² I, стр. 7.

) Это слово образовано отъ лито-славян. основы 3 *kap* (см. Фика II ³ 532) которая, какъ то доказываютъ наше *копыто* и гр. κάπετος ровно никакого j не имѣло. А получилось *і* въ **копіе отъ суффикса *ya*, посредствомъ коего оно образовано. Суффиксъ же *ya* во всѣхъ словахъ которыя имъ замыкаются звучитъ для средняго рода: **е** (см. Шлейхера Сотр. ⁴ стр. 377 (§ 217). Такимъ образомъ оказывается, что здѣсь іотація не славянская, а общая, индоевропейская, и потому въ примѣръ идти не можетъ.

воръ, соотвѣтствующій эпохѣ тѣхъ памятниковъ которые не представляютъ еще ѥ, не наклонялся уже отчасти въ сторону іотаціи. Всякое явленіе входитъ въ силу постепенно; нельзя провесть рѣзкой черты между періодомъ іотаціи и періодомъ еще не знающимъ ея. Отсутствіе и присутствіе іотированныхъ є въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ указываетъ именно на это переходное состояніе, и столько же говорятъ *за* существованіе описуемаго нами явленія (чѣмъ пользуется Миклошичъ) сколько и противъ него. Съ другой же стороны, поелику мы знаемъ, что іотація *е* есть явленіе преимущественно славянское не раздѣляемое въ такой степени ни однимъ изъ родственныхъ языковъ, то отсутствіе ея знака въ древнѣйшихъ памятникахъ (а глаголическіе памятники Миклошичъ, какъ мы видѣли, именно и признаетъ за древнѣйшіе) скорѣе, намъ кажется, слѣдовало бы принимать за свидѣтельство въ пользу ея отсутствія въ древнѣйшую эпоху церковно - славянскаго языка, чѣмъ незаслуженно обвинять въ такой крупной графической неточности чуть ли не самыо лучшіе изо всѣхъ нашихъ списковъ.

Наконецъ есть одно обстоятельство, могущее насъ, помимо всякихъ апріорныхъ разсужденій, убѣдить въ вышесказанномъ. Глаголическіе памятники характеризуются, кромѣ отсутствія іотированныхъ є, еще слѣдующимъ: въ нихъ многія формы, падежные и глагольные суффиксы, представляютъ ъ тамъ гдѣ въ кириллическихъ спискахъ мы находимъ ь. По нашему мнѣнію, нельзя разрывать обѣихъ этихъ характеристическихъ чертъ и гораздо правильнѣе видѣть въ нихъ лишь два проявленія одного и того же начала. Когда мы сравнимъ строку изъ Ассеманіева Евангелія: **подобъно єстъ цѣсарство нєбєсноє** *) съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Остромира: **подобьно ѥсть цєсарьствїѥ нєбєсьноѥ**, то мы неизбѣжно должны будемъ замѣтить: 1) что въ Ассеманіи царствуетъ ъ, а въ Остромірѣ ь, и 2) что въ первомъ є встрѣчается

*) Матѳ. XIII, 24.

въ чистомъ видѣ, а во второмъ оно іотировано. Другими словами: перевѣсъ мягкаго звука ь сопряженъ и съ появленіемъ мягкаго іотированнаго є, и наоборотъ, царство твердаго звука ъ, должно опредѣлять собою и твердое звучаніе є, т. е. его неіотированное произношеніе.

Это мы все ведемъ къ тому, чтобъ указать на разновременность іотаціи *е* въ славянскихъ языкахъ. Тѣ *е*, которыя іотировались еще до литературной даты нашего племени, обратились въ *ja*, и въ этомъ видѣ (т. е. въ видѣ ѣ) были записаны древнѣйшею изъ славянскихъ грамотъ. Другія *е* іотировались позднѣе, и поступили въ письменность въ видѣ *е*, ѥ, *je*; въ выговорѣ же они не успѣли развиться до *ja*, и остались «іотированными варіантами *е* — звука». Но и то не вездѣ. Такъ, въ нашей мѣстности (въ центральныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи) народъ говоритъ, правда, *мяшокъ*, въ *лясу*, но и: *къ няму*, *вяди*, *няси*. Подъ ударенiемъ однако появляется въ обоихъ случаяхъ *je*: такъ, напр. говорятъ: *лjесъ*, *мjехъ*, *карjёння* (коренья) съ твердымъ суффиксомъ, слова имѣющія *е* подъ ударенiемъ, по общему правилу поднимаютъ его въ *jo*: *вёлъ*, *о нёмъ*.

Итакъ, резюмируя все вышесказанное о *ѣ*, мы находимъ, что *ѣ* есть полифтонгъ опускающійся, исходящій изъ почти согласнаго *j* и доходящій по различнымъ нарѣчіямъ до *е*, *а*, *о*. Лишь въ одномъ говорѣ славянскаго нарѣчія ѣ имѣетъ значеніе полифтонга весьма слабо поднимающагося *(ẹ)*. Исторически, *ѣ* есть древняя іотація *е* *), начавшаяся можетъ быть еще въ ту эпоху, когда *е* было и на почвѣ славянскаго языка близко къ *а* (a_1 по Бругману и Соссюру).

---

*) Подъ *е* мы здѣсь разумѣемъ конечно двѣ фонетическія единицы: *е* изъ $a + i$ (напр. въ *тѣ* мѣст. указ. им. мы; ср. скр. *tē*) и *е* изъ *а*.

ГЛАВА IV.

Три процесса вокализма.

I. Сочувствіе.

Послѣ всего нами сказаннаго о значеніи вокальныхъ полярностей, не можетъ казаться страннымъ теоретическое утвержденіе, что гласныя той или другой полярности выказываютъ извѣстное *сочувствіе* къ гласнымъ одинаковой съ ними полярности.

Мы упоминали уже о законѣ Винтелера. Смыслъ его всецѣло приложимъ къ данному случаю, съ небольшою лишь оговоркою. Эта оговорка состоитъ въ слѣдующемъ:

Законъ Винтелера касается звуковыхъ комплексовъ, преимущественно соединенныхъ въ одинъ слогъ (въ обычномъ значеніи этого термина). Но онъ же долженъ быть распространяемъ и на случай двухъ рядомъ лежащихъ слоговъ. Мы указали уже на то что согласныя и гласныя каждаго слога составляютъ одно тембровое цѣлое. Слѣдовательно, когда мы произнеся одинъ слогъ, безъ перерыва голоса переходимъ къ произношенію другаго рядомъ съ нимъ лежащаго слога, то, не дойдя еще до самой гласной, мы встрѣчаемся уже съ ея полярностью въ лицѣ сопровождающаго ее консонанта. Такимъ образомъ, случай съ двумя слогами какъ бы пріурочивается къ случаю одного слога, и законъ Винтелера естественно долженъ имѣть свое приложеніе. Этотъ законъ говоритъ, что когда голосовымъ органамъ предстоитъ сдѣлать

двѣ артикуляціи, то они, безсознательно для говорящаго, стараются поступить такъ чтобы сдѣлать только одну артикуляцію. Понятно поэтому, что въ случаѣ встрѣчи двухъ безъ перерыва произносимыхъ слоговъ, мускульная система нашихъ голосовыхъ органовъ прибѣгаетъ къ уловкѣ облегчающей ей это произношеніе: если оба слова одинаковой полярности, затрудненія быть не можетъ; но если полярности обѣихъ сосѣднихъ гласныхъ различны то одна изъ нихъ приводится къ полярности другой.

Но какая: первая или вторая?

На этотъ вопросъ труднѣе отвѣтить чѣмъ кажется. Самый безопасный отвѣтъ конечно былъ бы такой: и та и другая. И въ самомъ дѣлѣ: всякому извѣстно что какъ первая гласная можетъ ассимилироваться второй, такъ и вторая можетъ ассимилироваться первой. Однако чаще встрѣчается ассимиляція первой категоріи, т.-е. такая въ которой предыдущая гласная приближается къ тембру послѣдующей.

И это согласно со многими другими явленіями. Духъ арійца повидимому гораздо болѣе склоненъ думать о послѣдующемъ, чѣмъ вспоминать о прошедшемъ. Грекъ придыхалъ τ въ своемъ словѣ θρίξ прежде чѣмъ доходилъ до изсчезнувшаго предыханія каппы. Этимъ мы конечно не хотимъ сказать чтобъ онъ, какъ обычно толкуютъ, сожалѣлъ объ утраченномъ придыханіи и потому утѣшалъ бы себя придыханіемъ τ; такое толкованіе даже нелогично, ибо сожалѣніе объ утратѣ не можетъ наступать ранѣе самой утраты. Нѣтъ, все что мы можемъ сказать это то, что въ его сознаніи чувствовалась придыхательная артикуляція, какъ неизбѣжно присущій этому слову признакъ, и вотъ онъ, подъ вліяніемъ этого сознанія, невольно дѣлалъ придыханія еще въ самомъ началѣ рѣченія.

Но возвратимся къ занимающему насъ предмету.

Всѣ явленія на которыя мы будемъ указывать теперь, подведены уже въ наукѣ подъ часто употребляемый терминъ «ассимиляціи». Мы, въ сущности не имѣли бы ничего противъ этого термина (имѣющаго за собою всѣ преимущества

распространенности), еслибъ не представлялось намъ слѣдующаго соображенія.

Что такое ассимиляція?—Уподобленіе одного звука другому. При этомъ невольно понимается дѣло такъ, что одному, готовому и твердому звуку уподобляется другой, не готовый, нетвердый. На опытѣ однако это отношеніе часто представляется въ обратномъ видѣ. Нерѣдко тематическая или коренная гласная, за которой мы имѣли бы всѣ основанія признать характеръ «твердой», сама искажается въ угоду какому-нибудь ничтожному по звуковому обилію суффиксу. Такое явленіе мы не въ силахъ понять иначе, какъ при допущеніи, что сама тематическая или коренная гласная постепенно складывалась, окрѣпала, соображаясь съ тѣмъ или инымъ звуковымъ сосѣдствомъ. Другими словами, мы присутствуемъ въ подобныхъ случаяхъ при *двухстороннемъ процессѣ*, общій смыслъ котораго гораздо лучше выясняется терминомъ «сочувствія» чѣмъ «ассимиляція». Таково по крайней мѣрѣ наше мнѣніе.

Древне-бактрійскій языкъ оказывается особенно чувствителенъ къ этого рода соотвѣтствіямъ. Это понятно, такъ какъ явленіе сочувствія (слово «ассимиляція» мы не будемъ употреблять: оно выражаетъ явленіе, уже перешедшее въ графику, тогда какъ слово «сочувствіе» имѣетъ приложеніе и къ такимъ случаямъ въ которыхъ это явленіе имѣетъ лишь зачаточный и, такъ сказать, потенціальный характеръ) строго говоря, есть не что иное какъ та же эпентеза, или, выражаясь правильнѣе, эпентеза есть частный случай явленія сочувствія.

Но подъ терминомъ эпентеза мы можемъ разумѣть лишь появленіе въ предыдущемъ слогѣ гласной тождественной той которая находится въ послѣдующемъ слогѣ. Лишь при условіи тождественности это явленіе можетъ быть названо эпентезой. Однако древне-бактрійскій языкъ представляетъ и другія не менѣе важныя особенности, именно, что не только *i*, но и *ê* и даже *êê* могутъ вызывать вокальныя измѣненія въ сосѣднемъ слогѣ. При этомъ новая гласная является все въ томъ же видѣ *i*, почему это послѣднее явленіе мы и не на-

зываемъ эпентезой *). Это вліяніе *ê* имѣетъ мѣсто черезъ слѣдующія согласныя: *t*, *d*, *th*, *dh*, и лишь иногда черезъ *p*, *b*. Послѣднее обстоятельство важно. Оно показываетъ намъ, что *p*, *b* въ древне-бактрійскомъ, хотя и смягчающіяся настолько чтобы вызывать эпентезу при *i*, настолько однако помнятъ о своемъ губномъ характерѣ (и слѣдовательно *низкой* полярности) что не всегда подчиняются высокому тембру *ê*; *m*, какъ извѣстно не перепускаетъ черезъ себя даже *i*. Это трудно себѣ объяснить: во всѣхъ прочихъ языкахъ *m* есть звукъ очень воспріимчивый къ гласному тембру.

Вотъ нѣсколько примѣровъ вліянія *ê* и *éê* на гласную предыдущаго слога:

изъ	açtvatê	выходитъ	açtvaitê
»	airyamanê	»	airyamainê.
»	ushaçtarê	»	ushaçtairê
»	dathê	»	daithê
»	pârê	»	pairê.
»	zazâtéê	»	zazâitéê

и т. д. **).

Но и предыдущая гласная можетъ вліять на послѣдующую, хотя гораздо рѣже. Притомъ этого рода сочувствіе относится лишь къ низкой полярности, т.-е. *u*, *v* могутъ вызывать аналогическій тембръ въ слѣдующемъ слогѣ. Такъ изъ *çku-rena* выходитъ *çukuruna* ***). *e* и *i* не оказываютъ вліянія.

Чувствительность древне-бактрійскаго языка къ сохраненію полярностей выражается еще въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: а) когда въ группу согласныхъ вставляется новая гласная, то она часто бываетъ одинаковою съ гласной слѣдующаго слога. Такъ какъ мы, вообще говоря, не допускаемъ «согласныхъ группъ» въ одномъ слогѣ, то весь этотъ

---

*) См. Compr. 4 стр. 27.

**) Юсти ib. § 19.

***) Подробнѣе у Юсти Handb. стр. 359 § 16, 3, 4.

законъ сводится собственно къ тому что гласныя малыхъ прислоговъ *) принимаютъ полярность гласной главнаго слога. и b) Иногда (особенно передъ *r*) приставляется въ началѣ слова гласная, которая уподобляется гласной перваго слога этого рѣченія.

Наконецъ можетъ быть такой случай, что гласная низкой полярности (обыкновенно *a, â*) оказывается окруженною: съ одной стороны полугласною *y*, съ другой согласными высокаго тембра, что происходитъ отъ присутствія *ê, í, y* въ слѣдующемъ слогѣ. Тогда она теряетъ свой низкій тембръ и переходитъ въ *ê*. Такъ, древне-бактріецъ говорилъ: *yacnô* (им. под. отъ темы *yacna*, жертва) но мѣстный падежъ у него звучалъ уже *yêcnê*. Древній Индусъ, отправляясь въ Эранъ, сказалъ бы, что онъ идетъ *Aryadeçam*, а древній Эранецъ говорилъ, что его страна называется, правда, *Airyana-vaējanh*, но что самъ онъ живетъ *Airyênê vaêjahi* (въ «краю арійскихъ источниковъ»).

На древне-бактрійское нарѣчіе мы указали какъ на языкъ наиболѣе чувствительный къ полярности гласныхъ въ рядомъ лежащихъ слогахъ. Но и другіе языки далеко не лишены той же способности. Изъ нихъ оба классическіе, т.-е. греческій и латинскій, отличаются этою способностью менѣе всѣхъ остальныхъ, вѣроятно вслѣдствіе того что они рано стали языками культурныхъ, пишущихъ народовъ, и потому не успѣли провесть въ своемъ вокализмѣ указаннаго нами принципа.

Впрочемъ въ греческомъ языкѣ изъ индо-европ. *ápa* образовалось ἄπο, а изъ *ápi* вышло ἐπι. Бреаль **) совершенно вѣрно объясняетъ это различіе ассимилирующей силой гласной *i*. Но Густавъ Мейеръ, задавшійся односторонней идеей о необходимости появленія ε подъ ударенiемъ и *o* безъ ударенія ***) не рѣшается пристать къ этому вполнѣ естественному толкованію.

---

*) Сиверсъ: kleine Nebensilben

**) Mémoires de la société de linguistique 2, 169.

***) Ztschft XXIV 255

Мы стараемся не касаться въ этомъ обзорѣ того, что въ строгомъ смыслѣ называется эпентезой. Примѣрами эпентезы греческій языкъ вообще очень богатъ, но случаевъ подобныхъ приведенному онъ вообще говоря насчитываетъ не много.

Въ древне-латинскомъ языкѣ мы находимъ еще менѣе широкое поприще для указанныхъ нами соотвѣтствій. Въ сущности мы можемъ указать лишь на весьма ограниченное число случаевъ, и такъ какъ почти всѣ они спорные, то мы и не хотимъ развлекаться ими на послѣднихъ страницахъ нашего труда. Вообще про оба классическіе языка слѣдуетъ сказать, что для «сочувствія» они представляютъ очень бѣдное поле.

Слѣды сочувствія гласныхъ мы видимъ еще въ осскомъ нарѣчіи. Тамъ вставляется иногда въ группу согласныхъ паразитная гласная, и она въ большинствѣ случаевъ, бываетъ тождественна съ ближайшей слѣдующей. Напр. *puturūmpíd* = utrorumque; но *putereipíd* (loc. sing. m.) *comono*-но: *comenei* (loc. s.) m. *) Этотъ случай стоитъ на одинаковой доскѣ съ разобраннымъ аналогическимъ явленіемъ въ древне-бактрійскомъ языкѣ.

Довольно широкую распространенность получило сочувствіе вокальныхъ полярностей въ германскихъ нарѣчіяхъ. Что касается готскаго, то случаи эти всѣ подробно разобраны и систематизированы, такъ что намъ, еслибы мы захотѣли долѣе останавливаться на нихъ, пришлось бы только компилировать изъ полновѣсныхъ изслѣдованій нѣмецкихъ лингвистовъ.

Замѣтимъ только, что Шереръ **) и Сиверсъ ***) вполнѣ справедливо указали на то, что всѣ явленія, опредѣляемыя спеціальнымъ терминомъ «Umlaut» стоятъ въ ближайшей свя-

---

*) См. Kirchoff: Uber Vocaleinchiebung im Oskischen Ztrft I, 36 слл. Также Comp. ⁴ стр. 109 и Цвѣтаевъ Сб. осск. надп. стр. 35, 36, 37.

**) Zur Geschichte der Deutschen Sprache 143.

***) Verhandlungen der 28-ten Versammlung deutscher Philologen 189 слл.

зи съ эпентезой и вызываются смягченіемъ согласной чрезъ j. Подъ словомъ Umlaut, со времени Гримма *), перваго изслѣдователя всѣхъ этихъ интересныхъ явленій, понимаютъ собственно то что мы, въ болѣе тѣсномъ опредѣленіи, называемъ «сочувствіемъ». Такіе случаи какъ др. в. н. *vatar* (отецъ) и *vetir* (отцы) безпорно занимаютъ спеціальное мѣсто. Въ нихъ указываемое нами соотвѣтствіе выступаетъ съ особенной силой. Однако нельзя не согласиться и съ мнѣніемъ Іоганнеса Шмидта, который множество на первый взглядъ чисто эпентетическихъ явленій (т.-е. случаевъ съ дифтонгами) объявляетъ явленіями тождественными съ Umlaut'омъ такъ какъ, по его мнѣнію, ихъ *ai* и *ei* только графическіе пріемы (Schreibweisen) для выраженія нѣкоего мягкаго, между *e* и *i* лежащаго звука **). Мы вообще, говоря, относимся недовѣрчиво къ этимъ «графическимъ пріемамъ» но во всякомъ случаѣ оба явленія (эпентеза и сочувствіе) въ сущности не что иное какъ двѣ стороны одного и того же.

Изъ разсмотрѣнія эпентетическихъ явленій въ германскихъ нарѣчіяхъ невольно приходишь къ тому убѣжденію, что въ нихъ проявляется лишь вліяніе высокой полярности. Нижняя полярность не вызываетъ сочувствія въ предшествующемъ слогѣ. Мы не отрицаемъ, что дабы высказать на этотъ счетъ какое нибудь положительное заключеніе, нужно самые факты подвергнуть болѣе тщательному анализу. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ вѣрною ту мысль что и нижняя полярность не безучастна въ явленіи сочувствія, хотя дѣйствія ея на первый взглядъ не замѣтно. Когда замѣчаемъ мы появленіе Umlaut'а? —когда къ гласной нижней полярности приступаетъ гласная высокой полярности: изъ этого слѣдуетъ, что наоборотъ, когда обѣ гласныя нижней полярности, то дѣйствія не замѣтно, но оно все-таки есть, ибо законъ сочувствія оправданъ. Въ этихъ случаяхъ очень важно правильно смотрѣть на алфавитную традицію. Большинство нашихъ алфавитовъ, кромѣ

*) Грамм. 1^2, 555.

**) См. Vocal. II, 472, 473 и слѣд.

какихъ нибудь рунъ или глаголицы (хотя и про эту послѣднюю утвердительно сказать нельзя) заимствованы, и заимствованы изъ такихъ языковъ (лат. и греч.), которые какъ мы видѣли, не воспріимчивы къ закону сочувствія гласныхъ, и, въ частности къ смущеніямъ вокализма чрезъ гласныя высокихъ полярностей. Поэтому всякое простое сочетаніе выражало всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и сочетаніе низкихъ полярностей, тогда какъ всякое проявленіе высокаго тембра обозначалось особенными буквенными знаками. Вотъ почему мы замѣчаемъ послѣднія и не сознаемъ присутствія первыхъ.

Наконецъ, что̀ самое важное, въ нашей родной рѣчи мы можемъ, слѣдя внимательно, открыть массу случаевъ процесса сочувствія. Напр. *а* въ *ваза* не то *а* которое слышится въ *вазѣ*; *у* въ *дубъ* не то *у* которое мы ощущаемъ въ *дубинѣ*. Чтобы провѣрить ухо, достаточно мысленно приготовиться сказать: *въ вазѣ, дубина*, но сказать *ваза, дубъ*: разница скажется даже въ физическомъ ощущеніи мускулъ рта.

Это явленіе въ высшей степени важное и совершенно реальное, но не замѣчаемъ мы его по причинѣ его чрезвычайной вседневности.

2. Поляризація.

На страницахъ настоящаго очерка мы уже не разъ встрѣчались съ явленіями которыя собираемся нынѣ назвать именемъ «поляризація».

Всякое сочетаніе согласной съ гласною представляетъ ту или другую полярность. Возможно однако, и въ судьбахъ индоевропейскихъ языковъ это случается весьма часто, что между согласной и гласной вставляется новая гласная, болѣе рѣзкой полярности чѣмъ коренная. Въ первой главѣ нашего труда мы отвергли существованія *центра* между полярностями: то что̀ обыкновенно принимается за центръ, именно *а*, въ нашихъ глазахъ — простая гласная низкой

полярности. Но мы говорили такъ лишь объ *а* практическомъ. Несомнѣнно однако, что въ строгой теоріи, между каждыми двумя крайностями должна быть нейтральная точка, хотя бы существующая и на началахъ неустойчиваго равновѣсія. Мы всегда вправѣ, слѣдовательно, между *и* и *і* предположить центральную или нейтральную точку, которую можемъ назвать *а теоретическимъ* или *а ирраціональнымъ*.

Безспорно, что если бы мы хотѣли строго держаться избираемой нами терминологіи, тогда *поляризаціей* мы могли бы назвать только тѣ случаи когда нейтральное звуковое сочетаніе, вслѣдствіе вступленія въ него новаго гласнаго звука, становится полярнымъ, какъ напр. англ *parliament* изъ лат. *parlamentum*. Но поелику мы не допускаемъ практическаго существованія нейтральнаго звука, то намъ приходится распространить нашу терминологію и на уже полярныя сочетанія. Тогда дѣйствіе вышеназваннаго закона будетъ ограничиваться *усиленіемъ* полярнаго характера гласной. Примѣровъ мы могли бы привести множество, и ихъ уже много нами приведено. Достаточно будетъ если мы укажемъ теперь на исп. *tiempo* изъ *tempus* и ит. *buono* изъ *bonus*.

Поляризація можетъ быть *прямая* — примѣромъ могутъ служить приведенныя слова *tiempo* и *buono* — *и обратная*, какъ напр. въ осскомъ *tiurri* вм. лат. *turris*, въ сл. **любъ** вм. * *lubh* и т. д. Случаевъ обратной поляризаціи *і* намъ неизвѣстно, если не считать такимъ явленіемъ **ъі**=**і** (**въ** при *vi* **кънагъіни** при *König* и т. д.).

Иногда оба упомянутые процесса (сочувствіе и поляризація) дѣйствуютъ заразъ. Сравнивая исп. *dueña* съ лат. *domina*, мы съ перваго взгляда открываемъ, что *е* здѣсь обязано своимъ существованіемъ процессу *сочувствія*, вслѣдствіе вліянія *і* слѣдующаго слога. Мы достигаемъ слѣдовательно формы *doina*. Очевидно, что дабы обратиться въ *duena*, *о* должно было поляризироваться чрезъ *и*, и поляризовалось *прямо*, т.-е. теоретическая форма полифтонга такова:

$d_u(o)^{\epsilon}\tilde{n}a$

Въ ней: *e* принадлежитъ процессу сочувствія, *u* процессу поляризаціи; средній или коренной звукъ *o* пропалъ, вѣроятно вслѣдствіе ударенія, выдвинувшаго оба конца полифтонга и стушевавшаго его средину.

Сходныя судьбы имѣло и фр. *Antoine* изъ *Antonius*. Въ этомъ словѣ (и подобныхъ) замѣчательно то, что правописаніе и выговоръ представляютъ каждый по примѣру на оба указанные нами доселѣ процесса. Правописаніе *Antoine* (свидѣтельствующее о древнемъ выговорѣ этого слова) говоритъ въ пользу процесса сочувствія (даже въ пользу самаго яркаго случая этого процесса—эпентезы). Выговоръ же *Антуанъ* представляетъ примѣръ поляризаціи, въ силу которой и появился звукъ *y*. Слѣдующее за нимъ *a*, котораго не было въ первоначальной формѣ, есть продуктъ двухъ процессовъ: сочувствія, тянувшаго *o* къ *i*, и поляризаціи, тянувшей *o* къ *u*.

Въ обширномъ смыслѣ наша поляризація есть то, что Гриммъ и его современники назвали терминомъ *Brechung*.

3. Нейтрализація.

Процессъ обратный поляризаціи есть *нейтрализація*. Онъ состоитъ въ томъ, что въ полярное сочетаніе согласной съ гласною вставляется звукъ болѣе нейтральный чѣмъ прежняя гласная. Такъ какъ, говоря теоретически, самый нейтральный звукъ есть *a*, то самый чистый типъ нейтрализаціи есть тотъ случай, когда между согласною и полярною гласною появляется *a*. Мы приходили къ тому самому процессу, который оставили неразрѣшеннымъ на стр. 41 нашего труда. Англ. *Christ* (Крайстъ) изъ Χριστός образовалось посредствомъ нейтрализаціи полярнаго звукосочетанія *ri*.

Процессъ нейтрализаціи есть тотъ самый процессъ, который германскіе теоретики назвали *Steigerung*, а индійскіе *guṇa*. Такъ какъ это явленіе достаточно разобрано нами въ первой главѣ, и такъ какъ изо всѣхъ «законовъ» сравнительнаго языковѣдѣнія это самый популярный, то намъ нѣтъ надобности приводить ему много примѣровъ. Ихъ цѣлыя массы каждый знаетъ изъ памяти.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ трехъ послѣднихъ параграфахъ мы говорили: между согласной и гласной *появляется* новая гласная. Цѣлью всего нашего труда было доказать, что никакихъ произвольныхъ вставленій не бываетъ, и что всѣ теоріи соединяющія съ подобными «вставленіями» разные психическіе и грамматическіе моменты—построены на пескѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ (мы это доказали выше) то что̀ признается за переходъ отъ слабой формы къ усиленной есть переходъ отъ сильной формы къ ослабленной. Говоря поэтому «вставляется» мы должны сдѣлать оговорку.

Вопервыхъ никакихъ *сознательныхъ* вставокъ въ живой звукъ разговорнаго языка быть не можетъ, потому что онѣ искажаютъ форму словъ и слѣдовательно нарушаютъ естественное ихъ пониманіе. Такимъ образомъ возможны становятся только вставки *безсознательныя*.

То что̀ на бумагѣ появляется въ видѣ буквы, то въ природѣ есть артикуляція. Если между двумя буквами появляется третья, то это значитъ, что между двумя артикуляціями появляется третья артикуляція. Но какимъ образомъ можетъ появляться то чего не было сначала?

Оно было. Было не въ актѣ, а въ потенціи. Дѣло въ томъ, что промежутокъ между согласной и гласной можетъ быть оставленъ въ тѣни, и тогда кажется, будто тамъ пустое пространство. Но *удареніе* можетъ освѣтить это пространство и тогда въ немъ обнаруживаются новые, незамѣченные дотолѣ элементы. Почему удареніе освѣщаетъ это пространство у однихъ народовъ и въ однѣ эпохи, а не освѣщаетъ въ другія и у другихъ племенъ — сказать трудно. Вообще трудно сказать, почему измѣняются звуки?

Вмѣсто всякаго объясненія мы можемъ поставить подобный же вопросъ изъ болѣе близкой намъ области: почему измѣняются моды, одежда? Исторія звуковъ въ нѣкоторомъ отношеніи очень похожа на исторію, напр., шляпъ. Длинныя цвѣтныя ленты, украшавшія нѣкогда шляпы придворныхъ кавалеровъ сократились нынѣ до ничтожнаго бантика едва примѣтнаго на корпусѣ цилиндра: точно такъ же изъ *vaidmas* вышло *vidmas*. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе возвышаясь надъ головой, «нормальная» шляпа достигла высоты нашего цилиндра. Точно такъ же изъ *Paris*, *Berlin* вышло голл. *Pareis*, *Berlein*. Никто не можетъ указать, *какъ* это совершилось: оно совершилось незамѣтно, постепенно, какъ постепенно выростаетъ брошенное въ землю сѣмя, и совершилось единственно потому, что *были зачаточные элементы*, развившіеся впослѣдствіи до элементовъ реальныхъ, ощутимыхъ.

Съ этой точки зрѣнія становится понятно и разнообразіе замѣнъ, въ которыя разрѣшались якобы основные звуки, и въ которыхъ нынѣ школа Бругмана признаетъ такую все возрастающую множественность: дѣло въ томъ, что на спорныхъ мѣстахъ уже въ пра-языкѣ стояли не одиночные, а множественные звуки (полифтонги) которые, подъ прихотливою игрой ударенія, въ однихъ языкахъ разрѣшились въ однѣ, а въ другихъ въ другія формы.

Мы приблизились къ концу нашего изложенія. Безспорно, нами помѣченъ лишь силуэтъ, наполнить рисунокъ еще остается тѣмъ которые пожелаютъ разрабатывать матеріалъ далѣе на указываемыхъ нами началахъ. Во всякомъ случаѣ мы полагаемъ, что нами достигнута отчасти главная цѣль нашего труда: представить звуки не въ безжизненномъ отображеніи ихъ въ весьма несовершенномъ зеркалѣ письменности, а въ томъ, что̀ есть ихъ истинная, какъ бы психическая область: въ ихъ *жизни*, въ ихъ *движеніи*.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Изобильно разсѣянныя на страницахъ этого труда опечатки столь же непріятны автору какъ и читателю, ожидающему отъ лингвистическаго изслѣдованія всей необходимой въ этихъ случаяхъ точности. Извиняясь въ этихъ недосмотрахъ, изъ которыхъ однако не найдется ни одного измѣняющаго смыслъ, авторъ спѣшитъ завѣрить, что причина ихъ не въ небрежномъ отношеніи къ труду, а въ тяжкихъ семейныхъ потрясеніяхъ, пережить которыя обыкновенно случается лишь одинъ разъ въ жизни

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе ..... II.

Глава I. Теорія подъемовъ.

Общая характеристика лингвистическихъ теорій Шлейхера..... 1
Изложеніе теоріи подъемовъ 3
Распространенность теоріи подъемовъ. Ея прочіе защитники.... 5
Фикково объясненіе подъемовъ 7
Теорія подъемовъ — занось съ Востока..... 11
Почему теорія эта такъ быстро привилась на Западѣ..... 12
Грамматическіе недостатки теоріи подъемовъ..... 14
Какъ слѣдуетъ понимать современное ученіе о корняхъ: какъ историческое или какъ гипотетическое?..... 21
Нѣсколько примѣровъ воззрѣній лингвистовъ на корни 22
Какое первоначальное значеніе должны мы приписывать корнямъ 25
Основы равныя корню и основы съ суффиксомъ 32
Выводы изъ предыдущихъ замѣчаній о подъемахъ 40
Преимущество вышеизложеннаго объясненія предъ теоріей подъемовъ..... 44

Глава II. Теорія гласной.

Нетвердость гласныхъ въ сравненіи съ устойчивостью согласныхъ 46
О предѣлахъ гласнаго колебанія 72
Гласныя и согласныя — два раличныхъ порядка звуковъ..... 75
Гдѣ граница между гласными и согласными? 76
Звукосочетанія типа ТА и типа АТ (АТЪ)..... 78
Уитне объ отношеніи гласныхъ къ согласнымъ 85

Стр
Физическое различіе гласныхъ и согласныхъ 90
Приложеніе антитезы гласныхъ и согласныхъ къ языковѣдѣнію.. 92
Невозможность разсматривать согласныя отдѣльно отъ сопровождающихъ ихъ гласныхъ 94
Древнебактрійская энентеза какъ иллюстрація предыдущаго 97
Что такое слогъ? 99
Двѣ полярности вокализма 105
Т. н. мульнированные и лабіализированные звуки германскихъ лингвистовъ 108

Глава III. Полифтонги.

Переходъ къ слогамъ въ плавной рѣчи 112
Монофтонги и полифтонги 114
Полифтонги восходящіе и нисходящіе 120
Физіологическое объясненіе полифтонговъ 121
Спеціальный обзоръ полифтонговъ 129
Полифтонги въ индо-эранской вѣтви 130
Полифтонги въ древне-греческомъ языкѣ 134
Полифтонги италійскихъ нарѣчій ..... —
Полифтонги въ кельтскихъ нарѣчіяхъ 140
Полифтонги романскихъ нарѣчій 148
Примѣры полифтонговъ въ современныхъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ.. 153
Примѣры полифтонговъ въ древне-прусскомъ языкѣ 155
Полифтонги въ полабскомъ нарѣчіи 158
Полифтонги въ церковно-славянскомъ нарѣчіи 163
Экскурсъ I — ы 163
Экскурсъ II — ѣ 175

Глава IV. Три процесса вокализма.

1. Сочувствіе 185
2. Поляризація 192
3. Нейтрализація 194
Заключеніе 196

Послѣсловіе 198

